

В. Миеуличъ

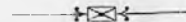
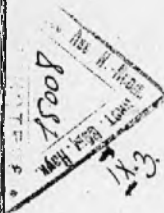
801-13
165

992
159
M 126
99

ТЪНИ ПРОШЛАГО

— 33 1/2 34 D

Съ 13 рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

P.33-1948

2011137097

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Зртелевъ, 13

Во мнѣ толку было мало, и вся жизнь моя была бредъ ¹⁾). Но среди этого бреда мнѣ доводилось близко подходить къ замѣчательнымъ людямъ моего времени, о которыхъ я могла бы теперь рассказывать моимъ внукамъ, сидя у камина и пошевеливая догорающіе угли.

Вспоминается мнѣ, какъ прихожу къ себѣ въ комнату на дачѣ въ Павловскѣ и вижу на столѣ письмо отъ Суворина, только что вернувшагося изъ Ясной Поляны. Онъ пишетъ мнѣ по порученію Льва Николаевича Толстого, который сказалъ ему: «Передайте ей, чтобы она года два ничего не печатала. А то наши писатели, какъ начнутъ хорошо, ихъ начинаютъ рвать во всѣ стороны. Они принимаются писать безъ удержу, и ничего изъ нихъ не выходитъ»...

Меня тронуло вниманіе великаго писателя. Незадолго до этого я познакомилась съ Т. А. Кузминской, сестрой его жены. Мы встрѣтились у П—ихъ на чтеніи «Крейцеровой Сопаты» въ рукописи. Общество собралось довольно фэшенбельное. Услыхавъ эпиграфъ:

¹⁾ Стихотв. Майкова «Дурочка Дуня».
тѣни прошлаго.

«А я вамъ говорю: кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ...», нарядная madame T. произнесла насмѣшливо:

— Belle exorde!.. (прекрасное вступленіе!).

А когда чтеніе окончилось, всѣ говорили:

— Mais qu'est-ce qu'il veut? Qu'est-ce qu'il veut?.. (Но чего онъ хочетъ? Чего онъ хочетъ?).

Видя, какъ я заглядываюсь на Татьяну Андреевну, хозяйка дома пригласила меня пообѣдать съ ней, послѣ чего мы обмѣнялись визитами. Татьяна Андреевна рассказала мнѣ много интереснаго о жизни Льва Николаевича и его семьи, о его дочеряхъ Танѣ и Машѣ. Въ заключеніе она сообщила, что почти каждое лѣто проводить въ Ясной Полянѣ, и звала меня пріѣхать въ гости къ ней. Но я не поѣхала.

Осенью, вслѣдъ за письмомъ Суворина, пріѣхала ко мнѣ издательница «Сѣвернаго Вѣстника» Любовь Яковлевна Гуревичъ. Она только что побывала въ Ясной Полянѣ и была всецѣло подъ обаяніемъ великаго человѣка и его семьи. Она говорила: «Я точно прожила три дня среди дѣйствующихъ лицъ «Войны и мира» и «Анны Карениной», до такой степени все тамъ казалось мнѣ близкимъ и давно знакомымъ. О васъ спрашивали. Отчего вы къ нимъ не ѣдете?».

И, по уходѣ ея, набравшись храбрости, я написала Льву Николаевичу.

Татьяна Андреевна сама принесла мнѣ его отвѣтъ, очень довольная тѣмъ, что можетъ меня порадовать.

Письмо Льва Николаевича:

«Вы не пишете мнѣ ни вашего отчества, ни адреса, но я все-таки пишу черезъ Татьяну Андреевну и безъ обращенія, такъ я радъ былъ получить ваше письмо. Очень жаль, что вы не приѣхали лѣтомъ; мы бы лучше познакомились, чѣмъ письменно. То, что вамъ передавалъ Суворинъ о моемъ восхищеніи передъ вашей повѣстью, навѣрное только въ малой степени выражаетъ то, какъ она мнѣ нравится. Очень интересно, что вы напишете теперь? И, по правдѣ скажу: очень боюсь. Надо, чтобы было очень, очень хорошо, чтобы было не хуже Мимочки. А Мимочка по тону своему такъ оригинальна, что слѣдующая вещь не можетъ уже быть похожа на нее по тону. Какой же будетъ тонъ слѣдующей, тоже особенный, оригинальный или простой—языкомъ автора? Все это меня интересуетъ. Интересно мнѣ тоже ваше отношеніе къ монаху Варпавѣ. И еще болѣе ваша мечта пойти съ котомочкой на богомолье. Я нахожу, что это не только не странно и смѣшно, но гораздо болѣе естественно, чѣмъ въ шляпѣ и ротондѣ пойти по Невскому. Желаю вамъ мира съ людьми и любви къ нимъ и отъ нихъ и какъ можно болѣе серьезнаго религіознаго отношенія къ своему писанію, т. е. чувствовать, что дѣлаешь это больше для Бога или скорѣе передъ Богомъ, чѣмъ передъ людьми. Левъ Толстой».

Гуревичъ познакомила меня съ Волынскимъ (Флексеръ) и съ моимъ близкимъ сосѣдомъ Н. С. Лѣсковымъ. Оба оказались пламенными почи-

татами Толстого и принялись усердно снабжать меня его послѣдними сочиненіями, и запрещенными, и не запрещенными. Я узнала о Бондаревѣ и о Сютаевѣ, прочла книгу о жизни, о деньгахъ, критику догматическаго богословія и Евангеліе...

Лѣсковъ преклонялся передъ Толстымъ и называлъ его своей святыней на землѣ. «Я обязанъ ему болѣе, чѣмъ покоемъ земной жизни,—говорилъ онъ:—я принялъ его разумѣніе жизни, въ немъ успокоился и свой фонаришко бросилъ. Онъ уже не нуженъ мнѣ, разъ я вижу передъ собою яркій маякъ и знаю, чего держаться».

Лѣсковъ побывалъ уже въ Ясной Полянѣ и вывезъ отсюда прекрасныя впечатлѣнія. Онъ говорилъ: «Это удивительно простая семья, въ которой все можно сказать, потому что тамъ и сами все говорятъ и главное—все понимаютъ». Онъ любилъ самого Льва Николаевича, его сына Льва и дочерей Татьяну и Марію, но высоко чтилъ и графиню, которой, по его словамъ, «мечъ проходить душу». Ему нравилась и наружность графини, и ея искренность и откровенность. Онъ часто говорилъ: «Мы должны быть ей благодарны. Она намъ сохранила его!»—Изъ дочерей онъ предпочиталъ Татьяну, находилъ ее умной и привлекательной и желалъ ей выйти замужъ за губернатора. О Маріи же онъ говорилъ: «Я не понимаю ея; но въ присутствіи ея мнѣ хочется сказать: Выди отъ меня; я человѣкъ грѣшный!»

Глубоко преклоняясь передъ Толстымъ, Лѣсковъ насмѣшливо относился къ его послѣдова-

Графъ М. Н. Толстой.
(Съ фотографіи Шерера Набгольци).

телямъ, называлъ ихъ «лпетунами», беспощадно придирался къ ихъ словамъ и поступкамъ и рассказывалъ о нихъ анекдоты. Видя, что я интересуюсь толстовцами, онъ пригласилъ какъ-то бывшаго толстовца А. М. Хирьякова и вдвоемъ они принялись рассказывать мнѣ біографіи всѣхъ извѣстныхъ имъ толстовцевъ. Я наскоро записывала въ тетрадку ихъ рассказы, но, перечитавъ дома записанное, увидала, что это все каррикатуры. И я все разорвала, нисколько не сочувствуя такому пасмѣшливому отношенію къ послѣдователямъ Толстого.

Уцѣлѣла у меня случайно только страничка о Сютаевѣ. Вотъ что рассказалъ Хирьяковъ объ этомъ близкомъ Льву Николаевичу сектантѣ. «Память адаманта. Выучилъ наизусть Апокалипсисъ и Евангеліе. Маленькій старичокъ, 38 лѣтъ отсидѣвшій въ тюрьмѣ. Зналъ нравы поповъ и бѣсить ихъ умѣлъ мастерски. Говорилъ, что въ тюрьмѣ люди отличные, ожесточенные. Пришли въ тюрьму озлобленные, возвратились Божьими работниками. Въ тюрьмѣ Сютаевъ многимъ помогалъ и всѣхъ училъ. Не велѣлъ жепиться. Дѣтей не крестить». Въ послѣднюю побывку Хирьякова въ Ясной Полянѣ онъ засталъ тамъ старика-сектанта. Утромъ Сютаевъ вышелъ съ Ваничкой и говоритъ: «А я недоволенъ Львомъ Николаевичемъ. Онъ лукавствуетъ... Запираетъ свое...». И ушелъ въ трактиръ чай пить. Прямо изъ Ясной Поляны Сютаевъ отправился къ императору въ Гатчину. «Хочу рассказать ему, какъ его обману-

вають». Сѣлъ на машину и доѣхалъ до Гатчины. Тамъ его приняли два жандарма».

Крестьянинъ Новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи Сютаевъ отдѣлился отъ православія послѣ смерти своего ребенка. Священникъ не соглашался хоронить дешевле полтинника, а у Сютаева было только тридцать копеекъ. Онъ похоронилъ ребенка самъ, отсталъ отъ церкви и другихъ сталъ отговаривать, занялся чтеніемъ Библіи и составилъ группу послѣдователей, которые отрицали современные власти, отрицали подати, судъ и участіе въ военной службѣ (все то, что отрицалъ и Левъ Николаевичъ). Когда восторжествоуетъ Божественная правда, все будетъ общее, исчезнетъ раздѣленіе на народы, убійства прекратятся, и будетъ царство сютаевцевъ на землѣ. Въ короткое время число послѣдователей Сютаева возросло до тысячи человѣкъ. Левъ Николаевичъ очень заинтересовался старикомъ и его воззрѣніями, которыя такъ сходились съ его собственными.

Въ началѣ марта 1893 года я получила какъ-то записку отъ Лѣскова: «Здѣсь старикъ Ге, старый и умный другъ Льва Николаевича, единого духа съ нимъ. Онъ хочетъ очень побесѣдовать съ вами. Для сей цѣли 9-го марта, въ 12 часовъ дня на Фурштаттской будетъ сервированъ чай съ маслинами. Прилетать и жаворонки».

Я пошла на чай съ маслинами. Словоохотливый сѣдовласый художникъ вышелъ мнѣ навстрѣчу въ переднюю и съ мѣста назвалъ меня дорогимъ

другомъ. Онъ позакзаменовалъ меня относительно знакомства съ ученіемъ Толстого и очень настаивалъ на томъ, чтобы я, не откладывая, съѣздила въ Ясную Поляну.

Вскорѣ послѣ этого, уѣзжая въ Кіевъ, гдѣ сестрѣ моей дѣлали операцію, я написала Марѣ Львовнѣ, спрашивая: могу ли на обратномъ пути заѣхать къ нимъ? Послѣдовало приглашеніе, которымъ я рѣшила воспользоваться.

Прибывъ къ вечеру въ Тулу, я переночевала въ гостиницѣ Чернышева и утромъ 12-го мая поѣхала на извозчикѣ въ Ясную Поляну. Утро было чудное. Въ небѣ ни облачка. Кое-гдѣ по оврагамъ и канавамъ еще бѣлѣли прохладныя пятна снѣга, но тутъ же рядомъ зеленѣли свѣжіе всходы. Жаворонки журчали свои чистыя пѣсенки. По дорожѣ мы то встрѣчали, то обгоняли группы богомолокъ и богомольцевъ съ котомками и посохами. Они здоровались и кланялись. Міръ казался миѣ раемъ, до того было чудно все, что было у меня передъ глазами.

Мой извозчикъ Трофимъ, сморщенный сѣдой старичокъ, спросилъ: не родня ли я графу? Онъ о немъ слышалъ, но бывать у него на дворѣ ему еще не приходилось. Я спросила: знаютъ ли въ Тулѣ Льва Николаевича и что о немъ говорятъ?—«Знають-то всѣ знаютъ, а говорятъ,—разное говорятъ. Говорятъ, что онъ въ родѣ какъ бы чудака. Господинъ богатый, а ходитъ просто, и работу тоже простую какую дѣлаетъ. Видно, хочетъ всякое состояніе узнать. Какъ Петръ Великій!» Вчера Тро-

фимъ въ первый разъ портретъ Петра Великаго видѣлъ. «Вотъ человѣкъ былъ. Царь былъ, а плотникомъ работалъ, челны мастерилъ, корабли строилъ, до всякаго дѣла самъ доходилъ, въ потъ лица хлѣбъ ѣлъ, честный человѣкъ былъ! Ну, и состояніе всякое узналъ. А ему и надо. Конечно, коли ты людьми правишь, ты и знай, кѣмъ ты правишь. Я конемъ, скажемъ, правлю. Такъ я коня моего знаю, и конь меня знаетъ... А то какъ же...»

Трофимъ долго разговаривалъ съ своимъ конемъ, чтобы доказать, какъ онъ хорошо его знаетъ; потомъ онъ снова обернулся ко мнѣ и задумчиво вымолвилъ:

— А только, такъ сказать, хоть ты и всякое состояніе узнаешь, а того, что тамъ будетъ (онъ показалъ кнутомъ на небо),—не узнать. Не дано...

Спускаясь къ желѣзнодорожному мосту, мы услышали, что намъ строго кричатъ что-то. Невдалекѣ гарцовалъ конный жандармъ. Оказалось, что въ виду ожидаемаго проѣзда императора Александра III съ семьей не дозволено подъѣзжать къ мосту. Трофимъ, поворчавъ въ сѣдую бороду, сталъ препираться съ остановившимъ насъ мужичкомъ.

— Да чего ты, дѣдушка,—спокойно возразилъ тотъ:—по своей, что ль, я охотѣ? Тоже не больно весело тутъ съ утра не ѣмши стоять. Приказаніе!

Жандармъ подскочилъ къ намъ, чтобы выслушать пренія сторонъ. Трофимъ взмолился:

— Ваше высокоблагородіе! Барыня съ зонтикомъ... Изволите видѣть...

И онъ повторялъ это: «Барыня съ зонтикомъ», — пока жандармъ не махнулъ рукой, говоря: «Провѣжайте!»

Когда дорога стала подниматься въ гору, мы оба пошли пѣшкомъ. И такъ хорошо было идти тропинкой вдоль дороги, въ тишинѣ весенняго утра, что я даже забывала о моемъ волненіи по поводу предстоящей встрѣчи. Трофимъ обратилъ мое вниманіе на колодезь, который сколько ни засыпаютъ, вода все бѣжитъ... Онъ снялъ шапку и перекрестился, поровнявшись съ этимъ колодеземъ.

Поднялись на гору. Дорога пошла ровная, легкая.

— Ну, садись, барыня, подалече теперь.

И темныя ели засѣки, казалось, тоже уже говорили мнѣ: близко, близко... Сонъ свершится наяву. Невозможное станетъ возможнымъ. Я увижу Николенку Иртельева, увижу Левина! Я увижу Льва Толстого!..

Все ближе и ближе. Ясная Поляна, простая, открытая и привѣтливая, какъ и сами Толстые, уже передъ нами. Вотъ и усадьба, и садъ съ вѣковыми липами, и ограда, и двѣ башенки. Трофимъ въѣзжаетъ въ ворота. Сердце мое начинаетъ усиленно биться. Это не сонъ. Я въ Ясной Полянѣ. Боже мой, я въ Ясной Полянѣ! Левъ Толстой! Левъ Толстой!

Слѣва свѣтится прудъ, въ которомъ, крикая, плещутся гуси и утки, справа въ отдаленіи виднѣется бѣлая лошадь и работникъ въ красной рубахѣ.

Трофимъ подкатываетъ къ крыльцу у бѣлаго дома. Сейчасъ же подходятъ ко мнѣ дѣвица въ красномъ платьѣ, съ краснымъ зонтикомъ и высокій старикъ въ круглой черной шапочкѣ. Это Ге и Татьяна Львовна.

По близорукости я не сразу узнаю стараго художника. Но онъ развязно подходитъ ко мнѣ, какъ старый знакомый. А Татьяна Львовна, внимательно разглядывая меня веселыми умными глазами, говоритъ:

— Вы В—я, не правда ли?

Я спрашиваю ее о Марѣ Львовнѣ.

— Маши нѣтъ. Она уѣхала въ Самару. Она очень жалѣла, что съ вами не увидится. Но она уѣхала на кумысъ съ больнымъ братомъ. У насъ Лева боленъ. Больше у васъ нѣтъ вещей? Ихъ спешутъ въ вашу комнату. Вы будете жить у Маши. А теперь пойдемте къ мама. Она сейчасъ уѣдетъ въ Тулу съ Андрюшей, но пока она еще здѣсь.

Говоря это, Татьяна Львовна ведетъ меня по деревянной лѣстницѣ наверхъ. Ге поднимается за нами. Я говорю:

— Я боюсь графини.

— И ея?—насмѣшливо спрашиваетъ Татьяна Львовна.—Не бойтесь.

Мы входимъ въ большую свѣтлую комнату. У входа рояль. На противоположной стѣнѣ нѣсколько портретовъ предковъ. По серединѣ столъ съ самоваромъ и чашками. Одновременно съ нами, но изъ другой двери, входитъ графиня, стройная, свѣжая, моложавая, въ черной юбкѣ и черной

шелковой блузочкѣ съ бѣлыми полосками и отдѣлкой изъ чернаго кружева. Она чуть-чуть начинаетъ сѣдѣть. Лицо у нея доброе и симпатичное, очень живые черные глаза.

Она наливаєтъ мнѣ кофе и говоритъ:

— Мы о васъ слышали отъ моей сестры, Татьяны Андреевны. Вы познакомились у П.?

Говоримъ о П—хъ.

Англичанка вводитъ въ комнату толстенную круглолицую Сашу и гнѣзнаго кудряваго Вашичку. Ему пять лѣтъ, Сашѣ годомъ или двумя больше. Дѣти садятся противъ меня и тоже пьютъ кофе, молча поглядывая на меня.

Ге спрашиваетъ меня о Лѣсковѣ и о томъ, съ кѣмъ изъ толстовцевъ онъ меня познакомилъ.

Я спѣшу сказать, что хотя я большая почитательница Льва Николаевича, но я—не толстовка.

— Позвольте пожать вашу руку,—говоритъ мнѣ графиня съ радостной улыбкой.

— А кого вы знаете изъ толстовцевъ?—спрашиваетъ Татьяна Львовна.

— Познакомилась я только съ Бирюковымъ; но по рассказамъ знаю Ругина, братьевъ Алексиныхъ, Горбунова, Новоселова, Черткова, Трегубова, Калугина, Клопскаго, Хилкова, Сопочко...

Ге начинаетъ перебирать всѣхъ этихъ людей единого духа. Онъ умиляется при имени каждаго и всѣхъ превозноситъ до небесъ:

— Замѣчательная личность!.. глубокое пониманіе, преданность ученію... А вы знаете, что онъ сѣлалъ?..

Графиня всѣхъ отрицаетъ: тунсядцы, прики-
вальщики, переряженные, ничего не дѣлають...

— А вы знаете, какъ ихъ паша прислуга зо-
ветъ? Господа лѣнивые... И вѣрно.

Татьяна Львовна въ своихъ отзывахъ держится
середины между этими двумя крайними мнѣніями.
Она кажется мнѣ необыкновенно милой и привле-
кательной въ своемъ красномъ лѣтнемъ платьѣ,
съ золотыми часиками на короткой золотой цѣ-
почкѣ вокругъ шеи. У нея манеры, выговоръ,
интонація свѣтской дѣвушки высшаго круга.
И мать, и дочь хорошо и модно одѣты и причесаны.
По внѣшности обѣ—не толстовки. Это напоми-
наетъ мнѣ сѣтованія Лѣскова по поводу того,
что въ толстовскомъ движеніи нѣтъ женщины.
Я говорю обѣ этомъ.

Ге восклицаетъ съ негодованіемъ:

— Какъ ихъ нѣтъ? Что онъ говорить!.. Да
одна Маша стоитъ нѣсколькихъ.

И старикъ начинаетъ съ увлеченіемъ восхва-
лять ее.

Графиня соглашается съ тѣмъ, что Маша очень
добра. Она всегда живетъ для другихъ. Вотъ и
теперь она уѣхала съ больнымъ братомъ!..

— Изумительная дѣвушка!—твердитъ Ге.—
Вы знаете, что она дѣлаетъ? Встанетъ въ четыре
часа утра, всѣмъ въ домѣ сапоги перечистить...

Графиня хвалитъ еще жену Черткова. Тоже
толстовка и вегетаріанка. Очень милая жен-
щина, только все, бѣдняжка, хвораетъ.

О самомъ Чертковѣ графиня отзывается тоже

очень благосклонно и сочувственно, и прибавляет:

— И его миѣ жаль. Ходить толстый, красный...

— Не пора вамъ ѣхать, мама?—говорить Татьяна Львовна.

— Лошади не поданы.

И графиня рассказываетъ миѣ еще, что ея дочерямъ столько работы при отцѣ, что если бѣ онѣ вышли замужъ пришлось бы нанять постороннихъ для секретарской работы. Вотъ и теперь ему очень Маши не достаетъ. Онъ сказалъ вчера: «Точно я замужъ ее отдалъ».

— Ну-съ,—обращается ко миѣ Татьяна Львовна:—отца вы не увидите до завтрака. Онъ работаетъ.

Но дверь съ лѣстницы отворяется, и на порогѣ показывается необыкновенный человѣкъ съ необыкновеннымъ лицомъ и удивительными глазами. Неслышно ступая сапогами безъ каблучковъ, онъ подходитъ ко миѣ, и мы здороваемся. Вижу блузу, поясъ, руки, сѣдую бороду, большой лобъ, густыя брови, живые пронизательные глаза. Слышу его голосъ, добрый, мягкій, серьезный. Соединить все это въ одно и понять, что это и есть Левъ Толстой, миѣ еще трудно.

Сначала лицо его кажется миѣ только умнымъ и строгимъ; но вотъ онъ улыбается, и улыбка придаетъ его лицу выраженіе доброты и мягкости. Пока онъ спрашиваетъ меня о Кіевѣ и объ операціи сестры, графиня, Ге и Татьяна Львовна поглядываютъ на меня, какъ бы спрашивая взглядомъ:

— Ну, что, каковъ нашъ?

Сказавъ, что мы увидимся и побесѣдуемъ за завтракомъ, Левъ Николаевичъ возвращается къ своей работѣ. Ге сообщаетъ мнѣ, что онъ доканчиваетъ свое «Царство Божіе». Замѣчательная, сильная книга.

Мы встаемъ изъ-за стола. Графиня уѣзжаетъ съ сыномъ въ Тулу къ зубному врачу. Дѣти съ англичанкой давно уже ушли на станцію посмотреть царскій проѣздъ. Татьяна Львовна предлагаетъ мнѣ и дѣдушкѣ (Ге) пройти туда же. Кстати и почту захватимъ.

Погода дивная. Мы идемъ опушкой лѣса. Татьяна Львовна находитъ два сморчка, послѣ чего совершенно забываетъ о нашемъ существованіи и начинаетъ молчаливо и сосредоточенно искать въ травѣ. Ге спрашиваетъ меня о Владимирскомъ соборѣ, о Праховѣ, о Васнецовѣ, Нестеровѣ, Котарбинскомъ, вспоминаетъ и перебираетъ и другіе русскіе соборы, критикуетъ Исаакиевскій и восхищается Казанскимъ; потомъ переходитъ къ импрессионистамъ и заканчиваетъ Рафаэлемъ и Перуджино. Отъ времени до времени онъ подзываетъ и увлекающуюся сморчками Татьяну Львовну и говоритъ:

— Послушайте-ка, это и вамъ интересно.

Узнаю, что Татьяна Львовна незаурядная художница.

Идемъ не спѣша, болтаемъ, отдыхаемъ, останавливаемся и, когда приходимъ на станцію, узнаемъ, что поѣздъ уже прошелъ, дѣти его видѣли и давно

ушли. Татьяна Львовна забирает газеты и почту, и мы идемъ обратно.

Ге усталъ и отстаеъ отъ насъ. Теперь Татьяна Львовна идетъ со мною и рассказываетъ мнѣ о себѣ и о Машѣ.

— Я много выѣзжала въ Москвѣ, когда была помоложе. Маша въ то время тоже выѣзжала на дѣтскіе балы. Она влюблялась, обманывала гувернантку, не была примѣрной. Но съ шестнадцати лѣтъ она стала лучше понимать то, что говоритъ отецъ. Теперь она хорошая работница, хорошо стираетъ и все сама дѣлаетъ. Она строгая вегетаріанка, какъ и отецъ, и, какъ отецъ, отказалась отъ своей доли имущества при общемъ раздѣлѣ. Изъ всей семьи только отецъ и Маша не обезпечены средствами и на свои необходимые расходы получаютъ отъ графини. Семья живетъ на такъ называемыя книжныя деньги, на доходъ отъ изданій. Все же, чѣмъ владѣлъ Левъ Николаевичъ, раздѣлено теперь поровну между дѣтьми. Одна Маша совсѣмъ отказалась отъ собственности.

Татьяна Львовна не стыдится еще отрѣзать купоны и тратить ихъ на себя, хоть и знаетъ, что это совершенно то же, что брать деньги отъ мужиковъ непосредственно. Она надѣется, что со временемъ это станетъ для нея невозможнымъ, но пока у нея еще такъ много прихотей и потребностей, что онѣ заслоняютъ отъ нея суть дѣла. Въ этомъ отношеніи сестра впереди нея. Вообще Маша очень хорошій человекъ. Она чутка къ чужимъ страданіямъ, самоотверженна, дѣятельна. Но

влюбляется по прежнему и, по словамъ Татьяны Львовны, она большая кокетка, никого не оставляетъ въ покоѣ и всякому умѣетъ влѣзть въ душу.

Я говорю Татьянѣ Львовнѣ, что по первому впечатлѣнію мнѣ жаль графиню. Видно, что всѣ

Дорога въ Ясную Поляну.

они сплочены, воодушевлены новымъ ученіемъ, а она одна въ сторонѣ и въ своемъ собственномъ домѣ живетъ подъ впечатлѣніемъ постоянного отпора.

— Это вѣрно, — соглашается Татьяна Львовна: — но вѣдь ей приносится столько жертвъ! Столько жертвъ, которыхъ она не замѣчаетъ или

не хочет замѣчать. Когда дочери живутъ здѣсь съ отцомъ безъ нея, у нихъ все идетъ ровно и гладко. А графиня сама создаетъ себѣ отдѣльную жизнь...

— Это грустно,—говорю я.—Теперь она еще держится за васъ, за дочерей; а когда вы выйдете замужъ, ея положеніе здѣсь будетъ очень труднымъ.

Татьяна Львовна говоритъ на это, что онѣ никогда не выйдутъ замужъ. Онѣ естественно требовательны это разъ. А второе: онѣ могутъ выйти только за послѣдователей отца, а среди нихъ нѣтъ такого...

Я совѣтую взять по сердцу хотя бы и не послѣдователя и сдѣлать его послѣдователемъ...

Догнавшій насъ Ге заставляетъ невольно перейти отъ разговора о женихахъ къ разговору о Тургеневѣ, котораго мнѣ напоминаетъ окружающій насъ пейзажъ. Татьяна Львовна отзывается о Тургеневѣ очень сурово и рѣшаетъ, что добрую половину его сочиненій можно выбросить безъ всякаго ущерба для его славы. Затѣмъ, взглянувъ въ сторону сада, Татьяна Львовна прибавляетъ:

— А папа ждетъ насъ...

Левъ Николаевичъ стоитъ въ концѣ липовой аллеи и смотритъ въ нашу сторону.

Мы прибавляемъ шагъ, перепрыгиваемъ канаву и подходимъ къ нему.

— Что же, видѣли проѣздъ?

— Нѣтъ, проворонили,—отвѣчаетъ Татьяна Львовна.

Мы идемъ къ дому.

— Осторожнѣе, не давите ихъ,—олабоченно говоритъ мнѣ Левъ Николаевичъ.

Я смотрю себѣ подъ ноги и вижу вереницы длинненькихъ красивыхъ букашекъ, ползающихъ по дорожкѣ. Самъ Левъ Николаевичъ внимательно къ нимъ приглядывается и осторожно поднимаетъ свои большія ноги, чтобы не наступить на букашекъ. Думаю: «Belle exorde! Не убій и люби все живущее...» И я тоже начинаю шагать осторожно, чтобъ не давить насѣкомыхъ, о которыхъ раньше не приходило въ голову подумать.

Левъ Николаевичъ спрашиваетъ еще разъ объ операциі сестры, о Рейнѣ, говоритъ, что читалъ брошюру Рейна о народномъ леченіи. Ему понравилось отношеніе Рейна къ народнымъ средствамъ. Вообще, и народная медицина и отношеніе народа къ медикамъ кажутся ему разумными.

Завтракаемъ вчетверомъ, такъ какъ дѣтей накормили, не дожидаясь насъ, а графиня еще не вернулась. Видимъ что-то вегетарианское и говоримъ о «Царствѣ Божіемъ», но не о содержаніи этого сочиненія, а о томъ, что переписывала Маша, что переписывала Таня, какія главы готовы окончательно и какія слѣдуетъ еще просмотрѣть. Ге относится къ своему другу и учителю съ обожаніемъ, спѣшитъ смѣяться его шуткамъ, радостно прислушивается къ каждому его слову и не сводитъ съ Льва Николаевича восхищеннаго взгляда. Онъ восторженно отзывается о «Царствѣ Божіемъ», находитъ, что эта книга—откровеніе, перево-

ротъ! Левъ Николаевичъ скромно говоритъ: «Да, мнѣ кажется, что нужно было написать это».

Внимательно посмотрѣвъ на меня, онъ спрашиваетъ:

— Вашъ мужъ былъ военный?

— Да.

— А отецъ?

— И отецъ, и дѣдъ (оба дѣда), и всѣ дяди съ той и другой стороны были военными.

Левъ Николаевичъ замѣчаетъ, что среди военныхъ много хорошихъ, честныхъ людей, но все же не слѣдуетъ идти въ военную службу, не надо принимать въ этомъ участія.

Я вспоминаю слова покойнаго Всеволода Гаршина, о томъ, что нигдѣ онъ не встрѣчалъ такихъ чудныхъ людей, какъ среди армейскихъ солдатъ и офицеровъ, и говорю это.

Всѣ вспоминаютъ Гаршина, побывавшаго въ Ясной Полянѣ. Левъ Николаевичъ замѣчаетъ:

— Да, онъ говорилъ это, но самъ писалъ противъ войны.

И мы вспоминаемъ «Четыре дня» и другіе рассказы Гаршина.

Потомъ, не помню ужъ, по какому поводу, Ге заговариваетъ о рукахъ и о томъ, что руки наиболѣе характерная часть тѣла человѣка; что нельзя, напримѣръ, къ лицу Татьяны Львовны приставить мои руки и наоборотъ. Татьяна Львовна говоритъ о хиромантіи. Она, какъ и я, читала книжку Дебароля, и мы вмѣстѣ начинаемъ разсматривать ладони Льва Николаевича и дѣдушки.

У Льва Николаевича рѣзко очерченъ уголъ скромности, а у дѣдушки на ладони его пѣтъ. Я съ удивленіемъ говорю Льву Николаевичу: «Неужели вы скромны?» Всѣ смѣются, а Ге говоритъ, подражая моему тону: «Неужели я нескроменъ?...»

Левъ Николаевичъ говоритъ, что хиромантія—чепуха, и что линіи на ладони складываются отъ занятій человѣка. Я согласна съ тѣмъ, что хиромантія—чепуха, но не соглашаюсь съ тѣмъ, что линіи зависятъ отъ занятій человѣка: у всѣхъ грудныхъ дѣтей одно занятіе, а линіи на маленькихъ ладоняхъ различны и разнообразны. Да и въ Библии, въ книгѣ Іова, говорится: «Богъ полагаетъ печать на руку каждаго человѣка».

При упоминаніи о Библии Левъ Николаевичъ и дѣдушка бѣгло переглядываются и снисходительно взглядываютъ на меня. Очевидно, Библия у нихъ не въ чести.

Поболтавъ еще, мы идемъ внизъ; Левъ Николаевичъ къ себѣ, а мы къ Татьянѣ Львовнѣ. Маленькія комнатки дочерей внизу, вблизи кабинета отца. У Татьяны Львовны стоитъ оттоманка, на которой она и спитъ, ширма, крошечный туалетный столикъ съ зеркаломъ, мольбертъ съ начатой работой. На стѣнѣ, надъ диваномъ виситъ большой портретъ отца, а подъ нимъ фотографія «Тайной вечери» Ге. По стѣнамъ много карточекъ родныхъ и друзей. Словомъ, это скромный, но уютный уголокъ свѣтской дѣвушки и художницы.

Комнатка Марьи Львовны гола, какъ монашеская келья. Кровать безъ матраца, комодъ безъ

признака зеркала, столъ и полка книгъ: сочиненія отца и медицинскія книги.

Писать втроемъ у Татьяны Львовны немислимо. Она сажаетъ насъ у Марьи Львовны и приноситъ намъ туда чернилъ, бумаги и перьсьвъ. Давая нѣсколько скупо бумагу, она замѣчаетъ, что у нихъ выходитъ такое невѣроятное количество ея, что онѣ всегда радуются, если кто-нибудь оставляетъ въ письмѣ чистый листъ; все идетъ въ дѣло. Указавъ намъ, что переписывать, она уходитъ къ себѣ тоже писать.

Я намѣреваюсь сейчасъ же приняться за дѣло, но дѣдушка начинаетъ разговаривать.

Хитро взглянувъ на меня, онъ говоритъ:

— То, что вы будете сейчасъ писать, противно ученію православной церкви, но это и есть истинное христіанство. Вотъ чѣмъ онъ дорогъ! Онъ возстановляетъ христіанство. Церковь не поняла или не захотѣла понять Христа. Онъ понималъ его. Церковь подмѣнила ученіе Христа. Она обѣщаетъ людямъ царство Божіе въ будущемъ и тѣмъ удаляетъ его наступленіе въ настоящемъ. А оно вотъ!—(я невольно оглядываюсь, чтобъ его увидѣть)—оно внутри насъ. Заповѣди Христа ясны: Не убій. Какъ же мы смѣемъ убивать? Вотъ онъ это здѣсь и развиваетъ... Онъ говоритъ: 1800 лѣтъ назадъ посреди языческаго міра появилось странное ученіе, приписываемое «человѣку Христу»...

Я взглядываю на него съ такимъ неподдѣльнымъ удивленіемъ, что онъ невольно умолкаетъ и,

вздохнувъ,, принимается писать, восклицая отъ времени до времени: «Прекрасно! Какъ вѣрно!.... Сильно, сильно сказано».

Мы написали еще очень немного, когда Татьяна Львовна принесла намъ розовой и бѣлой пастилы, которую и сама кушала съ удовольствіемъ. Вспомнивъ, что у меня съ собою былъ шоколадъ изъ Кіева, я достала его и предложила ей.

— Какая прелесть! Вы, вѣрно, знали, что я сластена? Ну, что, разбираете его почеркъ? Уйду, чтобъ не мѣшать вамъ.

Мы снова закрипѣли перьями. Я писала молча. Я была достаточно знакома съ взглядами Льва Николаевича для того, чтобы не удивляться тому, что знамя теперь называется глупой тряпкой, военный мундиръ—шутовскимъ нарядомъ и т. п. Но, дописавъ до словъ: «Люди живутъ жизнью, противной ихъ сознанію. Лицемеріе этой жизни поддерживается quasi-религіей и quasi-наукой...» я усомнилась насчетъ этого quasi и спросила дѣдушку: quasi или псевдо? Старикъ обрадовался случаю поговорить.

— Quasi, quasi,—твердо сказалъ онъ, потряхивая сѣдыми кудрями.—Онъ говоритъ, что мы дошли до предѣловъ этого лицемерія, и вина въ этомъ падаетъ на ложную религію и ложную науку, лже-науку, quasi-науку...

Начавъ съ этого, дѣдушка такъ разговорился, что я наконецъ замѣтила:

— Боюсь, что мы не допишемъ, если все будемъ разговаривать.

— Ну, такъ что жь? Развѣ я не дорожю этого? Я—живой человѣкъ, живое слово. Сегодня я здѣсь, а завтра меня не будетъ. Я вотъ и Машѣ говорилъ...—И, вспомнивъ о Машѣ въ кельѣ которой мы находились, онъ снова сталъ бурно восхищаться ею.—Стройная, гибкая, безконечно-женственная, нѣжная, страстная, сильная... Это—лань, это—конь!..—онъ не зналъ уже, съ чѣмъ сравнить ее.

Татьяна Львовна, съ шоколадомъ во рту, вторично заглянула къ намъ.

— О комъ вы говорите? О Машѣ? А!... Надо, однако, показать вамъ карточку его предилекціи... Здѣсь нѣтъ, тамъ, наверху я вамъ покажу. Ну, будетъ писать! Пойдемте взять воздуха. Скоро обѣдъ.

Вошла Вѣра Кузминская, съ которой я познакомилась еще въ Петербургѣ. Мы вчетверомъ прогуляли по саду до звонка къ обѣду, а затѣмъ Татьяна Львовна показывала мнѣ въ кабинетѣ графини карточки всѣхъ членовъ семьи, давая ихъ краткія характеристики. Дѣти смотрѣли фотографіи съ нами и вставляли и свои замѣчанія.

Передъ самымъ обѣдомъ вернулась графиня. Садясь за столъ, она оживленно и весело рассказывала что-то о Зиновьевыхъ и о какой-то Марѣ Ивановнѣ.

Кромѣ дѣтей и гувернантки, за столъ сѣлъ еще румяный блондинъ, докторъ Зандеръ, онъ же дѣтскій учитель музыки. Всѣхъ за столомъ было двѣнадцать человѣкъ. Подавали два лакея. Вина на

столѣ не было. Пили квасъ и воду. Левъ Николаевичъ, Ге, Татьяна Львовна и ся кузина ѣли вегетарианское, графиня, дѣти, Зандеръ и англичанка—мясное.

Говорили сначала о больныхъ ногахъ Вѣры Кузминской. У нея былъ ревматизмъ, и Левъ

Бѣлыя башни у вѣзда въ Ясную Поляну.

Николаевичъ очень жалѣлъ ее. Мнѣ было странно видѣть великаго писателя въ роли «Левочки», «папа» и «дяди-Ляли», окруженнаго семейнымъ муравейникомъ. Зандеръ доказывалъ Татьянѣ Львовнѣ, что ей вредно вегетарианство. Она возражала и спорила. Левъ Николаевичъ и дѣдушка тоже отстаивали вегетарианство. А графиня сказала:

— Конечно, ей вредно. Я всегда это думала. Онъ обѣ уже разстроили себѣ этимъ здоровье. Можетъ быть, это и хорошо подъ старость, но имъ еще рано. А что я могу сдѣлать? Я отлично знаю, что это еще имъ отзовется. Машѣ и теперь уже приходится кефиръ пить.

Ге взглянулъ на графиню, какъ на преступницу, и сейчасъ же сталъ рассказывать Льву Николаевичу объ одномъ замѣчательномъ человѣкѣ, который перешелъ на вегетаріанство. И какъ это хорошо на него дѣйствуетъ!...

Несмотря на свою грацію и свѣтское воспитаніе, сидѣвшая подлѣ меня Татьяна Львовна раза два капнула чѣмъ-то на скатерть, и я шепнула ей:

— Гдѣ вамъ замужъ выходить? Вы еще скатерть пачкаете!...

Она толкнула меня подъ столъ и сердито прошептала:

— Молчите!...

Когда встали изъ-за стола, Левъ Николаевичъ сѣлъ въ кресло у стоявшаго въ углу круглаго стола, и сейчасъ же семья собралась около него. Графиня принялась за работу. Татьяна Львовна тоже шила что-то бѣлое: картузы или чехлы на картузы. Левъ Николаевичъ заговорилъ о послѣдней книжкѣ «Вѣстника Европы» и о романѣ Боборыкина. Онъ сказалъ, что Боборыкинъ пишетъ очень хорошо, но у него нѣтъ опредѣленнаго міросозерцанія. Прочтешь его романъ—литературно, интересно написанный и не знаешь, для чего онъ все это рассказалъ, что хотѣлъ сказать? Точно

онъ разсказывалъ изъ вѣжливости, а не для того, чтобы разрядиться отъ накопленія въ немъ внутренняго чувства и ощущеній. О Достоевскомъ не спросишь: что онъ хотѣлъ сказать? Его гдѣ ни раскрой,—ясно видишь его мысль и чувство, и намѣреніе, его ощущенія, все, что въ немъ накопилось, что его переполнило и требовало выхода.

Левъ Николаевичъ спросилъ: видала ли я когда-нибудь Достоевскаго?

— Да, я встрѣчала его.

Онъ раскрылъ какой-то иллюстрированный журналъ, отыскала тамъ портретъ Достоевскаго и спросилъ:

— Похожъ?

Льву Николаевичу не довелось съ нимъ встрѣтиться; но онъ много слыхалъ о немъ отъ Страхова. Я сказала, что когда я разъ спросила Страхова, кого онъ больше любитъ: Толстого или Достоевскаго? онъ, не задумываясь, сказалъ: «Конечно, Толстого!»

— Да за что же онъ могъ любить Достоевскаго?—съ удивленіемъ спросилъ Ге.

— Ну, какъ же, единомышленники,—сказалъ Левъ Николаевичъ.

Заговорили о братьяхъ Карамазовыхъ, и Левъ Николаевичъ сказалъ, что Алеша непременно ушелъ бы изъ монастыря. Я слыхала отъ пріятельницы Достоевскаго о предполагаемомъ продолженіи Карамазовыхъ и сказала:

— Вы правы. Въ сѣдующей части предполагалось паденіе Алеши:

Левъ Николаевичъ и Ге бѣгло переглянулись. Очевидно, имъ было дико назвать уходъ изъ монастыря *паденіемъ*.

Въ теченіе вечера Левъ Николаевичъ нѣсколько разъ заговаривалъ со мной о Варнавѣ, причемъ и онъ, и Ге называли его Вараввой. Я отмалчивалась или переводила разговоръ на другое. Замѣтивъ это, Левъ Николаевичъ сказалъ мнѣ мягко и ласково:

— Вы не думайте, что мы нарочно называемъ его Вараввой. Это такъ... А помнится, Владимиръ Соловьевъ зналъ этого *Варнаву* и бывалъ у него...

Я промолчала.

Левъ Николаевичъ спросилъ меня: читала ли я Герцена? «Сколько разъ!...» А онъ сейчасъ перечитывалъ его и съ большимъ удовольствіемъ. И не потому, что виѣшне такъ блестяще и изящно, а потому, что видишь человѣка, которому было ясно то, что дѣлалось вокругъ... И такой писатель не входитъ въ учебники, а зубрятъ о Жуковскомъ, который былъ за смертную казнь.

Ге съ негодованіемъ сталъ подсказывать, что Жуковский даже придумывалъ ритуалъ для смертной казни, чуть ли не съ музыкой.

— И это при такомъ сантиментальничаньи,— сказалъ съ презрѣніемъ Левъ Николаевичъ.

Графиня шла молча, поднимая голову только затѣмъ, чтобы вдѣтъ нитку. Дѣти то вертѣлись около насъ, то выбѣгали на балконъ или въ соседнюю комнату. Пятилѣтній Ваничка спрашивалъ меня на ухо: не хочу ли я пожениться на

Зандерф?—и сообщилъ, что, какъ только вырастетъ, онъ поженился на одной знакомой дѣвчкѣ.

За вечернимъ чаемъ графиня стала говорить мнѣ о своихъ дѣтяхъ.

— Самыя лучшія изъ нашихъ дѣтей трое старшихъ. Мы ихъ вмѣстѣ воспитывали, вмѣстѣ старались, столько говорили и думали о нихъ. Они и вышли лучше всѣхъ: Таня, Илья и Сережа.

— А Марья Львовна?—спросила я съ удивленіемъ.

— Маша, Лева—добрые, но надломленные, болѣзненные. А эти всѣ еще малы. И всѣ младшіе знаютъ только меня. Отца они мало и видятъ. Всю зиму онъ кормилъ голодающихъ. Цѣлую зиму онъ не былъ съ нами. Онъ и не входилъ въ ихъ воспитаніе. У нихъ я одна.

Левъ Николаевичъ слушалъ ее молча, какъ слушаютъ шумъ падающаго дождя, а Ге посмотрѣлъ на нее взглядомъ страдальца, говорящаго: «Прости ей, не вѣдаетъ, что творить!..»

Допивъ чай, Ваничка простился со всѣми и пожелалъ, чтобы я его уложила. Раздѣваясь, онъ сказалъ, что завтра утромъ придетъ разбудить меня и мы пойдемъ гулять. Онъ самъ покажетъ мнѣ все въ Ясной Полянѣ.

Онъ былъ уже въ кроваткѣ, когда графиня пришла поцѣловать и перекрестить его. Мать и сынъ обнялись, и, глядя на ихъ ласки, я почувствовала, какъ беспокойное сердце графини крѣпко держится за этотъ послѣдній теплый лучъ былого счастья. И мнѣ снова стало жаль ее.

Мы вмѣстѣ вернулись въ столовую, гдѣ Левъ Николаевичъ и Татьяна Львовна говорили съ дѣдушкой о его произведеніяхъ. Онъ собирался написать цѣлый рядъ картинъ на темы изъ Евангелія и, конечно, не въ церковномъ освѣщеніи. Церковь сдѣлала изъ Христа Бога; долгъ истинныхъ христіанъ, по мнѣнію Ге, раздѣлать эту божественность. Христосъ важенъ примѣромъ и другихъ спасетъ только такъ, какъ спасъ себя. Ге надѣялся все это выразить своими картинами и съ негодованіемъ говорилъ объ извѣстномъ изображеніи Христа въ терновомъ вѣнцѣ Гвидо Рени:

— Да вѣдь это Лаокоонъ, Лаокоонъ!... Это язычество... Это Лаокоонъ!...

Татьяна Львовна слушала его съ сочувствіемъ, очевидно, раздѣляя его взгляды. Всѣ трое много говорили объ Евангеліи, называя его *книжечкой*.

Когда Ге сталъ собираться въ дорогу, Татьяна Львовна надѣла шляпу, жакетку и намотала на шею шарфъ испанскаго кружева, намѣреваясь проводить старика на станцію. Прощаясь, художникъ перецѣловалъ насъ всѣхъ и меня въ томъ числѣ. Левъ Николаевичъ прощался съ нимъ почти такъ же нѣжно и ласково, какъ графиня съ Ваничкой. Онъ просилъ старика передать самые теплые привѣты какому-то Количкѣ и сказать ему отъ его имени то-то и то-то....

Я спросила Татьяну Львовну:

— Кто это Количка?

— Нашъ другъ. Очень хорошій человѣкъ.

Сынъ дѣдушки. Онъ женился на крестьянкѣ и совсѣмъ омужичился.

Дѣдушка уѣхалъ. Левъ Николаевичъ ушелъ къ себѣ читать газеты. Мы остались вдвоемъ съ графиней. Она рассказала мнѣ, что когда она въ первый разъ встрѣтилась съ женой Ге,—онѣ молча обнялись и расплакались. И, продолжая быстро шить, графиня стала говорить о томъ, какъ ей противны всѣ эти послѣдователи, сколько въ нихъ самомнѣнія, хвастовства и притворства! Она не можетъ, не можетъ увлекаться этимъ!—Дочери говорятъ ей: чѣмъ же ты живешь?—А чѣмъ жила, тѣмъ и живешь. Она смотритъ такъ: въ какомъ положеніи Богъ поставилъ человѣка, въ такомъ и старайся угождать Ему и быть полезнымъ людямъ. Если бъ она была кухаркой, ей бы пезачѣмъ разыгрывать графиню; если она графиня, зачѣмъ она будетъ разыгрывать кухарку? Зачѣмъ лгать? Прежде они жили хорошо, честно, просто. И теперь могли бы жить такъ же, жить для себя и для своихъ дѣтей, помогая и сосѣдямъ-крестьянамъ въ ихъ нуждѣ. Вся жизнь графини прошла здѣсь, въ Ясной Полянѣ. Здѣсь она носила, рожала и кормила. У нея девять живыхъ дѣтей. Здѣсь же она помогала мужу, переписывая его работы. У него не было другого секретаря. Графиня сказала мнѣ, сколько разъ она переписала «Войну и миръ» (я не запомнила). Изъ его произведеній она любитъ больше всего «Войну и Миръ», «Казакъ» и «Дѣтство и отрочество». Это лучшее изъ всего, что онъ написалъ.

О «Крейцеровой Сонатѣ» она говоритъ съ отвращеніемъ: гадкое, безобразное произведеніе! Теперь она уже не переписываетъ сочиненій мужа; это дѣлають дочери. А ей много дѣла и съ изданіями. Домъ, хозяйство тоже все на ней. Семья большая, гостей всегда много. Жить приходится на два дома. Мальчикамъ надо учиться въ Москвѣ. Ради нихъ приходится жить тамъ зимою. А Льву Николаевичу здѣсь лучше. Надо все обдумать, всѣхъ устроить и здѣсь, и тамъ. Весной они здѣсь безъ нея жили: Левъ Николаевичъ, Таня и Маша. Графиня все имъ наладила, устроила, сдала прислугѣ на руки и уѣхала спокойная за нихъ. Получастъ письмо отъ Маши: прислугу отпустили, все дѣлають сами, взяли только въ подмогу себѣ мальчишку изъ деревни. Прекрасно! Затѣмъ приходитъ письмо отъ Тани. Ихъ обокрали до тла. Все унесли, даже шторы съ оконъ. Ну, что же! Пришлось опять ѣхать и все снова устраивать.

Когда графиня вышла замужъ, Левъ Николаевичъ былъ совсѣмъ не такой. Онъ любилъ, онъ баловалъ ее, покупалъ ей дорогія вещи, за ботинки платилъ (она сказала цѣну). И куда, на что ей были эти ботинки? Носить ихъ въ этой же Ясной! Дѣвушкой графиня ѣздила во второмъ классѣ; онъ потребовалъ, чтобы она ѣздила въ первомъ; а теперь требуетъ, чтобы она ѣздила въ третьемъ. Нѣтъ, ужъ она во второмъ и останется. Зачѣмъ метаться?

Татьяна Львовна вернулась сонная и зѣвающая. Мы простились съ графиней и пошли спать.

— Надо бы сказать, чтобъ у васъ тамъ окна завѣсили,—сказала Татьяна Львовна, спускаясь по витой лѣсенкѣ:—а то Маша тамъ все ободрала. Впрочемъ, мама, вѣрно, распорядилась...

Мама распорядилась, и мнѣ было чудесно. Засыпая, я думала обо всемъ что видѣла и слышала.

Домъ Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ.

Два крайнихъ окошка направо — спальни Л. Н. Рядомъ съ нею его кабинетъ, лѣвѣе—окна гостиной и большого зала.

Утромъ я вскочила рано и до прихода Ванички успѣла и нагуляться въ саду, и записать свои впечатлѣнія.

Въ восемь часовъ дверь моей комнаты отворилась, и кудрявый Ваничка въ чистенькой косоватѣи прошлаго.

роткѣ бросился съ разбѣгу мнѣ на шею, какъ старому другу.

Вѣра Кузминская, тоже рано поднявшаяся, напоила насъ чаемъ, и вдвоемъ съ Ваничкой мы ушли въ лѣсъ. За нами побѣжала большая бѣлая собака. Когда я похвалила лѣсъ, Ваничка сказалъ:

— Это Чепыжъ. Это мой лѣсъ. Это все мое. Да, да, и земля моя...

Чтобъ убѣдить меня, онъ потоналъ маленькой ножкой по своей землѣ.

«Вотъ тебѣ и Генри Джорджъ!» подумала я.

Позже я узнала отъ Татьяны Львовны, что Ясная Поляна, дѣйствительно, по раздѣлу досталась Ваничкѣ, какъ самому младшему, съ тѣмъ, чтобы отецъ и мать еще долго могли жить у него.

Углубившись въ свой собственный лѣсъ, пятилѣтній владѣлецъ Ясной Поляны внезапно перемѣнился въ лицѣ и, глядя на меня съ тревогой, сказалъ:

— Дальше нельзя идти! Не надо... Тамъ кротъ... Тамъ волкъ!... Я не пойду дальше...

Мы повернули обратно, что его сейчасъ же успокоило, и онъ сказалъ:

— Лучше я вамъ конюшни покажу и куръ. Вы любите куръ?

Осмотрѣвъ яснополянское хозяйство, мы забрели въ гости къ Агаевѣ Михайловнѣ, увѣчченной въ «Аппѣ Карениной». Здѣсь нашла насъ няня, уже обезпечившаяся о своемъ питомцѣ, и мы вмѣстѣ пошли домой.

— Знаете что? Вѣдь я васъ уже видѣлъ прежде...

— Не надо врать, Ваничка. Ты ихъ не видѣлъ—
вмѣшамась няня.

— Нѣтъ, видѣлъ, видѣлъ. Давно прежде. Вотъ
совсѣмъ, совсѣмъ такую, съ такими глазами...
Давно... я знаю...

— Не надо врать, Иванъ Львовичъ! Ты ихъ
никогда не видѣлъ...

За завтракомъ Левъ Николаевичъ спросилъ
меня: хорошо ли я спала?—А онъ спалъ плохо,
часто просыпался и все стихи какіе-то въ головѣ
вертѣлись. Онъ совсѣмъ кончилъ свое большое
сочиненіе и хотѣлъ поручить мнѣ отвезти его въ
Москву. Онъ далъ мнѣ адресъ Евгенія Ивановича
Попова, сказалъ, что дастъ еще и письмо къ нему;
прибавилъ, что ему будетъ очень пріятно, если
я сойду съ поближе съ его московскими друзьями.
Все хорошіе люди.

Послѣ завтрака графиня предложила намъ
ѣхать въ лѣсъ за сморчками. Подали дроги, въ
которыхъ размѣстились и дѣти, и взрослые.

Въ это утро, въ лѣтнемъ голубомъ капотѣ и
бѣломъ чепчикѣ съ чернымъ бархатомъ, окружен-
ная своими милыми ребятами, графиня была со-
всѣмъ Китти. Она была спокойна, весела и радо-
валась радости своихъ дѣтей.

Въ лѣсу мы всѣ разбрелись и разсыпались.
Ваничкѣ подкладывали въ траву уже сорванные
сморчки и, не подозрѣвая обмана, онъ радостно
взвизгивалъ при видѣ темнаго гриба.

Я была благодарна графинѣ за то, что она
показала мнѣ этотъ лѣсъ. Любуясь старыми де-

ревьями, я думала: «Вотъ его друзья и вдохновители! Вотъ его настоящая рабочая комната, въ которой создались знаменитыя произведенія».

И какая райская обстановка, какія условія жизни для писателя! Я переносилась мысленно къ прошлому Льва Николаевича и вспомнила, какъ Левинъ говорилъ Китти:

— Слишкомъ хорошо! ненатурально хорошо!

На что Китти отвѣчала:

— А мнѣ чѣмъ лучше, тѣмъ натуральнѣе.

Въ лѣсу было чудесно. Но когда мы вернулись домой, графиня разстроилась, встревожилась и сказала мнѣ, что Левъ Николаевичъ захворалъ и обѣдать не будетъ. У него жаръ и лихорадка. Когда въ столовую вошла Татьяна Львовна, графиня обрушилась на нее:

— Это вы все ходите по больнымъ и въ деревню. Тамъ тифъ! Да, было два случая. Надо же беречь отца. Нельзя забывать, что онъ старъ и слабъ. Долго ли тифъ схватить? А какъ онъ его перенесетъ?....

— Можетъ быть, еще и не тифъ,—сказала Татьяна Львовна.

— Однако очень похоже на тифъ. Жаръ, и плохо спалъ. Аппетита нѣтъ. Онъ не будетъ обѣдать.

Левъ Николаевичъ не обѣдалъ и за столъ не садился, но все же поднялся наверхъ, сѣлъ на угольный диванъ и отсюда все время съ нами разговаривалъ. Послѣ обѣда мы всѣ подсѣли къ нему, и онъ сказалъ, что хорошо и похворать, когда всѣ такъ за тобой ухаживаютъ. Его знобило, и, поглядывая на дверь въ переднюю, онъ сказалъ:

— Чья это тамъ симпатичная ретонда висить? Я проходилъ, подумалъ: вотъ бы закутаться хорошо!

Вѣра Кузминская, несмотря на боль въ ногахъ, бросилась въ переднюю за своей драповой ретондой и надѣла ее на дядю. Левъ Николаевичъ запахнулся, закутался, сказалъ:

— Вотъ какъ хорошо теперя!... и, указавъ мнѣ глазами на номеръ «Новаго Времени», лежавшій на столѣ, попросилъ прочесть ему рѣчь Золя, вызвавшую его статью о недѣланіи. Я читала вслухъ, а онъ изрѣдка дѣлалъ замѣчанія, вошедшія потомъ въ статью. Онъ вообще не соглашался съ Золя и говорилъ, что большая ошибка принимать такъ называемую энергическую житейскую дѣятельность за силу, тогда какъ, напротивъ, такая суетливая дѣятельность есть большею частью признакъ слабости, покорности, иногда это просто зараженіе... Онъ привелъ нѣсколько примѣровъ такой суетливой дѣятельности, которая усыпляетъ человѣка вмѣсто того, чтобы пробуждать его, что самое важное и главное... Великая истина Лаодзе *le non agir*—не затѣвать, не придумывать, а только отдаваться тому, что считаешь хорошимъ, тому, въ чемъ совпадаешь съ волей Бога. Въ глубинѣ души люди всегда знаютъ, что хорошо и что дурно и въ чемъ воля Бога. Исполненіе ея не въ дѣйствіяхъ, а въ покорности, въ смиренномъ и кроткомъ отношеніи къ запросамъ жизни, въ которой находишься.

Потомъ мы говорили о романахъ Золя, о его

героиняхъ, и Левъ Николаевичъ сталъ говорить о женщинахъ вообще. Онъ сказалъ, что у насъ неправильно стоитъ женскій вопросъ. Нельзя изъ водовозной лошади сдѣлать скакуна. А у насъ хотятъ именно этого. Теперь женщины забираютъ страшную власть. И не власть Евы и Клеопатры,— это всегда было,—а забираютъ власть своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла. Это очень нехорошо. На дняхъ Левъ Николаевичъ видѣлъ журналъ, издаваемый женщиной, американкой, кажется. Онъ былъ пораженъ и претензіей, и пустотой, и бездарностью этого журнала. И вѣдь воображаетъ, суется и крича о себѣ, что дѣлаетъ нѣчто полезное, нужное. А не видитъ, что берется за то, что ей не подь силу.

Когда вечеромъ я спустилась въ комнатку Марьи Львовны, чтобъ собрать мои вещи, Татьяна Львовна постучала ко мнѣ и вошла съ объемистой рукописью.

— Папа спрашиваетъ: не затруднить васъ отвезти это въ Москву?

— Господи! Да для него я готова въ преисподнюю.

Татьяна Львовна засмѣялась и сказала:

— Ну, смотрите, онъ этого и потребуетъ.

Она дала мнѣ рукопись «Царства Божьяго» и письмо къ Евгенію Ивановичу Попову, которому я должна была передать ее.

— Папа проситъ его сейчасъ же увѣдомить насъ о томъ, что рукопись получена.

Я стала бережно заворачивать новое произведе-

ніе Льва Николаевича, а Татьяна Львовна, граціозно присівъ на стулъ, сказала мнѣ рѣшительно.

— А теперь, madame, скажите мнѣ: зачѣмъ вы вышли замужъ?

— Какъ или зачѣмъ?

— И то, и другое.

Я стала говорить ей то немногое, что могла сказать по этому поводу.

Въ дверь заглянула Вѣра Кузминская.

— Я не мѣшаю? Вы секреты говорите?

— Пожалуйста! Секреты ужъ кончили.

Татьяна Львовна спросила меня еще: не дѣйствуетъ ли на меня непріятно то обстоятельство, что они не православны?

Я подумала и сказала искренно, что я чувствую себя у нихъ такъ хорошо, какъ давно себя не чувствовала, что все, что я пока слышу и вижу, мнѣ по душѣ и не оскорбляетъ моихъ вѣрованій.

— Вы религіозны. Это хорошо,—сказала Татьяна Львовна.—Въ человѣкѣ безъ религіи всегда есть что-то однобокое, какая-то односторонность. Я васъ спросила объ этомъ потому, что есть лица изъ православныхъ, которыхъ мы возмущаемъ. Напримѣръ, Сергій Рачинскій (у котораго школы) писалъ, что все, что говорится въ Ясной Полянѣ, возмущаетъ его, какъ дикая оргія...

Я подумала и повторила, что пока меня ничто не возмущаетъ. Я вижу и чувствую, что Левъ Николаевичъ не раздѣляетъ моихъ вѣрованій. Но что же изъ этого? Я очень счастлива тѣмъ, что я

православная; но это никогда не мѣшало мнѣ любить Моцарта, Рафаэля, Теннисона, которые никогда не были православными. Какъ же мнѣ не любить Льва Николаевича, которымъ я восхищалась съ тѣхъ поръ, какъ начала читать. Я думаю, что и онъ не ушелъ бы изъ церкви, если бы когда-нибудь былъ православнымъ...

— Нѣтъ,—перебила меня Татьяна Львовна:—мы были православными. Но и тогда меня всегда непріятно поражали слова «христіолубивое» воинство и эти «враги и супостаты». И потомъ, какъ это можно молиться при всѣхъ, когда ясно сказано: войди въ свою кѣть...

Я промолчала, а Татьяна Львовна встала и, пылливо заглянувъ мнѣ въ глаза, сказала:

— Ну, я даю два года срока вашему православію. Черезъ два года отъ него ничего не останется! Вы слишкомъ искренній человѣкъ для того, чтобъ поддерживать эту религію лицемѣрія.

Ваничка прибѣжалъ, говоря:

— Мама проситъ васъ чай пить. Мама очень рада, что мой братъ Илья пріѣхалъ къ намъ на велосипедѣ. Она ужасно рада! Пойдемте же чай пить!...

Левъ Николаевичъ сидѣлъ уже въ уголку на диванѣ, а за столомъ подлѣ графини сидѣлъ ея второй сынъ Илья, напоминающій отца и ростомъ, и фигурой.

Левъ Николаевичъ сталъ учить меня, какъ доѣхать до Попова, въ какія конки садиться и т. д. Потомъ спросилъ, что я читала послѣднее время?

Я читала Карлейля. Онъ читалъ только «Sartor Resartus» и биографію Карлейля. По биографіи Карлейль нехорошъ, да и статьи его холодны и не увлекаютъ. У него былъ такой непріятный характеръ (можетъ быть, какъ слѣдствіе его болѣзненности), что жена его была очень несчастлива и говорила своей подругѣ: «Никогда не выходи за знаменитаго человѣка».

Кто-то изъ дѣтей спросилъ графиню: что она скажетъ? выходить ли за знаменитаго человѣка? Графиня отвѣтила не безъ гордости:

— Не могу сравнивать, я не была женой не знаменитаго!

Всѣ простились со мной очень ласково, а графиня сказала:

— Вы пріѣзжали познакомиться; теперь пріѣзжайте по дружбѣ.

Татьяна Львовна проводила меня на стацию, и, разставшись съ ней, я думала: «Господи, за что мнѣ такой праздникъ! Какая чудная семья!..»

Я сдала рукопись «Царства Божія», съѣздила въ Черниговскій скитъ къ о. Варнавѣ и вернулась въ Павловскъ. Меня спрашивали:

— Кто же сдѣлалъ на тебя болѣе сильное впечатлѣніе? Толстой или Варнава?—И, не дожидаясь моего отвѣта, сами рѣшали: Толстой.

Лѣсковъ написалъ мнѣ изъ Меррекуля, что получилъ отъ московскихъ друзей рукопись «Царства Божьяго», и приглашалъ меня, мою подругу и Любовь Яковлевну Гуревичъ пріѣхать къ нему для чтенія этой рукописи. Онъ прибавлялъ, что

ждеть еще Хирьякова и Меньшикова, съ которымъ я не была знакома.

«Читать большое сочиненіе Толстого раньше всѣхъ въ Россіи,—писалъ Лѣсковъ,—и читать его въ такой компаніи, съ такимъ многохитростнымъ критикомъ, какъ Меньшиковъ, это превосходно и для всѣхъ насъ пренормально. Такія трудныя вещи такъ и надо читать, чтобъ не увлечься въ одну какую-нибудь сторону».

Мы съѣхались въ Меррекулѣ, познакомились, погуляли у моря и почитали «Царство Божіе». Узнавъ отъ общихъ знакомыхъ, что молодой священникъ Григорій Петровъ въ Шмееке, я его познакомила съ Лѣсковымъ, который пригласилъ и его на чтеніе.

Содержаніе новаго сочиненія Льва Николаевича сводилось къ слѣдующему:

Человѣчество пережило три жизнепониманія: 1) личное или животное, 2) общественное или языческое, и 3) всемірное или божеское.

Человѣчество выросло изъ своего общественнаго государственнаго возраста и вступило въ новый. Ему нужна новая религія. Принятіе христіанскаго жизнепониманія освобождаетъ людей отъ бѣдственности нашей жизни.

Заповѣди Христа (по Льву Николаевичу): не платить податей, не наказывать за преступленія, не идти въ военную службу.

Всѣ государственныя учрежденія вредны. Всѣ власти злы. Надо уничтожить государственное насиліе, власть злыхъ надъ добрыми. Революціонеры

борются извнѣ съ правительствомъ. Христіане не борются, но изнутри разрушаютъ все основы правительства: присягу, подати, судъ и войско.

Церковь и наука не нужны и вредны, такъ какъ поддерживаютъ лицемеріе жизни общества.

Все это показалось мнѣ чистѣйшей сютаевщиной, но мнѣ хотѣлось еще перечитать рукопись внимательно наединѣ, и я написала Лѣскову, что прошу дать мнѣ еще разъ прочесть «Царство Божіе».

Лѣсковъ отвѣчалъ:

«По отъѣздѣ вашему получилъ на другой же день большое письмо Льва Николаевича. Онъ желаетъ, чтобы я написалъ ему о нашихъ впечатлѣніяхъ. Но это я сдѣлать неспособенъ и писать не буду. Напишетъ ему Меншиковъ, который собаку съѣлъ на эти дѣла.

«Модестычъ (Хирьяковъ) что-то было начерталъ, но я его отговорилъ, почитая это за несвоевременное и бесполезное. Притомъ думаю, что все то, что приходитъ намъ на умъ, уже не разъ побывало въ несравненно болѣе сильномъ и совершенномъ умѣ Льва Николаевича.

«Я весь на сторопѣ автора и никакими деталями не смущаюсь. Это дѣлало на тѣхъ, иже хотятъ совершенъ быти, а не на простую чадъ, которая хочетъ и небесное получить, не погубляя земного житія сладость. Разрушеніе и распластаніе очезримой фальши церковнаго ученія, подмѣниваго ученіе Христа, произведены со страшной силой и яркостью молніи, раздирающей ночное

небо. Печатный экземпляръ для васъ у меня будетъ; хотя собственно не понимаю, зачѣмъ вы хотите читать это? Для васъ тамъ есть мѣста очень непріятныя и весь духъ сочиненія вамъ противный и даже укоризненный. Человѣкъ, остающійся въ общеніи съ церковью, легче можетъ читать все, что написалъ о ней Вольтеръ, чѣмъ читать это, какъ молотомъ кованное слово. Остается одно изъ двухъ. Или подать руку автору и отвернуться отъ церкви, или идти и рыдать у стараго алтаря и просить у него, чтобъ онъ защитилъ и себя, и людей отъ этого разрушителя, которому не было равнаго по силѣ и рѣшительности».

Въ октябрѣ того же года я вторично поѣхала къ Толстымъ. Татьяна Львовна съ учащимися братьями была уже въ Москвѣ. Разыскавъ домъ въ Хамовникахъ, я позвонила. Господа еще кушали. Я застала въ столовой Татьяну Львовну, тетку ея Татьяну Андреевну, Андрюшу и Мишу, ихъ гувернера Павла Петровича и молоденькаго Оболенскаго, внука Льва Николаевича.

Татьяна Львовна была весела, эlegantна и жизнерадостна. Она попеняла мнѣ, что я нарочно ѣду въ Ясную, когда ея тамъ не будетъ. Вслѣдъ за мной позвонили еще два гостя: художникъ Пастернакъ и Иванъ Ивановичъ Горбуновъ изъ «Посредника». Всѣ перешли изъ столовой въ заново отдѣланную комнату Татьяны Львовны, гдѣ и просидѣли «по-господски» цѣлый вечеръ, не работая, а болтая.

Татьяна Львовна, между прочимъ, сказала мнѣ:

«Вы разочаруетесь въ Машѣ». И на лицахъ гостей я прочла, что и они что-то знаютъ о Машѣ, знаютъ, чѣмъ она всѣхъ удивила.

Когда я встала прощаться, Татьяна Львовна вышла въ переднюю проводить меня, любезно упрекая, что не успѣла со мной и поговорить, какъ слѣдуетъ. Мы уговорились, что на слѣдующее утро она заѣдетъ ко мнѣ въ гостиницу. Я вызвалась отвезти въ Ясную пужную тамъ керосинку, а изъ Ясной привезти Татьянѣ Львовнѣ ея теплыя вещи.

Я была уже у выходной двери, какъ она снова меня окликнула:

— Л. И.! А вѣдь это скверно, что я вамъ на Машу наслетничала?

— Что же вы наслетничали? Я ничего не знаю.

— Она сама вамъ скажетъ. Она скажетъ.

На слѣдующій вечеръ, съ керосинкой Толстѣхъ въ объятіяхъ, я подъѣзжала къ знакомой мнѣ гостиницѣ Чернышева. Съ вечера попросивъ нанять мнѣ извозчика,—если можно—старога Трофима,—я ранехонько залегла спать, благо въ гостиницѣ царила мертвая тишина. Но сна и недолго. Меня разбудили хриплые мужскіе голоса за стѣной:

— Снова бубны скажемъ.

— Скажите: я поддержу.

— Двѣ пики.—Двѣ червы.—Четыре пики.

— Червы.—Безъ козыря.—Я пасъ.—Пасъ.—

Пасъ.

Очевидно, эта музыка предстояла надолго. Въ коридорѣ тоже слышалась топотня. Что-то па ходу разбили у самой моей двери. А издалека доносилось еще отъ времени до времени завыванье какого-то визгливаго хора: «Письмецо мнѣ па-скарѣй»... и «Зацѣлуй меня до смерти»...

Я взглянула на часы. Несмотря на поздній часъ, на улицѣ съ грохотомъ проносились пролетки. Тула бодрствовала и веселилась. Я лежала и думала о Толстомъ. Мнѣ казалось, что такъ и надо, что эти завывающія цыганки, эти винтеры и есть тотъ фонъ, на которомъ еще ярче выступаетъ человѣкъ, къ которому я ѣду. Можетъ быть, сейчасъ по всей Россіи играютъ въ винтъ и поютъ цыганки, какъ въ дни Ноя, когда ѣли, пили и женились. А старикъ захотѣлъ Евангелія, царства Божія...

Сосѣди мои начинали спорить все громче. Общество было исключительно мужское.

— У меня былъ тузъ пикъ!

— А почему я зналъ, что у васъ тузъ пикъ?!

И голоса становились все болѣе ожесточенными и сердитыми. Женское пѣніе уже смолкло. Въ коридорѣ тоже понемногу все утихло.

И подъ говоръ и споры сосѣдей я все-таки заснула, радуясь тому, что завтра увижу Льва Николаевича, графиню, няню, Ваничку, Льва Львовича и еще незнакомую мнѣ Марью Львовну.

Когда утромъ я выглянула въ окно, все кругомъ было бѣло отъ выпавшаго за ночь снѣга. Лакей сообщилъ мнѣ, что Трофимъ скончался, но другой извозчикъ ждетъ меня у подъѣзда. Поѣхали на колесахъ, парой съ колокольчикомъ. Снѣгъ вился и крутился, попадалъ мнѣ въ лицо, въ ротъ и глаза, и таялъ на кожаномъ фартукѣ моей колясочки. Все кругомъ было сѣро, бѣло, мокро. Однозвучно звенѣлъ колокольчикъ...

Выѣхали мы, вѣроятно, очень рано, потому что въ девять часовъ я была уже въ Ясной. Поднявшись на лѣстницу, я прежде всего наткнулась на закутанную въ одѣяло маленькую Сашу. Она была повязана бѣлымъ платочкомъ и стремительно перебѣгала въ другую комнату, но на бѣгу успѣла сказать мнѣ, что у нея свинка и новая гувернантка. Последняя не замедлила предстать вслѣдъ за Сашей въ образѣ француженки среднихъ лѣтъ. Mademoiselle Détra сообщила мнѣ, что Сашину комнату необходимо провѣтрить, а что графиня пьетъ кофе.

Я вошла въ столовую, гдѣ застала графиню съ дочерью и племянницей. Блѣдная и тоненькая Марья Львовна съ выразительнымъ лицомъ, напоминающимъ лицо отца на портретахъ молодости, молча пожала мнѣ руку. Левъ Николаевичъ тоже вышелъ къ чаю и рассказалъ, что онъ спалъ и слышалъ во снѣ колокольчикъ, проснулся, а колокольчикъ все звенить... Онъ спросилъ, что это, и ему сказали, что Л. И. пріѣхала.

За окномъ снѣгъ продолжалъ крутиться круп-

ными хлопьями, а у самовара было такъ тепло и уютно. И я была такъ рада, что я снова съ ними.

Когда Левъ Николаевичъ и обѣ дѣвицы пошли писать, я хотѣла итти за ними; но графиня удержала меня при себѣ наверху. Мы сѣли на угольный диванъ и принялись обѣ вязать одѣяла (въ этотъ разъ я захватила съ собой работу). Ваничка сидѣлъ съ нами и тоже усердно вышивалъ по канвѣ желтые и красные крестики. Я спросила его, что это будетъ. Онъ хитро и иѣжно посмотрѣлъ на меня, сказалъ: «Потомъ скажу!» и, поднявшись со стула, началъ шептать что-то на ухо матери. Графиня сказала: «Это будетъ вамъ сюрпризъ: *essuie-plumes*. Зная, какъ вы любите его папа, онъ желаетъ сдѣлать вамъ *essuie-plumes* изъ рукава старой блузы папа; я ему дамъ лоскутки, а это будетъ верхъ».

Пришелъ Левъ Львовичъ, очень худой и блѣдный. Очевидно, Самара мало помогла ему. Онъ немного поговорилъ съ нами, но когда графиня заговорила о его литературныхъ произведеніяхъ, онъ сказалъ ей: «Вы знаете: я не люблю, когда объ этомъ говорить!» разсердился и ушелъ.

Графиня спрашивала о Татьянѣ Львовнѣ и о Татьянѣ Андреевнѣ. Она очень хвалила обѣихъ. Татьяна Андреевна—я другъ. Всю жизнь онѣ были близки, все переживали вмѣстѣ, не разлучались, какъ пара въ дышлѣ. Потомъ она спросила меня:

— А вы серьезно хотите писать о толстовцахъ? Кого же бы вамъ показать? У насъ сейчасъ NN—не

знаю ужъ, какъ онъ вамъ покажется,—потомъ еще Хохловъ и Леонтьевъ, одинъ у насъ, другой у Марьи Александровны... Вотъ кого вамъ надо показать: Марью Александровну Шмидтъ. Если завтра будетъ хорошая погода, я сама свожу васъ

Фасадъ дома Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ
со стороны входа въ верхній этажъ.

къ ней. Марья Александровна была классной дамой въ одномъ изъ московскихъ институтовъ, но потомъ увлеклась сочиненіями Льва Николаевича, все бросила и живетъ теперь здѣсь въ Овсянниковѣ, носить сама дрова, топить печи, лѣтомъ работаетъ на огородѣ. Кому это нужно? Теперь она совершенно бесполезный членъ общества. А тогда при-

шли прошлаго.

носила пользу тридцати дѣвочкамъ, ввѣренными ей заботамъ.

Когда собрались къ обѣду, показались Хохловъ и Леонтьевъ, издали молча поклонившіеся графинѣ. Левъ Николаевичъ вошелъ въ сопровожденіи NN, красиваго толстовца въ сѣрой блузѣ съ кожанымъ пояскомъ. Ваничка, садясь подлѣ меня, спросилъ: «Вы ветарьянка? Я—ветарьянецъ».

Услышавъ это, графиня сказала: «Ты, Ваничка, будешь кушать то, что тебѣ велитъ мама. Что мама дастъ, то ты и скушаешь».

Въ ту же минуту съ другой стороны m-De Детра поставила передъ графиней полную тарелку бульону, говоря: «Саша demande de la soupe végétarienne!» Бѣдная мама!..

Левъ Николаевичъ говорилъ за столомъ о патріотизмѣ. Его очень возмутили тулонскія манифестаціи, и онъ писалъ статью по поводу ихъ. Флегматичный NN давалъ ему изрѣдка реплики, а Хохловъ и Леонтьевъ слушали молча, поднимая глаза на Льва Николаевича, пока онъ говорилъ, и опуская ихъ въ тарелки, когда онъ умолкалъ. Марья Львовна сидѣла безучастно, точно мысленно отсутствуя, и почти не ѣла. Я замѣтила, что она дичится меня и точно прячется. Татьяна Львовна была гораздо привѣтливѣй и экспансивнѣй. Левъ Львовичъ къ столу совсѣмъ не пришелъ. Онъ обѣдалъ отдѣльно. Левъ Николаевичъ спросилъ о чтеніи «Царства Божія» у Лѣскова. Я замѣтила:

— Развѣ Меньшиковъ не написалъ вамъ объ этомъ?

— Нѣтъ, онъ ничего не писалъ мнѣ.

Тогда я рассказала о письмѣ Лѣскова и о его восхищеніи этой работой Льва Николаевича.

— А какое впечатлѣніе сдѣлалъ на васъ самъ Меньшиковъ? Вѣдь вы читаете его статьи въ «Недѣлѣ»?..

Левъ Николаевичъ спросилъ меня и о молодомъ священникѣ Григоріи Петровѣ, котораго я познакомила въ Меррекулѣ съ Лѣсковымъ. Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Интересно, что священникъ сказалъ?

Я не могла сообщить ему этого, такъ какъ Петрова еще не встрѣчала послѣ чтенія.

Послѣ обѣда всѣ сгруппировались въ уголокѣ, и Левъ Николаевичъ сталъ спрашивать меня о моей поѣздкѣ къ о. Варнавѣ. Потомъ онъ разсказалъ, какъ самъ онъ ходилъ въ крестьянскомъ платьѣ въ Оптину пустынь. Мы безобидно говорили о церкви и даже о таинствахъ. Я сказала, что мнѣ очень рѣдко удается исповѣдь, всегда почти остается нѣкоторая неудовлетворенность, зато причастіе почти всегда проходитъ очень хорошо. Левъ Николаевичъ сказалъ, что ему, напротивъ, всегда удавалась исповѣдь, а вотъ причастіе не удавалось...

Я сказала, что здѣсь пужна вѣра; а я думаю, что у него совсѣмъ нѣтъ ея, судя по тому, что въ его сочиненіяхъ я встрѣчала такіе опредѣленія вѣры: «Вѣра—воображеніе, вѣра—сумасшествіе»... Развѣ вѣра сумасшествіе? Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій опредѣляетъ вѣру, какъ зрѣніе сердца, какъ сердечное видѣніе... Мнѣ это нравится.

— Ну, да,—сказаль Левъ Николаевичъ:—но вѣдь сердечное зрѣніе и есть воображеніе...

Онъ спросиль меня, читала ли я «Robert Elsemere» Н. Ward и совѣтоваль прочесть.

— Очень хорошо. Драма жизни вѣрующаго мужа съ невѣрующей женой.

Потомъ Левъ Николаевичъ сказалъ:

— А вотъ я ужъ совсѣмъ не могу теперь писать беллетристики. Ну, какъ я буду рассказывать, что шла по Невскому дама въ коричневомъ платьѣ? А она никогда тамъ и не шла. Не могу уже этимъ заниматься. Совѣстно какъ-то... А то еще такъ называемыя историческія повѣсти. Про даму въ коричневомъ платьѣ соврать еще куда ни шло. Все равно, ся и не было. А вѣдь тутъ возьмутъ личность дѣйствительно существовавшую и рассказываютъ, что она говорила то, чего не говорила, и дѣлала то, чего не дѣлала. Зачѣмъ это?

Слыша, что, говоря между собой, они безпрестанно упоминають о какихъ-то *темныхъ*, я спросила: «Кто это *темные*?»

Вѣра Кузминская сказала:

— Вы ихъ называете толстовцами, а у насъ это слово не въ ходу. Мы просто говоримъ: *темные*, *темнота*...

— Въ противоположность чему же?—спросила я:—свѣтлымъ или свѣтскимъ?

— Свѣтскимъ, свѣтскимъ,—сказаль съ улыбкой Левъ Николаевичъ:—такъ что по грамматикѣ правильнѣе было бы сказать: *тѣмскіе*...

Когда Левъ Николаевичъ ушелъ къ себѣ, Марья

Львовна взяла гитару, и дѣвицы стали пѣть цыганскіе романсы: «Не для меня придетъ весна», «Ночи бѣзумныя» и др. Левъ Львовичъ сѣлъ обѣдать подѣ это пѣніе. Онъ послалъ толстовскую блузу, но по болѣзни разрѣшалъ уже себѣ мясные супы и рябчиковъ. Графиня заботливо поглядывала на него, пока онъ обѣдалъ, и вообще, видимо, страдала, не зная, чѣмъ ему помочь и чѣмъ угодить.

Вечеромъ Левъ Николаевичъ опять сидѣлъ съ нами, и мы говорили объ Аміалѣ, котораго переводила Марья Львовна для «Сѣвернаго Вѣстника». Графиня принесла французскій подлинникъ и читала вслухъ свои любимыя мѣста. Марья Львовна переводила выбранное отцомъ. Левъ Николаевичъ говорилъ, что лучшія книги—это хорошо сдѣланный выборки изъ хорошихъ книгъ, выписки того, что должно быть сохранено. Какъ простая пища для тѣла, такъ и для ума хороши простыя книги.

Ночевала я въ комнатѣ Татьяны Львовны на ея турецкомъ диванѣ. Утромъ въ домѣ поднялась тревога. У Саши болѣла голова, повысилась температура, и графиня почему-то очень боялась скарлатины. Сашу уложили въ постель. Левъ Львовичъ тоже чувствовалъ себя скверно и рѣшилъ пролежать нѣсколько дней въ постели, какъ ему кто-то посовѣтовалъ.

Экономка видѣла во снѣ, что у графини отрѣзали третій палецъ. Въ дѣвичьей серьезно обсуждали этотъ тревожный сонъ. Левъ Львовичъ—третій сынъ, Саша—третья дочь. Кому-то изъ

нихъ не сдобровать; одинъ изъ нихъ будетъ отнять у графини. Ужъ это вѣрно, что отрѣзанный палецъ—потеря кровнаго... Кто изъ нихъ умретъ? Можетъ быть, и не умретъ, но будетъ отнять, будетъ разлученъ съ графиней. Ужъ это вѣрно, вѣрно...

Графинѣ, конечно, сообщили объ этомъ снѣ. Вѣра Кузминская вызвалась съѣздить въ Тулу за докторомъ. Марья Львовна тихо и неслышно сидѣла подлѣ больной дѣвочки. Я спросила ее:

— Можно мнѣ посидѣть съ вами?

— Если вамъ не скучно,—тихо отвѣтила она.

Саша не спала, но лежала въ жару, молчаливая и вялая. Мы разговаривали шопотомъ. Я сказала Марьѣ Львовнѣ, что, еще не видя ее, по чужимъ рассказамъ, я всегда ожидала, что она будетъ мнѣ ближе всѣхъ въ ихъ семьѣ.

— Едва ли,—сказала она:—такъ какъ вы уже подружились съ Таней.

— А это исключаетъ возможность подружиться съ вами?

Она усмѣхнулась и сказала, что они всѣ ужасно ревнивы. Но съ этой минуты она стала замѣтно довѣрчивѣе и откровеннѣе. Она призналась, что боится, какъ бы я не вздумала описать ее. Ей говорили, что я буду писать о толстовцахъ.

Я успокоила ее на этотъ счетъ. Саша задремала.

Детра пришла и смѣнила насъ.

Къ завтраку Левъ Николаевичъ вышелъ съ NN, на котораго графиня поглядывала не совсѣмъ до-

вольными глазами. Я подумала, что ее, вѣроятно, раздражаетъ то, что они отвлеченно бесѣдуютъ о патріотизмѣ въ то время, какъ дочь ея заболѣваетъ такой ужасной болѣзью, какъ скарлатина. До патріотизма ли тутъ? Графиня еще не сердилась, но казалась готовою разсердиться.

Левъ Николаевичъ говорилъ, что патріотизмъ чувство не только не высокое, но глупое и безнравственное. Для правительства патріотизмъ есть орудіе для достиженія корыстныхъ цѣлей, а для управляемыхъ это отреченіе отъ человѣческаго достоинства, отъ разума и совѣсти, и рабское подчиненіе власти.

Отъ завтрака до обѣда я сидѣла у Марьи Львовны и усердно переписывала съ ней Тулонъ. NN тоже пришелъ помогать намъ. Дверь изъ комнаты Марьи Львовны въ коридоръ оставалась открытой, и раза два я слышала, какъ графиня что-то громко и взволнованно говорила въ коридорѣ, но словъ ея я не разслышала.

Потомъ къ намъ зашелъ Левъ Николаевичъ въ тулупѣ и рукавицахъ, съ топоромъ за поясомъ. Онъ шелъ подчищать лѣсъ и попенялъ намъ, что мы не идемъ па воздухъ. Снѣгъ пересталъ и на дворѣ такъ хорошо!

Марью Львовну вызвалъ къ себѣ Левъ Львовичъ. Вернувшись отъ него, она сказала:

— Лева просить, чтобы вы не думали, что онъ затворился, потому что вы здѣсь. Напротивъ, онъ вамъ очень радъ. Онъ просить, чтобъ завтра передъ отъѣздомъ вы зашли къ нему, предупредивъ его

заранѣе. Тогда онъ встанетъ и одѣнется. А наверхъ итти онъ не можетъ. Ему тамъ тяжело.

Марья Львовна снова сѣла за работу. Мы то писали, то разговаривали. NN усиленно рекомендовалъ мнѣ вегетаріанство, эту первую ступень толстовства. Онъ утверждалъ, по собственному опыту, что вегетаріанство удивительно благотворно вліяетъ на характеръ и на душевное настроеніе.

Собирались мы было пойти въ лѣсъ; но почему-то не пошли. Я опять сидѣла съ графиней и вязала одѣяло. А она рассказывала мнѣ о своей молодости и о своемъ романѣ съ мужемъ, такъ похожемъ на романъ Китти и Левина. Ихъ объясненіе мѣлками на карточномъ столѣ Левъ Николаевичъ увѣковѣчилъ въ «Аннѣ Карениной». Это все такъ и было, совсѣмъ, совсѣмъ такъ, только слова были другія. Какъ она тогда могла понять, что онъ спрашивалъ, она и сама не знаетъ? Онъ написалъ ей: В. в. с. с. п. и т. д.

Передъ обѣдомъ Вѣра Кузминская привезла изъ Тулы доктора. Онъ прошелъ прямо къ Сашѣ и не нашелъ у нея ничего, кромѣ свинки. Посовѣтовавъ оставить ее въ постели, пока не спадетъ температура, онъ пошелъ въ столовую обѣдать. Я сидѣла между Львомъ Николаевичемъ и Ванюшкой. Докторъ сѣлъ противъ насъ. Онъ говорилъ со Львомъ Николаевичемъ почтительно, какъ съ начальствомъ, не безъ робости и волненія. Когда я рассказала о только что видѣнной мною въ Петербургѣ гигиенической выставкѣ, Левъ Николаевичъ спросилъ:

— А было ли показано на выставкѣ, сколько часовъ въ день человѣкъ долженъ трудиться для поддержанія своего здоровья и силъ?

Графиня Софья Андреевна Толстая.

(Съ фотографии Вулла).

— Нѣтъ, это не было показано.

— Вѣдь это самое важное.

Докторъ замѣтилъ, что трудно установить норму, такъ какъ силы, способности, выносили-

вость людей слишкомъ неравны, и переутомленіе наступастъ не для всѣхъ одновременно.

— Именно потому-то и важно установить норму, — сказалъ Левъ Николаевичъ. — Важно знать, сколько часовъ человѣкъ долженъ работать для развитія и укрѣпленія своихъ силъ.

Онъ говорилъ еще много интереснаго о гигиенѣ труда (точно словъ его не помню), и доктора, видимо, радовалъ этотъ разговоръ. Хохловъ и Леонтьевъ сидѣли по вчерашнему, храня безмолвіе. NN тихо разговаривалъ со своей сосѣдкой по столу Вѣрой Кузминской. Марья Львовна казалась печальной и усталой. Послѣ супа она встала и сказала:

— Я не хочу больше ѣсть.

Графиня сдѣлала ей при всѣхъ выговоръ:

— И Ваничкѣ не позволяютъ вставать изъ-за стола до конца обѣда. А тебѣ это тѣмъ болѣе не пристало.

Левъ Николаевичъ тоже неодобрительно вскинулъ на дочь свои необыкновенные глаза и сказалъ довольно сухо:

— Что это у тебя такой убитый видъ?

Марья Львовна сдѣлалась еще печальнѣе, но все-таки встала и ушла. NN невозмутимо ѣлъ манную кашу. Хохловъ и Леонтьевъ пили квасъ. Докторъ рассказывалъ уже тульскія новости, но въ атмосферѣ чувствовалось что-то грозное. Я не знала, кѣмъ именно недовольна графиня; можетъ быть, и мною, а можетъ быть—тихимъ NN. Наканунѣ еще она жаловалась мнѣ на то, что онъ

сидить цѣлыми днями у Марьи Львовны, стѣсняя тѣхъ, кому нужно пройти мимо этой двери. И зоветъ ее «Машей»; какая она ему «Маша»?... Онъ свою жену бросилъ, чтобъ жить болѣе совершенной жизнью. Ну, и пускай живетъ совершенной жизнью, только подальше отъ нихъ!...

Обѣдъ кончился. Я стояла еще подлѣ графини, когда къ ней подошелъ NN и заявилъ, что уѣдетъ сегодня вечеромъ.

Мнѣ очень хотѣлось пойти къ Марьѣ Львовнѣ, но я боялась помѣшать ей. Я пошла къ Сашѣ, сѣла къ ней на кровать, и мы стали играть въ хальму.

Вскорѣ Ваничка вызвалъ меня изъ Сашиной комнаты, говоря:

— Знаете что? Моя тетя Таня прѣехала. Пойдемте къ ней. Вы знаете мою тетю Таню?

Татьяна Андреевна прѣехала только на одну ночь съ тѣмъ, чтобъ на слѣдующее утро ѣхать дальше, осматривать какое-то имѣніе.

Графиня просіяла и очень обрадовалась сестрѣ. Онѣ стали оживленно разсказывать другъ другу о Москвѣ и Петербургѣ, о своихъ дѣлахъ и о своихъ дѣтияхъ. Затѣмъ, наговорившись, обѣ пошли внизъ провѣдать Льва Львовича.

Поднявшаяся тѣмъ временемъ наверхъ Марья Львовна спросила меня, играю ли я, и попросила меня сыграть что-нибудь. Пока я играла, Вѣра и Марья Львовна стояли у рояля и обмѣливались дѣвичьими намеками и улыбками. Вѣра точно надъ чѣмъ-то подсмѣивалась, чѣмъ-то поддразнивала,

а Марья Львовна только добродушно и виновато улыбалась.

Я еще играла, когда сестры вернулись отъ Льва Львовича. Татьяна Андреевна успокаивала графиню, говоря:

— Да нѣтъ же, это пустяки. Это все пройдетъ. Лева выгядитъ гораздо лучше, чѣмъ я ожидала. Ну, хочеть полежать—пусть полежитъ. Можетъ быть, и правда отдохнетъ. Это пройдетъ.

Графиня благодарно взглядывала на нее близорукими черными глазами. Съ завѣреніемъ доктора въ томъ, что у Саши не будетъ скарлатины, съ рѣшеніемъ NN уѣхать, а главное съ пріѣздомъ Татьяны Андреевны атмосфера совсѣмъ прояснилась, и веѣмъ стало легче.

Проходя мимо рояля, графиня сказала Марьѣ Львовнѣ: «NN уѣзжаетъ сегодня».

— Да,—равнодушно отозвалась та:—я сказала ему уѣхать.

Графиня разсердилась:

— Ты слишкомъ много берешь на себя. Съ какой стати ты говоришь ему уѣхать? Кто тебя просилъ?

Помолчавъ и подумавъ, Марья Львовна кротко и спокойно сказала:

— Онъ спросилъ сегодня утромъ: «не удрать ли мнѣ?» Я сказала:—удирайте.

Графиня пожала плечами и хотѣла сказать еще что-то, но появленіе Льва Николаевича прекратило дальнѣйшія объясненія. Онъ спросилъ гостью, какъ она нашла Льва Львовича? И все время за чаемъ говорили о здоровьѣ Льва Льво-

вича. Татьяна Андреевна находила, что ему бы хорошо проѣхаться куда-нибудь попутешествовать, графиня думала, что ему бы надо жениться. Левъ Николаевичъ сказалъ, что отъ его душевной болѣзни, поддерживающей тѣлесную, одно лѣкарство: сознаніе своего положенія, сознаніе положенія тѣлеснаго существа, подверженнаго страданіямъ, старости и смерти, и связаннаго съ нимъ существа духовнаго, не могущаго ни страдать, ни умирать, могущаго только расти и утверждаться. Когда ясно сознаешь это, то не страшны никакія болѣзни и страданія. Мокрому дождь не страшенъ. А мы всеѣ насквозь мокры, стало быть, никакой ливень намъ не можетъ быть страшенъ. Вѣдь если больной будетъ болѣть годъ, два, потомъ не выдержитъ и умретъ, это будетъ то самое, обыкновенное, къ чему и слѣдуетъ готовиться. Если же это не случится, все равно надо будетъ сумѣть употребить годы отсрочки и все же привыкать къ мысли о старости и смерти. Левъ Николаевичъ прибавилъ: «Я не говорю, что всегда надо думать о смерти. Занять дѣломъ, такъ и не будешь думать объ этомъ. Но ужъ если начинаешь думать, то думай хорошенько и знай, что это всегдашній удѣлъ человѣка. И думай, не думай, отъ старости и смерти не уйдешь».

Графиня не возражала и не спорила и, послушавъ мужа, только сказала:

— Желала бы я знать, откуда Саша могла схватить эту свинку?

Послѣ чаю Левъ Николаевичъ игралъ съ

Татьяной Андреевной въ шахматы, а дѣвицы пѣли свои дуэты. Графиня сидѣла съ работой вблизи Льва Николаевича и по лицу ея видно было, какъ ей пріятно, что мужъ ея въ обществѣ ея сестры, а не своихъ *темныхъ*, такъ затемняющихъ ея жизнь.

Послѣ нѣсколькихъ партій въ шахматы Татьяна Андреевна тоже трянула стариной и спѣла, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Вѣра Кузминская играла въ хальму съ отѣзжающимъ NN. Графиня стала говорить о томъ, какъ теперь мало красивыхъ дѣвушекъ. Когда она выѣзжала, были такія-то, и такія-то; а всѣ ихъ дочери уже гораздо хуже ихъ. Я сказала, что и моя мать была очень хороша собой, а мы, обѣ ея дочери, некрасивы... Графиня начала вспоминать прежніе балы и вечера и тотъ костюмированный балъ, на которомъ Левъ Николаевичъ былъ *одѣтъ кузнецикомъ!*...

Затѣмъ NN простился и уѣхалъ. Марья Львовна пошла къ себѣ доканчивать свой переводъ. Левъ Николаевичъ тоже ушелъ.

Мы остались въ залѣ вчетверомъ, и тутъ графиня стала свободно изливаетъ свою душу. Она сказала, что эти «темные» это, какъ та пакость въ сказкѣ Льва Николаевича, которую мужикъ стряхнетъ, а она, смотришь, ужъ въ другомъ мѣстѣ показывается. И что же это въ самомъ дѣлѣ? Когда она была молода, Левъ Николаевичъ ревновалъ ее ко всѣмъ и радъ былъ всѣхъ выпроводить изъ дому; а теперь, когда дочери выросли, онъ самъ навелъ въ домъ всѣхъ этихъ... Что за дружба

такая: Таня, Маша, Таня, Маша... Какія онѣ имѣ Таня, Маша!...

— Нѣтъ, — говорила Татьяна Андреевна: — нѣтъ, ты не права. Ты не должна разгонять его гостей. Надо же ему съ кѣмъ-нибудь поговорить! Ты обязана доставлять ему пріятное общество.

— Ты ошибаешься, если думаешь, что я кого-то разгоняю... Нѣтъ дня и ночи, чтобы кого-нибудь изъ нихъ здѣсь не было.

— Но ты не должна и показывать имъ свое неудовольствіе. Разъ онѣ желаетъ...

— Вотъ то-то и дѣло: желаетъ ли онѣ?.. Ты спроси его: желаетъ ли онѣ?.. Я вѣдь молчала. Я думала: NN ему нуженъ. Онѣ не уѣдетъ, пока они не кончатъ перевода Лаодзы. И я молчала. А вчера я съ нимъ поговорила. Я ему говорю:

— Разъ NN тебѣ нуженъ... А ты знаешь, что онѣ сказалъ? Онѣ сказалъ: «Ахъ, онѣ мнѣ такъ тягостенъ!..» Ну, вотъ. А ты думаешь, что это все я... Мнѣ, конечно, не нравилось это торчанье у Маши. Что же это будетъ? Сегодня одинъ, завтра другой?..

Тутъ почему-то заволновалась и Вѣра и съ сердцемъ сказала:

— Ахъ, ужъ выходила бы она за *того*, за своего!..

Мнѣ стало неловко присутствовать при такихъ интимныхъ разговорахъ, и я заявила объ этомъ, желая уйти. Но графиня сказала:

— Вы нисколько насъ не стѣсняете. Вѣдь мы живемъ, какъ подъ стекляннымъ колпакомъ. Да скрывать и нечего.

Вѣра Кузминская продолжала нервно высказывать какія-то свои соображенія, но Татьяна Андреевна подняла ее на-смѣхъ, говоря:

— Какой вздоръ! То, что ты говоришь, только доказываетъ, что ты рѣшительно ничего не понимаешь. Въ Машѣ просто говорить ея молодость. Всѣ мы проходимъ черезъ это. И ничего тутъ нѣтъ необыкновеннаго!

Когда мы разошлись, я не утерпѣла и постучала къ Марѣ Львовнѣ.

— Можно?

— Войдите!

Она сидѣла въ своей скромной комнаткѣ и при свѣтѣ небольшой лампы дописывала своего Амизля. На комодѣ я увидѣла нѣсколько синихъ тетрадей, накрестъ перевязанныхъ веревочкой. На ярлыкѣ верхней тетради была надпись: «Мой дневникъ. Прошу не читать». Я умилилась и подумала: «Можно ли тревожиться за дѣвушку, которая, перевязавъ свой дневникъ веревочкой и надписавъ на немъ: «прошу не читать», вѣрить, что и будетъ по ея просьбѣ.

— Я не мѣшаю вамъ?

— Нѣтъ, я уже дописываю послѣднія слова.

Дописавъ ихъ, она внимательно и ласково взглянула мнѣ въ глаза и спросила:

— Ругали меня?

— Нѣтъ, но говорили о васъ что-то мнѣ непонятное.

Она положила перо и стала серьезно и просто рассказывать мнѣ, что этимъ лѣтомъ она влюби-

Л. Н. Толстой.

лась въ Х. Она сама этого не ожидала. Но они каждый день видѣлись, проводили много времени вмѣстѣ у Марьи Александровны. Ну, словомъ, полюбили другъ друга и рѣшили пожениться. Но когда она сказала объ этомъ своимъ, всѣ почему-то ужасно возстали. И даже папа. Ну, конечно, разъ опъ противъ этого, пришлось отказать. Теперь и *тотъ* на нее золь! Конечно, и ему тяжело! Всѣхъ жаль, всѣхъ жаль... И передъ всѣми-то она виновата!.. Это очень тяжело.

Въ домѣ всѣ уже спали, а мы долго-долго еще сидѣли и разговаривали.

На слѣдующее утро я присутствовала при занятіяхъ Марьи Львовны съ деревенскими ребятишками, тѣсно набившимися въ ея маленькой комнаткѣ. Ваничка учился у нея вмѣстѣ съ ними и усердно писалъ карандашомъ буквы. Послѣ класса и завтрака мы ушли втроемъ въ лѣсъ. Ваничка былъ очарователенъ въ своемъ тулупчикѣ, шапочкѣ и рукавицахъ. Онъ былъ очень похожъ на Марью Львовну и лицомъ, и взглядомъ. Такой же хрупкій, чистый, пѣжный, добренькій и точно готовый развернуть крылья, чтобы уйти изъ грѣшнаго міра.

День былъ морозный и солнечный. Мы пошли въ Чепыкъ. Чистый снѣгъ уже хрустѣлъ подъ ногами. Ваничка смѣялся, рѣзвился и прыгалъ, и не боялся ни крота, ни волка.

Я рассказала Марьѣ Львовнѣ о томъ, какъ Ваничка сообщилъ мнѣ о своихъ правахъ на Яскую Поляну, и, шутя, спросила его:

— А снѣгъ тоже твой?

Ваничка мудро отвѣтиль:

— Снѣгъ ничего не стоитъ. Растаетъ и ничего не останется. Снѣгъ пичей.

Марья Львовна рассказала мнѣ, какъ въ ранней молодости она была невѣстой Z. Но то было скорѣе идейное увлеченіе. Она видѣла, какъ женихъ любить ея отца, и они вмѣстѣ мечтали о томъ, какъ возьмутъ его къ себѣ и создадутъ ему обстановку и жизнь, согласныя съ его желаніями и воззрѣніями. Марья Львовна совѣмъ перестала меня дичиться и становилась все нѣжнѣе, откровеннѣе и ласковѣе.

Мы зашли втроемъ въ гости къ Льву Львовичу. Онъ ждалъ насъ, сидя въ креслѣ, одѣтый въ толстовскую блузу. Передъ нашимъ приходомъ онъ читалъ Платона во французскомъ переводѣ. Отложивъ книгу, онъ сталъ говорить о томъ, что наканунѣ домашняя атмосфера была слишкомъ тяжелой для него. Онъ радъ, что я сама все это видѣла; а лѣтомъ бываетъ еще хуже: съ одной стороны—губернаторы, съ другой —темные...путаница какая-то, сумбуръ... что-то удручающее и нелѣпое.

Самъ Левъ Львовичъ раздѣлялъ взгляды отца и говорилъ, что раздѣляетъ ихъ не потому, что онъ его сынъ. Нѣтъ, если бъ онъ былъ Ивановымъ, грамотнымъ сыномъ извозчика, онъ думалъ бы то же самое.

Пришла графиня, взяла Ваничку на руки и стала рассказывать ему сказку. А мы продолжали

бесѣдовать. Левъ Львовичъ сказалъ, что на вопросъ его отцу, что дѣлать, чтобъ поднять мужика, Левъ Николаевичъ отвѣтилъ: «Надо стать ниже его, надо подлѣзть подъ него, только тогда поднимешь его...»

Я замѣтила:

— Намъ ли поднять мужика? Дай Богъ намъ подняться до него... Я думаю, что Левъ Николаевичъ сказалъ: *стать* ниже его въ смыслѣ—*понять*, что мы ниже его... Въ какомъ отношеніи? Да во всѣхъ! Ужъ одно то, что у мужика есть *терпѣніе*! Терпѣніе и смиреніе, какого не найдешь у избалованныхъ людей обезпеченныхъ классовъ.

Вошелъ Левъ Николаевичъ. Не записала того, что онъ говорилъ по этому поводу, но помню, что и онъ находилъ крестьянскую жизнь достойнѣе, разумнѣе и основательнѣе жизни интеллигенціи. У послѣдней идеалы высокіе, а жизнь подлая, а у народа наоборотъ. Послѣ этого мы говорили еще о томъ, чѣмъ бы заняться Льву Львовичу, какая работа ему по силамъ и не во вредъ здоровью, и я совѣтовала ему писать. Онъ уже напечаталъ одинъ свой рассказъ въ «Недѣлкѣ» и писалъ еще для «Сѣвернаго Вѣстника». Левъ Николаевичъ не сомнѣмъ былъ увѣренъ въ его талантѣ, но сказалъ:

— Это было бы хорошо, потому что у него *есть содержаніе*.

Когда мы поднялись въ столовую, Хохловъ и Леонтьевъ уже стояли тамъ въ ожиданіи обѣда. Графиня издала показала мнѣ на нихъ, говоря: «Вы видите: отъ нихъ, какъ отъ козловъ, ни шер-

сти, ни молока. Стоять и молчать. Ихъ даже описать нельзя».

Ваничка снова громогласно заявлялъ, что онъ «ветарьянецъ». Саша снова присылала просить de la soupe végétarienne. Ей было лучше. За столомъ много говорили о Руссо, сочиненіями котораго Левъ Николаевичъ увлекался и восхищался съ пятнадцати лѣтъ.

Послѣ обѣда я рассказала, какъ я ходила по присутственнымъ мѣстамъ съ овдовѣвшей кузиной и что мы тамъ видѣли. Льву Николаевичу понравился рассказъ о томъ, какъ въ комнату, въ которой зѣвали, дымили, празднословили и пили чай вялые, лѣнныя чиновники съ папиросками, вдругъ вбѣжали два здоровыхъ мужика съ мѣшкомъ и корзиной и припались проворно, не теряя ни секунды, подбирать ненужныя бумаги, которыхъ было ужасно много.

Левъ Николаевичъ сказалъ мнѣ:

— Стойте, стойте! Не рассказывайте. Это надо написать!.. А расскажете, такъ ужъ не напишете.

Когда онъ ушелъ къ себѣ, графиня стала говорить о томъ, какъ она была рада пріѣзду Татьяны Андреевны. Я сказала, что Татьяна Андреевна даетъ ей хорошіе совѣты. Графиня замѣтила:

— Да, совѣты давать легче, чѣмъ самой поступать, какъ слѣдуетъ. Я могла бы всѣмъ давать совѣты.

Она прибавила, что у нея есть другая, старшая сестра, которая даетъ совѣтъ другіе совѣты. Та говорить такъ: «Ахъ, онъ хочетъ, чтобы ты сама

стряпала? Стряпай! Стряпай и накорми его своей стряпней. Его стошнить, и онъ больше твоей стряпни не захочетъ.—Нѣтъ, совѣты совѣтами, а всякій все же поступаетъ только по *своей* совѣсти, по *своему* чувству».

Вечеромъ я пошла внизъ укладываться. Графиня принесла мнѣ теплыя вещи Татьяны Львовны. Левъ Львовичъ просилъ передать письмо Андрею Львовичу. Милый Ваничка усердно помогаль мнѣ укладываться, старался быть полезнымъ и собственноручно стягиваль ремни. Левъ Николаевичъ и Марья Львовна тоже пришли ко мнѣ и разговаривали стоя, такъ какъ въ комнаткѣ было очень тѣсно. Я спросила Льва Николаевича, не будетъ ли какихъ порученій. Онъ спросилъ, бываю ли я въ Публичной библіотекѣ, и далъ порученіе къ Стасову.

Марья Львовна надѣла шапочку и скромное черное пальто и поѣхала провожать меня. Одѣвалась она гораздо бѣднѣе и проще, чѣмъ Татьяна Львовна. Я не знала теперь, которая изъ нихъ милѣе? Обѣ были мнѣ очень по душѣ. Обѣ были серьезны, благородны и безкопечно преданы отцу. Татьяна Львовна была, можетъ быть, умнѣе и даровитѣе, но Марья Львовна привлекала своей простотой и сердечностью.

Помню, что когда мы подѣхали къ рельсамъ, шлагбаумъ былъ спущенъ. Марья Львовна прыгнула на ходу, собственноручно подняла шлагбаумъ и такъ же проворно и просто вскочила на мѣсто, очевидно, продѣлавъ нѣчто вполне привычное.

Мы ѣхали въ темнотѣ и всю дорогу разговаривали. На станціи мы нѣжно простились и общались писать другъ другу.

Прибывъ въ Москву, я поспѣшила къ Татьянѣ Львовнѣ, которую на этотъ разъ застала окруженною *темными*. У нея была ея двоюродная сестра Вѣра Сергѣевна Толстая (дочь Сергѣя Николаевича), Бирюковъ, Горбуновъ, Евгенийъ Ивановичъ Поповъ, Дунаевъ, Никифоровъ и какой-то сочувствующій французъ. Андрюша и Миша собирались въ баню съ Павломъ Петровичемъ. Они такъ много распространялись о славѣ и достоинствахъ Центральныхъ бань, что я сказала имъ: «Что же это вы, толстовцы, въ такія дорогія бани ходите?» на что одинъ изъ мальчиковъ отвѣтилъ:

 — Мы толстовцы навыворотъ.

Они ушли, а мы сѣли за столъ, за самоваръ и угощенье, состоящее изъ арбуза, салата, хлѣба, изюма и маслинъ.

Евгенийъ Ивановичъ Поповъ пропагандировалъ въ этотъ вечеръ сырое вегетаріанство. Фотографія Оскрагелло въ костюмѣ акробата съ голыми руками и самодовольной фізіономіей переходила изъ рукъ въ руки, какъ реклама новаго способа питанія. Татьяну Львовну очень прельщало это новшество. «Какая прелесть! Ни кухни, ни чада, ни кастрюль, никакой пачкотни!.. Опрятно, экономно, здорово и естественно. Что можетъ быть лучше ягодъ, фруктовъ и орѣховъ?» Я узнала, что Левъ Николаевичъ любитъ финики, а Татьяна Львовна фисташки.

Татьяна Львовна замужъ не выйдетъ, и подъ старость будетъ жить со своей кузиной Вѣрой Сергѣевной. И будутъ онѣ жить чистенько, не пачкая никакой посуды, питаюсь финиками и фи-сташками.

Всѣ одобряли и привѣтствовали новое упрощеніе жизни. Только Никифоровъ колебался и говорилъ:

— Позвольте, но при такой неподготовленной пищѣ сколько же времени будетъ у меня уходить на жеваніе? И, наконецъ, если я цѣлый день буду жевать зерна, вѣдь у меня челюсть вытянется, какъ у лошади.

— Нѣтъ,—мягко и безстрастно говорилъ Евгений Ивановичъ.—Нѣтъ, у васъ останется прежняя челюсть. А что касается времени...

Такъ мы бесѣдовали и слегка спорили, кушая изюмъ и маслины. И всѣмъ было хорошо и весело.

По возвращеніи домой я пашла уже письмо отъ Марьи Львовны. Она просила прислать ей изъ «Сѣвернаго Вѣстника» нѣсколько оттисковъ «Недѣланія» для друзей, дорожающихъ тѣмъ, что пишетъ ея отецъ. «Сегодня весь день думаю о васъ,—писала она,—и чувствую себя подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ вами. Мнѣ что-то радостное прибавилось въ жизни. Сегодня пріѣхалъ Горбуновъ, и мы съ нимъ ѣздили къ Марьѣ Александровнѣ. Тамъ были Хохловъ и Леонтьевъ. Полная *темнота*. Полный сборъ. И я пожалѣла, что васъ не было. Было хорошо и интересно. Пока

прощайте, дорогая Л. И. Я очень васъ люблю. Марія Толстая».

Слѣдующее ея письмо было уже изъ Москвы.

«Милая Л. И., получила ваше письмо еще въ Ясной. Тамъ не успѣла отвѣтить, а здѣсь было скверно на душѣ и не хотѣлось свое дурное настроеніе передавать вамъ. Нашъ Лева уѣхалъ за границу и писалъ изъ Варшавы очень бодрое, веселое письмо. Да и здѣсь послѣднее время онъ былъ бодрѣе. Меньшикова прочли—очень хорошо. И папа нашелъ, что прекрасно. Стасовъ все исполнилъ, какъ слѣдуетъ.

«Мы жили въ Ясной удивительно хорошо съ отцомъ вдвоемъ. Приходила къ намъ только Марья Александровна, и одно время съ нами жилъ Леонтьевъ. Какъ всегда, когда такъ живемъ, у меня въ душѣ возстановилось такое радостное спокойствіе и полное удовлетвореніе своей личной жизнью. И только бы не мѣнялось это положеніе, никогда бы ничего другого не стала выдумывать. Моя жизнь въ той обстановкѣ, въ какой я живу, имѣетъ оправданіе только въ томъ, что я живу въ ней для отца, помогая его дѣламъ. Если бъ не было отца,—я не могла бы такъ жить, потому что никому не нужна моя жизнь здѣсь, и потому, когда я въ этой жизни упускаю смыслъ ея,—ничего не остается; мнѣ дѣлается тяжело, и я начинаю метаться и искать чего-то другого, чуждаго и несвойственного мнѣ. А въ Ясной, живя съ отцомъ и вполне нераздѣльной съ нимъ жизнью,—было такъ хорошо, какъ давно не было; и это по-

ставило меня въ точку лучше всякихъ увѣщеваній. Нѣкоторымъ людямъ помогаетъ разбираться въ жизни—думать, думать и думать. А мнѣ одно помогаетъ: *жить*, и вслѣдствіе лучшей жизни возникаютъ и лучшія мысли. Здѣсь же въ Москвѣ тяжело. Жутко опять потерять себя.

«Отецъ все еще занятъ Тулономъ. Религія окончена и послана нѣмецкой переводчицѣ, а здѣсь отдана Гроту въ «Вопросы философіи». Пишется еще кое-что. Отцу тоже здѣсь тяжело отъ вѣчныхъ посѣтителей, но онъ еще ободряетъ меня и ко всему приговариваетъ: «Отлично!»—какъ какой-то нѣмецъ, который, какая бы гадость ни случилась, приговаривалъ: отлично!

«Видаемъ хорошихъ людей въ «Посредникѣ». Они тоже ободряютъ и освѣжаютъ своимъ хорошимъ духомъ. Въ сущности дурно, что меня такъ тяготитъ здѣшняя жизнь. Прежде мнѣ было бы все равно, а теперь я ослабѣла и просто боюсь этой жизни».

6-го февраля 1894 г. изъ Ясной Поляны.

Письмо Марьи Львовны.

«Милая Л. И. Я давно хочу писать вамъ. Еще раньше, чѣмъ пріѣхалъ Меньшиковъ, я написала вамъ письмо о «Зарпцахъ», которыя положительно взволновали меня. Не послала, потому что, перечитавъ его, разорвала; показалось глупо. А я очень часто думаю о васъ съ любовью. Меньшикова я мало видѣла и совсѣмъ не говорила съ нимъ

въ нашей толпѣ посѣтителей; но онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе своей скромностью, серьезностью и тишиной. Папа онъ очень понравился, и ему было радостно и интересно познакомиться съ нимъ.

«Пишу вамъ изъ Ясной, гдѣ мы живемъ: папа, Таня, я, Бирюковъ, Марья Александровна Шмидтъ и сегодня приѣхалъ еще отъ Черткова Емельянъ Еценко—мужикъ очень умный, добрый, ласковый и вполне раздѣляющій и прилагающій въ жизни христіанское ученіе. Намъ очень хорошо. Последнее время въ Москвѣ мы измучились и устали отъ постоянныхъ посѣтителей. Въ Москвѣ невозможно оградить себя отъ нихъ, да и не должно этого дѣлать. Папа считаетъ, что разъ люди идутъ къ нему, онъ долженъ, какъ только можетъ, удовлетворять ихъ требованіямъ и никакъ не можетъ не пускать ихъ къ себѣ. Тѣмъ не менѣе, намъ всегда хочется хоть на время дать ему отдохнуть отъ людей. Съ этой цѣлью мы и уѣхали изъ Москвы. Но и здѣсь еще дня не было безъ гостей, хотя здѣсь это совсѣмъ не тяжело, и гости все милые люди, съ которыми легко и просто.

«Отецъ все еще работаетъ надъ Тулономъ. Теперь уже эта статья теряетъ свой специально франко-русскій смыслъ и вырастаетъ въ большую статью о патріотизмѣ.

«Лева писалъ намъ, что здоровье его все плохо, и что думаетъ даже скоро вернуться въ Россію. Духомъ онъ довольно бодръ. Ваничка пишетъ, что вы прислали ему свою фотографію. Пришлите

и мнѣ. Что же сказать о себѣ? Въ Москвѣ жила суетно, загроздила жизнь разными занятіями и не оставила въ душѣ уголка для Бога, какъ велитъ Амизель. Было неспокойно и нерадостно. Здѣсь же мнѣ хорошо. Опять просыпаются мысли, чувства и сознаніе смысла жизни. Мнѣ, пожалуй, грустно послѣднее время; но серьезно и тихо.

«Чудные стоятъ дни и ночи! Яркіе, морозные, красивые! Вчера ночью мы ѣздили съ Таней и Бирюковымъ на Козловку за почтой и наслаждались. Сегодня пріѣзжаетъ къ намъ Н. Н. Ге, нашъ большой другъ, и мы опять поѣдемъ его встрѣчать. Живемъ мы внизу въ комнатѣ, гдѣ вы жили, и въ слѣдующихъ двухъ, помните? Бирюковъ топить печи и ставитъ самоваръ, мы все убираемъ и подаемъ. Хохловъ колетъ дрова, и всѣ довольны. Папа, какъ всегда, здѣсь очень много и хорошо работаетъ и каждый день общается, что завтра кончить. Я пишу для него, учусь медицинѣ, лечу больныхъ: ходятъ люди, кто за книгой, кто за чѣмъ; приходитъ Параша провѣдать, и дни бѣгутъ очень скоро. Жаль, что надо будетъ возвращаться въ Москву. Такъ хочется иногда пожить, какъ любишь. Но это соблазнъ, и не въ этомъ дѣло. Вездѣ можно служить Богу и не забывать Его. А я часто подпадаю соблазну желанія лучшихъ формъ жизни и придаю имъ значеніе. Дѣло въ увеличеніи добра въ себѣ, а формы будутъ улучшаться въслѣдствіе внутренняго улучшенія. Мы держимся въ нашей обстановкѣ и въ теперешнихъ формахъ нашей жизни только нашими тепереш-

ними или прежними грѣхами; а распутаются грѣхи, распутаются и формы жизни. Я люблю простую жизнь: люблю деревню, люблю работы, животныхъ. Меня всегда тянетъ къ самой простой деревенской жизни. Какъ хорошо въ «Зарницахъ», когда она приходитъ отъ коровъ на террасу и ей хочется скорѣй уйти, потому что никто не понимаетъ, что у нея на душѣ. Какъ я это знаю! Это всегда бываетъ такъ. Цѣлую васъ и отъ души люблю. Павелъ Ивановичъ хочетъ приписать вамъ. Мы узнали на дняхъ, что умеръ Дрожжинъ, тотъ, который отказался отъ воинской повинности и за это былъ замученъ въ дисциплинарныхъ батальонахъ,—и умеръ отъ чахотки. Удивительной духовной силы человекъ. Марія Толстая.

Приписка П. И. Бирюкова.

«Дорогая Л. И. Я уже нѣсколько дней живу въ Ясной. Вы можете понять, какъ здѣсь хорошо. Бываетъ такъ хорошо, что хочется сказать: Построимъ три кущи!.. Марья Львовна оставила мнѣ полъ-листика, причемъ строго запретила читать ея письмо, но предупредила, что прочтеть мое. Какова справедливость! Мнѣ хочется поблагодарить васъ за то, что вы мнѣ позволяли бывать у васъ и говорить съ вами. Я все боялся надоесть вамъ. Мнѣ еще многое хотѣлось сказать вамъ. Въ послѣдній разъ, когда я былъ у васъ, мнѣ помѣшалъ Слѣпцовъ. Можетъ быть, и лучше, а то бы я сказалъ какую-нибудь глупость. Мнѣ хотѣлось просить васъ не принимать во вниманіе сужденій

Николай Семеновича (Лѣскова) обо мнѣ, о «Посредникѣ» и о многомъ другомъ. Вотъ какъ разъ и сказалъ глупость. Простите. Хотѣлъ бы вамъ пожелать чего-нибудь хорошаго и не могу пожелать ничего лучшаго, какъ поскорѣе пріѣхать въ Москву и побывать въ Хамовникахъ.

Павель Бирюковъ.

«Я начала это письмо 6-го, а кончаю 8-го. Оно очень безтолково. Ну, простите. М. Т.

Въ апрѣлѣ 1894 года по пути въ Полтаву я заѣхала въ Москвѣ къ Толстымъ. Отворившій мнѣ лакей заявилъ, что графини и дочерей нѣтъ дома. Я хотѣла уже уйти, по появившаяся въ передней м-лс Детра удержала меня и повела въ садъ къ дѣтямъ. Саша и Ваничка выбѣжали мнѣ навстрѣчу, а Миша сказалъ: «Да вѣдь Таня-то, кажется, дома. Только у нея голова болитъ. Я ей скажу». Я тщетно кричала ему вслѣдъ: «Не надо! Не говорите!» Онъ умчался, какъ стрѣла. И черезъ минуту меня попросили къ Татьянѣ Львовнѣ. Она полулежала съ сильнымъ насморкомъ, съ головной болью и нездоровыми глазами въ комнатѣ Марьи Львовны, такъ какъ въ ея собственной комнатѣ Ярошенко писалъ портретъ съ Льва Николаевича. Желая какъ-нибудь освободить ее отъ моего присутствія, я сказала, что хочу, пока нѣтъ графини, сѣздить посмотреть Третьяковскую галерею, которой никогда еще не видѣла. Но, услыхавъ о

Третьяковской галлерей, Татьяна Львовна вскочила и заявила, что поѣдетъ со мной. Голова у нея болить отъ насморка, а насморкъ скорѣе пройдетъ на воздухѣ. Я ужъ и не рада была своей выдумкѣ, видя, что она поспѣшно одѣвается. Мы были уже въ шляпахъ, когда Миша снова вбѣжалъ къ намъ, говоря, что Левъ Николаевичъ просить насъ къ себѣ.

Левъ Николаевичъ познакомилъ меня съ Ярошенко, спросилъ меня, нѣтъ ли переменъ въ моей жизни, живу ли я по-прежнему съ моей матушкой, спросилъ объ общихъ знакомыхъ, о Гуревичъ и ея журналѣ, очень благосклонно и сочувственно отозвался о Волинскомъ (Флексерѣ) и прибавилъ: «Я не знаю, съ тактомъ ли онъ держитъ себя въ редакціи, по то, что онъ хочетъ писать и дѣлать, мнѣ кажется очень хорошо». (Чуть ли не шло дѣло о развѣнчаніи старыхъ критиковъ).

Осмотрѣвъ картинную галлерей, мы вернулись домой; я уговорила Татьяну Львовну лечь, а сама пошла въ дѣтскую, гдѣ Ваничка сталъ весело показывать мнѣ свой столикъ, свой велосипедъ и свои игрушки, приговаривая: «Какъ меня балуютъ!.. Какъ всѣ меня балуютъ!.. Всѣ меня балуютъ!..»

Я сказала:

— Это оттого, что ты самый маленъкій.

Ваничка согласился, и подумавъ, сказалъ:

— Да. У мама, вѣроятно, уже не будетъ больше дѣтей. Она-то бы и рада, но вѣдь больше ужъ дать нечего. Все раздѣлили.

Хорошенькая Саша говорила мало, больше слушала. Очевидно, она привыкла къ тому, что все вниманіе, всѣ ласки выпадаютъ на долю маленькаго брата, а она остается въ тѣни.

Передъ самымъ обѣдомъ вернулась графиня съ Марьей Львовной, которая показалась мнѣ очень авантажной въ своей розовой ситцевой блузочкѣ и черной юбкѣ. Она была въ хорошемъ, свѣтломъ настроеніи. Теперь всѣ тучи, казалось, были надъ головой Татьяны Львовны, которой къ тому же и нездоровилось. Левъ Львовичъ вернулся изъ-за границы, но продолжалъ похварывать.

За обѣдомъ я сидѣла между Львомъ Николаевичемъ и Ваничкой. Говорили о картинахъ. Не помню, что говорилъ Ярошенко. Левъ Николаевичъ признался, что не любитъ Васнецова. Его больше всего интересовали послѣднія картины Ге, и онъ спрашивалъ о впечатлѣніи, которое сдѣлала въ Петербургѣ его картина «Христосъ и разбойникъ». Она была выставлена въ квартирѣ А. Н. Страннолюбскаго и ее много смотрѣли. Ге былъ у насъ, познакомился съ моею матерью и самъ показывалъ ей свою картину. Мнѣ совсѣмъ не нравился его разбойникъ. Льву Николаевичу тоже не нравился разбойникъ, но нравился Христосъ. Кто-то изъ сидящихъ за столомъ сказалъ, что когда Левъ Николаевичъ въ первый разъ увидалъ этого Христа, то заплакалъ. Еще кто-то сказалъ, что Миша умѣетъ удивительно похоже представлять разбойника Ге. Мишу попросили показать свое искусство и, онъ сейчасъ же сдѣлалъ гримасу,

мгновенно преобразившую его красивое дѣтское лицо въ страшную рожу разбойника.

Я рассказала, что Лѣсковъ былъ очень занятъ

Графиня Татьяна Львовна Толстая.

этой картиной, приобрѣлъ много снимковъ съ нея и разсылалъ ихъ всѣмъ своимъ знакомымъ. Критикъ Протопоповъ, получивъ такую фотографію, писалъ Лѣскову, что картина *He* есть вѣрное изображеніе *прошлаго*.

браженіе по Матѣею и Марку, у которыхъ сказано, что оба разбойника поносятъ, а не по Лукѣ, который самъ дѣла не видалъ, компилировалъ позже другихъ, любилъ сентиментальничать и вѣроподобіемъ не стѣснялся. Оба поносятъ. Это увеличиваетъ трагизмъ положенія, и становится понятнѣе восклицаніе: «Боже мой, Боже мой! Для чего Ты Меня оставилъ!» Христосъ умираетъ, буквально оставленный всѣми, и совсѣмъ не имѣетъ надежды сейчасъ же перенестись въ рай и пригласить туда вѣжливаго сосѣда. Онъ оканчиваетъ свою эпопею любви къ людямъ полнымъ героизмомъ, поносимый всѣми, а его немногіе друзья молчатъ, какъ и мы, страха ради іудейска...

Такъ думалъ и писалъ Протопоповъ, но самъ Лѣсковъ не хотѣлъ отказываться отъ художественнаго образа «покаявшагося» разбойника и очень интересовался тѣмъ, котораго именно разбойника изобразилъ Ге. Левъ Николаевичъ для своего Евангелія тоже взялъ версію Луки.

Говорили еще за столомъ о различныхъ изображеніяхъ Христа, о Христѣ Крамского, Полѣнова, Семирадскаго. Льву Николаевичу нравился Христосъ на картинѣ Ге «Что есть истина?»

Послѣ обѣда всѣ перешли въ комнату Татьяны Львовны. Левъ Николаевичъ снова сѣлъ въ позу. Ярошенко взялъ кисть, а я стала читать вслухъ Льву Николаевичу статью изъ «Русскаго Обозрѣнія» о Соловьевѣ и Розановѣ. Графиня и Марья Львовна работали, дѣти вертѣлись на коврѣ у ногъ Льва Николаевича. Во время чтенія тихонько

вошли Бирюковъ, молодой Оболенскій и Екатерина Ивановна Баратынская, свѣтская женщина, подружившаяся съ толстовцами и много поработавшая для «Посредника» въ качествѣ прекрасной переводчицы съ иностранныхъ языковъ. Она подѣла къ графинѣ, и когда, переставъ читать, я машинально прислушивалась къ ихъ бесѣдѣ, Екатерина Ивановна спрашивала что-то о Сашѣ, и я слышала, какъ графиня отвѣтила ей: «Я надѣюсь выдать ее замужъ раньше, чѣмъ ее коснется эта зараза».

Очевидно, въ домѣ все было по-прежнему. Левъ Львовичъ предложилъ мнѣ пройти въ садъ. Съ нами пошли Марья Львовна, Екатерина Ивановна, Бирюковъ и Оболенскій. Изъ сада мы все зашли къ Льву Львовичу, который занималъ комнату во флигелѣ съ окошкомъ въ садъ. Комната была очень просто убрана. Кровать, столъ и кресло. На столѣ сочиненія Кенана, Герцена, Пушкина и сказки Андерсена. Я подумала: какъ тутъ хорошо писать. Но не спросила его, пишетъ ли онъ, чтобы не разсердить его.

Я замѣтила, что, побывавъ за границей, Левъ Львовичъ нѣсколько охладѣлъ къ послѣдователямъ отца и говорилъ о нихъ съ раздраженіемъ, котораго раньше я не замѣчала. Теперь онъ находилъ ихъ скучными и несносными. «Что у нихъ своего?—говорилъ онъ.—«Это офени, книгоноши... Они распространяютъ книги отца и только». И когда я заступилась за одного изъ нихъ, онъ сказалъ: «Ахъ, полноте, это какая-то ходячая слякоть!...»

— Вотъ вы гдѣ,—сказалъ Левъ Николаевичъ, входя къ намъ съ Ярошенко:—а мы васъ въ саду искали.

Онъ сѣлъ въ кресло и поговорилъ съ нами. Почему-то заговорили о психіатрической лѣчебницѣ, которая была за садомъ Толстыхъ. Левъ Николаевичъ разсказалъ, что ходилъ туда въ гости, къ больные принимали его съ большимъ уваженіемъ и симпатіей. Левъ Николаевичъ сказалъ, что сумасшествіе—это эгоизмъ, доведенный до крайняго предѣла. Человѣкъ, живущій для другихъ, никогда не сойдетъ съ ума. Здоровый эгоизмъ не долженъ идти дальше инстинкта самосохраненія. Дальнѣйшее развитіе его уже ненормально. Чѣмъ больше силъ въ человѣкѣ, тѣмъ сильнѣе въ немъ и потребность дѣлиться ими, служить ими другимъ людямъ. А для сумасшедшихъ другіе люди не существуютъ...

Левъ Львовичъ остался у себя, а мы всѣ разбрелись. Заглянувъ къ Татьянѣ Львовнѣ и увидавъ, что она уснула, мы съ Марьей Львовной пошли въ кабинетъ Льва Николаевича. Онъ поправился мнѣ менѣе, чѣмъ яснополянский, казался загроможденнымъ креслами, но положеніе его въ сторонѣ отъ домашней суеты и сутолоки было удобно. И видно было, что и здѣсь, какъ и въ деревнѣ, Левъ Николаевичъ былъ окруженъ неустанной заботой жены и дочерей. Все было обдуманно въ цѣляхъ его удобства и покоя. Марья Львовна чувствовала себя хозяйкой въ этой комнатѣ и показывала мнѣ и рукописи, и

лазейки, въ которыя она прятала пѣкоторые изъ нихъ.

Потомъ она показала мнѣ всѣ остальные комнаты дома, послѣ чего мы сѣли переписывать «Катехизисъ». Катехизисъ этотъ очень интересовалъ меня, и мы рѣшили съ Марьей Львовной, что будемъ говорить о религіи только тогда, когда «Катехизисъ» будетъ выполненъ. А пока съ насъ было довольно того, что мы обѣ вѣримъ въ Бога и любимъ Христа и Евангеліе. Спорить намъ не приходилось.

Мы сидѣли и писали. Къ намъ вошла графиня въ боа и шапочкѣ. Она собиралась ѣхать къ исповѣди и въ баню. Наклонившись и прищурившись, она посмотрѣла черезъ мое плечо, что я пишу.

— «Катехизисъ»? Я бы не могла этого переписывать. Я переписывала все, вплоть до критики догматическаго богословія. Теперь переписываютъ дочери. Но, конечно, у него уже нѣтъ съ ними той близости, какая была у насъ. Мы вѣдь жили вотъ какъ!—Графиня вложила пальцы одной руки въ пальцы другой и крѣпко сжала ихъ.—Вотъ какъ! Одна душа, одно тѣло, одна жизнь... Я угадывала все, что онъ думалъ, знала все, что онъ скажетъ... Маша, тамъ ваши Страховы пришли. Ты ужъ, пожалуйста, занимай сама своихъ знакомыхъ. Мнѣ нельзя не ѣхать. До свиданья!

Она уѣхала исповѣдываться, а мы, дописавъ положенное, вернулись къ Льву Николаевичу, окруженному уже новыми гостями. Съ нимъ си-

дѣли теперь: Сергѣй Львовичъ, котораго я видѣла въ первый разъ, два студента, чуть ли не братья Махлаковы, художникъ Касаткинъ и Ѳедоръ Страхъ съ женой.

Къ чаю вернулась раздумывавшаяся графиня съ мягкими, чисто вымытыми волосами. Татьяна Львовна встала и перешла въ гостиную, гдѣ, впрочемъ, сейчасъ же прилегла на диванъ. Здѣсь съ ней сдѣлалось что-то въ родѣ истерическаго припадка, надъ которымъ она сама потомъ смѣялась. Мнѣ было очень жаль уѣзжать отъ нихъ, и я думала: «Какъ было бы хорошо, если бы мы жили въ одномъ городѣ!»

Въ Полтавѣ я получила письмо отъ Марьи Львовны.

«Воскресенье, Красная Горка, 1894.

«Дорогая Л. И., спасибо за доброе ласковое письмо. Татьяна наша, хотя и здорова теперь, но все слаба и какъ-то киснетъ. Завтра я одна уѣзжаю въ Яспую и въ концѣ недѣли буду ждать отца. Я должна была уѣхать раньше, но осталась на свадьбу одной подруги дѣтства, которая этого желала. Сегодня вѣнчали ее, и завтра ѣду. Мнѣ даже и ѣхать не хочется, какъ прежде хотѣлось, мнѣ стало все равно, потому что очень на душѣ грустно. Вы спрашиваете: отчего? и удивляетесь, что мнѣ можетъ быть грустно; но я еще живу очень личной жизнью, и эта личная жизнь путаетъ и мучитъ меня. Молюсь, чтобъ освободиться отъ нея, и не могу. Бываютъ радостные

періоды освобожденія отъ личныхъ интересовъ, и тогда жизнь съ отцомъ и въ Отцѣ такъ радостна, серьезна, значительна и легка. Но это проблески, а то живу послѣднее время такими земными, низменными интересами, что жутко бываетъ, очнувшись. Увидимся, я много съ вамъ расскажу о себѣ дурного. Мнѣ было очень радостно, что вы хотите мнѣ и о себѣ рассказать. Мнѣ всегда хочется проикнуть глубже въ васъ, и я рада, что вы хотите открыть мнѣ доступъ и къ вамъ въ душу. Мнѣ это очень дорого.

«Лева, Таня, папа, мама и малыши всѣ шлютъ вамъ привѣтъ. Ждемъ васъ теперь въ Ясную. Буду въ Ясной жить хорошо, строго къ себѣ, не буду киснуть и распускаться. Это отъ себя всегда зависить. Пока прощайте, милая, хорошая Л. И. Нѣжно цѣлую васъ. Я очень жалѣла, что не могла васъ проводить. Но я ночевала съ Татьяной, мы обѣ не спали, и утромъ, когда она заснула, я боялась, вставая, разбудить ее и такъ лежала, пока стало поздно. Прощайте. Спѣшу укладываться. Будьте счастливы. Марія Толстая».

Черезъ мѣсяцъ, возвращаясь изъ Полтавы, я сошла въ четыре часа утра на Козловкѣ, оставила свой чемоданъ у стрѣлочника и пошла пѣшкомъ въ Ясную Поляну. На травѣ блестѣла роса; птицы робко и радостно щебетали утреннія пѣсни, далеко въ сторонѣ я увидѣла группу бабъ и дѣвчушекъ въ желтыхъ и красныхъ юбкахъ, но на моемъ пути не встрѣчалось ни души. Какъ я ни

старалась идти медленно, но когда я пришла въ усадьбу, тамъ все спало, какъ въ замкѣ Спящей Красавицы. Но мнѣ выбѣжала только больная собака Недда, какъ-то странно хромающая на обѣ заднія ноги. Я сѣла отдохнуть подлѣ дома, а она улеглась у моихъ ногъ, не сводя съ меня глазъ и готовая вскочить по первому моему движенію. Мы съ ней прогулялись еще въ ближайшемъ лѣсочкѣ, гдѣ въ тѣни молодой листвы распускались ландыши, и, когда я вторично подошла къ дому, тамъ уже работалъ садовникъ и его двѣ помощницы. Я сѣла у крокета на скамейку. Вскорѣ изъ дому вышелъ молодой лакей съ парой вычищенныхъ мужскихъ ботинокъ въ рукахъ. Онъ узналъ меня и, подойдя ко мнѣ, сказалъ, что сейчасъ въ домѣ ремонтъ и передѣлки, и поэтому вся молодежь живетъ въ другомъ домѣ, а здѣсь только графъ, графиня и Татьяна Андреевна. Сообщивъ это, онъ побѣжалъ дальше со своими ботинками, а я снова осталась съ хромающей Неддой. Отъ нечего дѣлать я вынула изъ кармана пессеръ съ ножницами и принялась стричь ногти. За этимъ благороднымъ занятіемъ засталъ меня Левъ Львовичъ, которому лакей сказалъ о моемъ приходѣ. Онъ очень удивился тому, что я пришла пѣшкомъ, сказалъ, что еще страшно рано, и совѣтовалъ мнѣ пойти выпасться. Онъ проводилъ меня до комнатъ сестеръ, гдѣ сдалъ меня на руки горничной Марьѣ Кирилловнѣ, и черезъ минуту я была уже у Марьи Львовны. У нея ночевали двѣ ея двоюродныя сестры, млад-

шія дочери Сергѣя Николаевича. Одна изъ нихъ лежала еще на диванѣ, подъ одѣяломъ, другая уже расчесывала свои темные волосы. Марья

Графиня Марія Львовна Толстая.

Львовна была въ бѣлой кофточкѣ, неумытая и непричесанная. Я спросила ее:

— Какъ живете?

Она отвѣчала съ виноватой улыбкой:

— Да что, свѣтлѣемъ понемножку.

Изъ сосѣдней комнаты пришла Татьяна Львовна, тоже неумытая и неоде́тая.

Поднялась болтовня. Я тоже раздѣлась, умылась, причесалась вмѣстѣ съ ними и, напившись кофе, мы всѣ сѣли за работу, которою завѣдывала Татьяна Львовна. Надо было сортировать переписку Льва Николаевича съ разными лицами. Марья Львовна смотрѣла на каждое слово, написанное рукой отца, какъ на святыню. Татьяна Львовна была строже и отъ времени до времени восклицала:

— Послушайте! Да вѣдь тутъ же нѣтъ ничего рѣшительно! Что же тутъ хранить? Я уничтожаю.

Она уничтожала, а Марья Львовна только выразительно взглядывала на нее.

Мы углубились въ работу. Пришелъ Левъ Львовичъ, но помогать намъ не сталъ, только посидѣлъ съ нами и попенялъ сестрамъ, что онѣ и меня засадили вмѣсто того, чтобъ дать мнѣ отдохнуть съ дороги. Когда онъ ушелъ, я спросила дѣвицъ, кто собственно изъ сыновей можетъ назваться послѣдователемъ отца? Да никто, или всѣ понемножку. Сергѣй Львовичъ преклоняется предъ отцомъ, раздѣляетъ его взгляды, но въ жизни ихъ не проводитъ. Илья Львовичъ былъ толстовцемъ, пока былъ женихомъ. И онъ, и его невѣста тогда работали, сами чистили свои сапоги; потомъ понемножку отстали. Левъ Львовичъ былъ самымъ близкимъ послѣдователемъ, помогать отцу въ устройствѣ столовыхъ, но болѣзнь его сбила;

онъ тоже отстаетъ съ тѣхъ поръ, что хвораетъ. Онъ даже курить теперь...

Мы продолжали усердно разбирать груды писемъ. Но вотъ Татьяна Львовна начинаетъ улыбаться. Что такое? Дочитавъ чье-то длинное письмо, она показываетъ двоюроднымъ сестрамъ послѣднюю страницу. Онѣ читаютъ съ улыбкой и поглядываютъ на Марью Львовну, которая вскакиваетъ съ мѣста, говоря:

— Что такое? Что тамъ? Дайте, покажите!..

— Послѣ, послѣ,—говоритъ Татьяна Львовна, желая ее помучить, и протягиваетъ письмо сначала мнѣ. Это письмо перваго жениха Марьи Львовны къ Льву Николаевичу. Рисуя картину своего будущаго семейнаго счастья съ Машей въ крестьянской избѣ, онъ заканчивалъ словами:

«Ребятишки наши будутъ играть на порогѣ, а ты, старый дѣдушка, будешь лежать на печи».

Марья Львовна не хочетъ вѣрить, чтобъ онъ могъ писать что-нибудь подобное, и говорить:

— Онъ это писалъ? Да не можетъ быть! Покажите! Покажите!

Кузины произносятъ только: «наши ребятишки... на порогѣ... ребятишки»... и покатываются.

По звонку къ завтраку мы идемъ въ другой домъ. Левъ Николаевичъ встрѣчаетъ меня словами:

— Ну что, живы? Очень устали? Лева сказалъ мнѣ, какъ вы пришли. Да нѣтъ, у васъ всеѣмъ здоровый, бодрый видъ.

За столомъ меня спрашиваютъ о полтавскихъ темныхъ: В., Ф. и Д. Оказывается, что Левъ Николаевичъ уже освѣдомленъ обо всемъ, касающемся этихъ лицъ, и я не могу сообщить ничего новаго.

— А вы знаете, гдѣ первая жена В.?—спрашиваетъ меня Левъ Николаевичъ.

— Знаю, въ Шлиссельбургской крѣпости.

Меня спрашиваютъ о его второй женѣ: какая она?

— Я ее не видѣла, по, говорятъ, милая, очень красивая, интересная женщина и его любить. Но она не сочувствуетъ толстовству мужа и терпѣть не можетъ Клопскаго, который у нихъ живетъ, не отходить отъ В., наставляетъ его въ толстовствѣ и говорить ему о его женѣ:

— Какая это жена? Разъ она вамъ не сочувствуетъ, она вамъ и не жена. Вотъ К—я васъ любить, вамъ сочувствуетъ, эта вамъ настоящая жена.

Графиня пристально и многозначительно взглядываетъ на меня, но ничего не говорить, а Левъ Николаевичъ замѣчаетъ:

— Очень жаль, что В. смущаетъ дѣвушку.— (Левъ Николаевичъ уже слышалъ объ этомъ, и это его огорчаетъ).—Ну, а Ф—ъ?

— У Ф—а я была. Онъ живетъ въ простой хатѣ съ женой и дѣтьми, столярничаетъ и довольно популяренъ въ Полтавѣ.

Марья Львовна рассказываетъ, что, когда она была еще дѣвочкой, Ф—ъ представлялся ей ге-

роемъ, идеаломъ. Какъ-то вечеромъ его попросили читать вслухъ. Онъ началъ читать и упалъ въ обморокъ. Оказалось, что онъ съ утра еще не ѣлъ. Это произвело сильное впечатлѣніе на Марью Львовну.

Отъ полтавскихъ толстовцевъ я впервые слышала и о тюремномъ священникѣ Гапопѣ, сочувствующемъ толстовству. Всѣ полтавскіе темные были съ нимъ знакомы.

Послѣ завтрака мы всѣ сѣли за общую работу, въ которой принималъ участіе даже и Левъ Николаевичъ: разбирали козью шерсть для какой-то работы Татьяны Львовны. Не помню, о чемъ говорили. За этой работой засталъ насъ Чертковъ, проводившій все лѣто неподалеку отъ Льва Николаевича. Онъ подсѣлъ къ намъ, но не работалъ, а ждалъ, когда освободится Левъ Николаевичъ.

Я видѣла Черткова въ первый разъ, но мы уже обмѣнялись съ нимъ письмами по издательскому дѣлу. Помню, что первое письмо его начиналось словами: «Мой другъ Левъ Николаевичъ»...

Другъ Льва Николаевича былъ въ то время необыкновенно красивъ, высокъ и строенъ. Я подумала, что въ военной формѣ, въ каскѣ, на лошади это былъ бы идеальный кавалергардъ. Но онъ былъ одѣтъ рабочимъ, что совсѣмъ не шла къ его сытой, крѣпкой фигурѣ. Льву Николаевичу его блуза такъ шла, что трудно было представить его въ чемъ-нибудь другомъ, а на Чертковѣ она казалась чужимъ платьемъ.

Когда Чертковъ увелъ отъ насъ Льва Николаевича, я спросила:

— Что же онъ съ нами не поработать?

Татьяна Андреевна сказала:

— Онъ никогда не работаетъ. Помните, когда осенью картошку копали... Онъ стоитъ, смотреть. Всѣ его зовутъ: Владимиръ Григорьевичъ, идите копать.— Не умѣю, говорить.

Графиня сказала, что онъ у нихъ почти каждый день обѣдаетъ, а жену, къ сожалѣнію, не приводитъ. Потомъ, понизивъ голосъ, она прибавила:

— Вы вотъ о Клопскомъ говорили, что онъ Волькенштейну о его женѣ дурно говорить. А вы знаете, что Чертковъ говорить? Онъ говорить Льву Николаевичу: «Какъ это я такой недостойный человѣкъ, и у меня такая прекрасная жена. А вы—великій человѣкъ, и у васъ такая скверная жена».

— Не думаю, чтобъ онъ это говорилъ,—сказала я.— Кто же могъ сказать вамъ это?

— Кто? Самъ Левъ Николаевичъ. Какъ же мнѣ послѣ этого любить Черткова?

За столомъ тонъ былъ болѣе великосвѣтскій, чѣмъ всегда у Толстыхъ. Татьяна Андреевна и Чертковъ безсознательно вносили что-то mond'sкое и петербургское. Говорили о Фигнерахъ, о томъ, что они пріѣхали въ свое имѣніе и, вѣроятно, будутъ въ Ясной. Чертковъ сказалъ:

— Пожалуйста, дайте мнѣ знать, если они къ вамъ пріѣдутъ. Я очень хочу ихъ «послушать».

Левъ Николаевичъ относился къ Черткову такъ же дружески и довѣрчиво, какъ и къ старому Ге. Но въ отношеніи къ нему этихъ двухъ друзей

была большая разница. Въ Чертковѣ не было и тѣни той трогательной и смиренной преданности, которая бросалась въ глаза въ старомъ художникѣ. Владимиръ Григорьевичъ сидѣлъ подлѣ Льва Николаевича съ видомъ самоувѣреннаго строгаго ментора, готоваго остановить и поправить своего друга, если онъ скажетъ что-нибудь несогласное съ *изъ* ученіемъ.

Ге, счастливый своей дружбой съ великимъ человѣкомъ, всегда говорилъ: *его* ученіе, *его* взгляды, *его* толкованіе... Чертковъ говорилъ *наше* ученіе, *наши* взгляды... И онъ такъ злоупотреблялъ этимъ *мы*, что невольно вспоминалось: мы пахали... (хотя уже пахать-то пахалъ одинъ Левъ Николаевичъ, а Владимиръ Григорьевичъ только приговаривалъ: не умѣю)...

Послѣ обѣда подали дроги, и я поѣхала съ четырьмя дѣвицами въ Овсянниково знакомиться съ Марьей Александровной Шмидтъ. Мы застали милѣйшую старушку работающей на огородѣ. Повязанная отъ солнца ситцевымъ платочкомъ, она копалась, согнувшись въ три погибели, на своей грядкѣ. Услыхавъ фырканье подѣхавшихъ лошадей, она выпрямилась и побѣжала намъ навстрѣчу въ высокихъ мужскихъ сапогахъ и жиденькой, прозрачной юбчонкѣ, за которую ей попало отъ Татьяны Львовны.

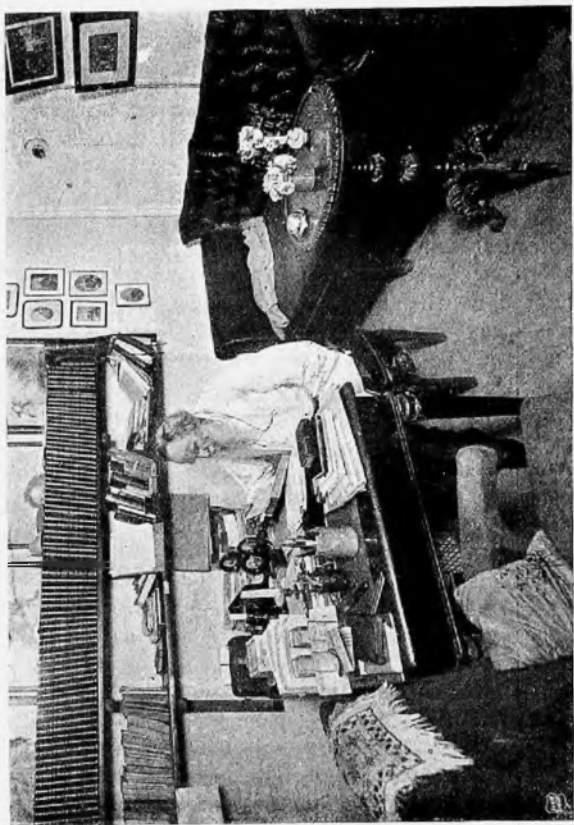
— Такъ удобнѣе,—оправдывалась старушка.

— Не годится, милая Марья Александровна,—строго говорила Татьяна Львовна:—непристойно, непристойно. Подите, надѣньте приличную юбку.

Марья Львовна сейчас же пошла ставить самоваръ, потомъ стала накрывать на столъ. Когда меня назвали, Марья Александровна всплеснула руками и вскрикнула: «Ахъ, я убѣгу, я убѣгу!..» Она страшно боялась, что я ее опишу. Кто-то сказалъ ей, что я уже разспрашивала о ней для этой цѣли. И я должна была чуть не клясться, что этого не сдѣлаю. Въ концѣ концовъ она смиловилась и показала мнѣ свой огородъ, послѣ чего мы пошли въ комнату и принялись мирно чаевничать, бесѣдуя о папа и о «Царствѣ Божіемъ внутри насъ».

Мы очень пріятно провели время у добрѣйшей старушки, но на обратномъ пути насъ прихватилъ сильнѣйшій ливень. У Толстыхъ были съ собой дождевики, а у меня ничего не было. И я настолько вымокла, что должна была переоблачиться въ одежды Марьи Львовны, пока все мое просушивалось на кухнѣ.

На слѣдующее утро дѣвочки Толстыя уѣхали. Послѣ завтрака Татьяна Львовна пошла въ свою мастерскую писать свой собственный портретъ съ помощью зеркала. А Марья Львовна пригласила меня соупотствовать ей въ ея обходѣ больныхъ. Захвативъ лѣкарства, мы отправились въ деревню и стали переходить изъ одной избы въ другую. Серьезно больныхъ было только три младенца; остальные страдали лихорадкой, ревматизмомъ, старческимъ нашлаемъ. Марья Львовна была очень мила въ своей роли докторицы. Мужики и бабы, старики и дѣти, всѣ относились къ ней просто

Л. Н. Толстой въ своемъ кабинетѣ за работой въ Москвѣ, въ Хамовникахъ.

и дружелюбно, безъ тѣни подобострастья или заискиванья. Въ двухъ-трехъ избахъ она познакомила меня съ бывшими учениками яснополянской школы, уже бородаатыми главами семействъ. Они охотно вспоминали объ этой школѣ и говорили: «Да, насъ хорошо учили. Насъ вѣдь всему учили—и географіи!»

Во всѣхъ избахъ были иконы и лампадки. Какъ ни проста была обстановка яснополянскаго дома, по по сравненію съ жилищами крестьянъ, конечно, она была барской и болѣе напоминающей о жизни богачей, чѣмъ о жизни Лазарей. И, видя эту смиренную и такъ любимую мною естественную обстановку крестьянскихъ избъ, я думала: «Какъ жаль, какъ жаль, что графиня такъ крѣпко держится за дорогое ей, ею свитое гнѣздо! Отчего бы ей, въ самомъ дѣлѣ, не перейти съ Львомъ Николаевичемъ въ простую избу, какъ ему хочется. Для ихъ отношеній это, несомнѣнно, было бы хорошо; и къ тому же они подали бы примѣръ добровольнаго перехода съ пути богачей на путь Лазарей. Вѣдь пока богачи не сдѣлаютъ этого добровольно, ничто въ жизни человѣчества не измѣнится, какіе бы вороха бумаги не исписывались и какія бы красныя слова ни говорились». Марья Львовна совершенно раздѣляла мое мнѣніе. Мы обѣ думали, что богатство—болото грязное, затягивающее болото, и что жизнь жаворонка въ полѣ куда милѣе жизни попугая въ золоченой клѣткѣ. На обратномъ пути изъ деревни мы зашли къ Агаѣѣ Михайловнѣ. Старушка

еще постарѣла за годъ, но была особенно въ ударѣ разсказывать о старинѣ. И, заслушавшись ея, мы опоздали къ обѣду.

Чертковъ опять обѣдалъ, но совсѣмъ не помню, о чемъ говорили. Послѣ обѣда я сидѣла у Марьи Львовны, и она мнѣ диктовала «Катехизисъ». Онъ все еще не былъ копченъ и, помня наше рѣшеніе не говорить о религіи до ея окончанія, мы откладывали эти разговоры на будущее время. Я писала, Марья Львовна мнѣ диктовала, а въ сосѣдней комнатѣ, тамъ, гдѣ я почевала, Левъ Львовичъ игралъ на рояли Шопена и Шумана. Неожиданно Левъ Николаевичъ и Чертковъ вошли къ намъ. Они искали фотографію съ послѣдней картины Ге. Фотографія нашлась въ комнатѣ Татьяны Львовны. Тогда Левъ Николаевичъ предложилъ намъ пройти въ мастерскую Татьяны Львовны посмотреть ея работу. Полюбовавшись ея произведеніемъ, мы всѣ вышли въ садъ. Левъ Николаевичъ сказалъ: «Я хочу съ Л. И. поговорить по секрету». Дочери и Чертковъ отстали, а мы стали ходить взадъ и впередъ по прямой дорожкѣ отъ одного дома къ другому. Онъ сталъ говорить мнѣ свое мнѣніе о «Зарницахъ», сказалъ, что больше всего восхитился Матреной, что къ описаніямъ дѣвической любви онъ былъ довольно равнодушенъ, но когда дошло до Матрены, онъ остался очень доволенъ. Потомъ онъ сказалъ, что тѣ мѣста, гдѣ я касаюсь серьезныхъ жизненныхъ вопросовъ слегка, между описаніями Паяжа, не умѣстны, что такіе вопросы надо или

разрабатывать до самой глубины, или представлять ихъ въ художественной формѣ. Онъ прибавилъ, что говорить это для того, чтобъ быть строгимъ, а что вообще прекрасно: тонъ благородный и очень хороши картины и описанія.

Я сказала, что писала очень наскоро. Бывало, что у меня еще ничего иѣтъ, а редакціонный мужикъ изъ «Сѣвернаго Вѣстника» сидитъ уже въ передней на ларѣ и говорить, что не уйдетъ, пока я не дамъ продолженія. Оттого и вышла такая канитель.

Онъ сказалъ: «Не давайте такъ торопить себя». Затѣмъ сказалъ еще, что я должна быть увѣрениѣ въ себѣ и итти впередъ не въ смыслѣ внѣшней отдѣлки, а развиваться въ глубину. Талантъ дается не для щегольства, не для забавы. Надо смотрѣть, какъ въ колодезь, *въ глубину* жизни. Безъ этого нельзя писать. Писать надо какъ можно больше, печатать какъ можно меньше. Для того, чтобъ пошла чистая вода, надо, чтобы осѣлъ весь осадокъ.

Я сказала Льву Николаевичу, что мой идеалъ писать совсѣмъ маленькіе рассказы христіанскаго духа, въ такомъ родѣ, какъ его «Два старика» и другіе. Но не уйдешь вѣдь отъ впечатлѣній своей повседневной жизни; а пока ихъ не свалишь въ какой-нибудь рассказъ, нельзя еще писать того, что сердце проситъ.

Такъ мы бесѣдовали, и Левъ Николаевичъ говорилъ еще много хорошаго о призваніи писателя, о жертвахъ, которыхъ оно требуетъ, о томъ, какъ

личныя качества и недостатки сказываются въ его писаніяхъ и т. д. Не записавъ въ свое время его точныхъ словъ, боюсь перевернуть ихъ. Въмѣстѣ съ поджидавшими насъ дочерьми и Чертковымъ мы прошли изъ сада въ комнату Марьи Львовны, гдѣ къ намъ присоединился и Левъ Львовичъ. Здѣсь мы говорили о Ге, котораго всѣ въ семьѣ, очевидно, любили и часто вспоминали; потомъ говорили о томъ, что въ христіанскомъ ученіи важно не то, что оно *Христово* или *христіанское*, а то, что это есть ученіе истины. Главное требованіе христіанства исповѣдывать истину и *не лгать*, главная цѣль его—вызывать въ себѣ Бога, который хочетъ блага всѣмъ.

Ваничка пришелъ звать насъ къ чаю и пригласилъ мнѣ букетикъ ландышей изъ своего лѣса. Когда я вошла съ нимъ въ столовую, графиня сидѣла тамъ одна у самовара. Она стала говорить объ ихъ прежней жизни, о сосѣдяхъ, о знакомствѣ съ Фетомъ. Потомъ она сказала, что Левъ Николаевичъ никогда не измѣнялъ ей. Да, съ тѣхъ поръ, что онъ на ней женился, онъ не увлекался ни одной женщиной. Опъ ее любилъ, но онъ женился на пей не потому, что полюбилъ ее, а потому, что замѣтилъ, что опоздалъ жениться.

Левъ Львовичъ подошелъ къ намъ и спросилъ, о чемъ мы говоримъ.

— О любви,—сказала графиня.

Опъ пренебрежительно махнулъ рукой, какъ бы говоря: можно же говорить о такомъ вздорѣ!

Понемножку собралась вся семья. Чертковъ ушелъ домой.

Детра показала намъ въ окно новый мѣсяцъ и увела дѣтей спать. Платье мое высушили, и я съ утра уже одѣлась во все свое, кромѣ чулокъ, которыхъ не хотѣла возвращать не вымытыми. Я обѣщала Марьѣ Львовнѣ переслать ихъ съ кѣмъ-нибудь и вскорѣ по возвращеніи домой вручила ихъ въ чистомъ конвертѣ Н. Н. Страхову, собиравшемуся въ Ясную Поляну. Нащупавъ мягкое содержимое конверта, онъ спросилъ: «Это рукодѣліе?» Я утвердительно мотнула головой, и онъ бережно доставилъ рукодѣліе по назначенію.

Послѣ чаю мы долго сидѣли всѣ вмѣстѣ на угольномъ диванѣ; затѣмъ Марья Львовна проводила меня на станцію. Когда она уѣхала, было уже очень поздно. Я оставила свой чемоданъ сторожу, спустилась съ платформы и отошла въ сторону отъ маленькой станціи. Меня манила таинственная тишина поля. Въ небѣ ярко блестѣлъ тонкій серпъ молодого мѣсяца. Я долго стояла недвижно, прислушиваясь къ свисту коростелей и другимъ нѣжнымъ звукамъ весенней ночи. Видимый міръ былъ чудно хорошъ, и я чувствовала, что я радостно и полно живу. Я чувствовала особенно живо, до чего хорошо жить, любить, молиться и страдать въ этомъ чудномъ, свѣтломъ мірѣ, полномъ поэзіи и неисчерпаемой красоты!.. Буду ли я жива, умру ли, увижу ли еще Толстыхъ, нѣтъ ли, но я уже видѣла ихъ. И это много. И это счастье. Я была у нихъ, я

любила ихъ всѣхъ, всѣхъ... Всей душой любила!

Подошелъ поѣздъ. Я взбѣжала на платформу къ ожидавшему меня сторожу и сѣла въ вагонъ второго класса, въ которомъ я была совсѣмъ одна. Никто не мѣшалъ мнѣ думать о Толстыхъ. Раздались рѣзкіе, точно дьявольскіе звуки свистковъ и звонковъ, и вагонъ загрохоталъ и понесся за локомотивомъ. А за окномъ былъ все тотъ же мѣсяцъ, то же поле, та же чудная ночь. Я не закрывала окна и подъ грубую стукотню вагона уснула на моемъ пыльномъ диванѣ въ чулкахъ Марьи Львовны и съ ландышами Ванички у пояса.

15-го іюня 1894 г. Письмо Марьи Львовны.

«Дорогая Л. И. Смерть дѣдушки (Н. Н. Ге) ужасно поразила насъ всѣхъ, и я до сихъ поръ не могу привыкнуть къ тому, что его уже нѣтъ съ нами. Для меня онъ есть, и я чувствую его и люблю еще болѣе, чѣмъ когда-либо, и его любовь ко мнѣ я также ощущаю, но уже проявленій ея не вижу никогда, и это мнѣ ужасно больно. Милый дѣдушка! Вѣдь онъ былъ мнѣ ближе всѣхъ моихъ друзей. Я всегда себя представляла, что когда отца не будетъ, я уйду къ нему, онъ еще останется, и я знаю, что онъ принялъ бы меня и любилъ. Богъ есть любовь, а у любви нѣтъ смерти, это мнѣ очень ярко представилось именно теперь.

«Знаемъ мы о его смерти вотъ что: онъ былъ въ Кіевѣ, заѣхалъ къ сыну Петру въ Нѣжинъ, былъ

здоровъ и весель, и поѣхалъ домой на хуторъ. Приѣхавши, вылѣзъ изъ телѣжки и понесъ мѣшокъ, но сталъ потѣть и еле шелъ. Вышелъ Количка, взялъ у него мѣшокъ и понесъ въ домъ. Онъ замѣтилъ, что дѣдушка блѣденъ и очень трудно идетъ и дышитъ. Они вошли въ домъ, дѣдушка сейчасъ же сѣлъ и сказалъ, что ему дурно. Количка хотѣлъ зажечь свѣчу, но дѣдушка не велѣлъ. Количка отвелъ его на постель и побѣжалъ посылать за докторомъ. Съ дѣдушкой осталась Попова, жившая у нихъ. Пока Количка убѣгалъ, дѣдушка сталъ кричать ужасно громко: у-у-у!.. Когда Количка вернулся, онъ уже смолкъ и очень сознательно смотрѣлъ съ одного на другого, но задыхался и уже ничего не говорилъ. Такъ онъ и умеръ черезъ нѣсколько минутъ. Удивительная смерть и такая неожиданная. Мнѣ всегда казалось, что ему такъ много еще надо здѣсь сдѣлать, такъ много передать людямъ того, что никто, кромѣ него, не можетъ сдѣлать. Значить, такъ надо было, воля Бога.

«Простите за глупое письмо, но путаница какая-то въ душѣ и загроможденіе, но мнѣ хорошо. Крѣпко цѣлую и люблю васъ. (2-й младенецъ умеръ вчера. 1-й живъ).
«Марія Толстая».

21-го іюня 1894 г. я получила письмо отъ Саши и Ванички съ припиской Марьи Львовны: «Саша благодарить васъ за конфеты, а на насъ онѣ навели ужасъ, и мы жалѣли, что вы прислали ихъ, потому что они, конечно, объѣлись, какъ слѣдуетъ

на рожденье. Миѣ живется хорошо, серьезно и одиноко. Паскаль говоритъ:

«Il faut vivre seul et mourir seul». Я думаю, что иначе и нельзя, все-таки всегда будешь одиноком. Папа теперь далъ себѣ отдыхъ и ничего не пишетъ: ходить косить и пилить. У папъ живетъ Николай Николаевичъ Страховъ и очень всѣмъ намъ пріятенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ дѣдушка, мнѣ хочется всѣхъ любить, со всѣми быть въ любовныхъ отношеніяхъ для того, чтобы смерть не могла отнять у меня самого дорогого и важнаго—любви.

«Ваничка опять боленъ, бѣдненькій: у него было нѣсколько нарывовъ на ногахъ, потомъ расстройство желудка, а теперь безпричинный жаръ. Ужасно онъ жалкенькій и мнѣ страшно за него.

«Прощайте, милая Л. И. Пишите о себя.
Люблю васъ. «Марія Толстая».

3-го сентября 94 г. Письмо Марьи Львовны.

«Милый другъ Л. И. Не отвѣчала на ваше письмо, потому что все это время перемѣщаюсь изъ Яспой въ Москву и обратно. Сейчас я опять съ Левою въ Москвѣ, думаю завтра быть съ папа въ Яспой, такъ какъ мама пріѣзжаетъ меня замѣнить. Живу съ Левою второй разъ здѣсь педѣли на двѣ, и мы очень хорошо ладимъ съ нимъ. Теперь съ нами живетъ Маня Рачинская и пріѣхали мальчики учиться. Съ ними мнѣ веселѣе, по Лева жалѣетъ о нашей одинокой тихой жизни. Теперь Москва наполняется, и по-

тому каждый вечеръ у меня пропасть народу. Я рада, но боюсь, что это мѣшаетъ Левѣ. Папа пишетъ намъ рѣдкія, но превосходныя письма. «Катехизисъ» тихо двигается. Любовь Яковлевна ¹⁾, кажется, ничего не высидѣла въ Ясной. Перевожу Henry Georg'a Social Problems.

«Трудно, но интересно, не подлежить печатанію по цензурной причинѣ. Читаю постоянно «книжечку», какъ дѣдушка называлъ Евангеліе, и черпаю изъ нея все новое и новое, точно въ первый разъ читаешь. Какой это источникъ вѣчный, неисчерпаемый.

«Быль у насъ интересный малый, словакъ изъ Венгріи—темный. Приѣзжалъ нарочно въ Ясную на недѣлю, чтобы видѣть и узнать папа. Интересуется не блузой, а самыми важными, существенными вопросами. Рассказывалъ о религіозномъ движеніи у нихъ въ народѣ. Между прочимъ о 150-ти отказахъ отъ военной службы. Отказавшихся заключаютъ въ тюрьмы и ссылаютъ еще гораздо строже, чѣмъ у насъ, то есть не только на тѣ годы, которые отказавшійся долженъ былъ бы прослужить, но и всѣ тѣ годы, которые онъ считается въ запасѣ, то есть 12 лѣтъ. Самая близкая намъ по духу секта тамъ—это назарены. Ихъ убѣжденія почти совсѣмъ сходны съ папашиними. Какъ радостно, что вездѣ эти искры разгораются, а то, что ихъ стараются потушить,—при-

¹⁾ Л. Я. Гуревичъ, тогдашняя издательница «Увернаго Вѣстника».

знакъ того, что огонь настоящій. Этотъ нашъ словакъ молодой человѣкъ, кончившій курсъ на медицинскомъ факультетѣ въ Прагѣ. Очень искренній, хорошій малый. Папа былъ очень заинтересованъ имъ и много съ нимъ бесѣдовалъ.

«Ну, прощайте, Л. И. Когда же мы увидимся съ вами? Спасибо за совѣтъ не зазѣвывать. Какъ это вѣрно и какъ важно это помнить.

«Любящая васъ Маша Толстая».

22-го октября 94 г. Письмо Татьяны Львовны.

«Дорогая Л. И. Я хотѣла рассказать вамъ про нашъ журналъ и про то, что пишетъ теперь папа. О журналѣ напишу, а о книгѣ папа пачала было писать и даже дѣлала выписки, но потомъ раздумала. 1) Мнѣ стало непріятно дѣлать эту indiscretion по отношенію къ папа, 2) боялась испортить вамъ эту вещь, 3) она еще не готова, и 4) можетъ быть, вамъ интереснѣе другія мѣста, чѣмъ мнѣ. Ни одна вещь папа мнѣ такъ не помогала думать, какъ эта, и не давала такихъ ясныхъ и несомнѣнныхъ отвѣтовъ. Поэтому мнѣ такъ хочется, чтобы побольше людей ее прочли. Еще до конца далеко, и у папа силъ все меньше и меньше, и поэтому заразъ онъ работаетъ по очень малу. Журналъ нашъ или *архивъ*, какъ папа велѣлъ его называть, будетъ состоятъ изъ статей (русскихъ и преимущественно переводныхъ), которыя не могутъ быть напечатаны, но которыя почему-нибудь интересны, и изъ интересныхъ писемъ. Мысль

эта возникла у насъ потому, что папа, Чертковъ и еще разные наши друзья получаютъ пропасть интересныхъ и важныхъ писемъ и статей, и, прочитанныя двумя-тремя лицами, онѣ такъ и затериваются. Теперь весь матеріалъ будетъ сдаваться одному лицу, который будетъ его разбирать, группировать и выпускать нумера архива. Странно, какъ бы такое безобидное дѣло не вызвало гоненій и преслѣдованій, но, я думаю, пугаться этого не слѣдуетъ. Если вамъ или Любовь Яковлевнѣ попадется что-нибудь подходящее, пришлите намъ.—Мы живемъ въ Ясной: папа, Маша и я. Мнѣ это время грустно и одиноко. Все не умѣю жить безъ привязанности людей и когда случается, что нужно ея лишиться, я ропщу и тоскую, и стараюсь новой дружбой замѣнить потерянную. Бываютъ рѣдкія минуты, когда я настолько чувствую единеніе съ Богомъ, что отношенія людей ко мнѣ мнѣ не важны, а я принимаю ихъ любовь, какъ лишнюю незаслуженную радость, а нелюбовь за указаніе своихъ ошибокъ, но чаще бываетъ, что вся моя жизнь зависитъ отъ этого.

«Маша цѣлуетъ васъ и огорчается, что давно не получала отъ васъ писемъ. Папа вамъ кланяется. Не занесстъ ли васъ судьба въ Москву? Это было бы большой радостью для всѣхъ насъ. Цѣлуетъ васъ нѣжно. Татьяна Толстая».

Въ декабрѣ 1894 г., не списавшись съ Толстыми, я поѣхала къ нимъ въ Москву. Оказалось, что Левъ Николасвичъ съ Татьяной Львовной го-

стоять въ деревнѣ у Олсуфьевыхъ. Графиня очень жалѣла, что я проѣхалась даромъ, какъ она скромно говорила, но тѣмъ ласковѣй и радушнѣй она меня принимала. Марья Львовна уговорила меня перебраться изъ гостиницы къ нимъ, благо комната Татьяны Львовны пустовала. Впрочемъ, помнится, мы спали, кажется, въ одной комнатѣ и долго бесѣдовали по вечерамъ и о смыслѣ жизни, и о долгѣ, и о своихъ личныхъ чувствахъ. Въ прошломъ у Марьи Львовны былъ герой, по имени Петръ, а у меня въ прошломъ былъ герой, по имени Павелъ; я рассказывала ей о Павлѣ, а она мнѣ—о Петрѣ, и мы сами, шутя, называли это нашими петропавловскими бесѣдами. Марья Львовна водила меня въ «Посредникъ», знакомила съ темными и цѣлыми днями говорила мнѣ объ отцѣ. Дочери никогда ничего не скрывали отъ него, и онъ всегда зналъ объ ихъ увлеченіяхъ. Какъ-то Марья Львовна должна была ѣхать на вечеръ, гдѣ послѣ долгаго промежутка времени могла встрѣтить знаменитаго Петра. Левъ Николаевичъ не ложился спать и ждалъ ея возвращенія, чтобы узнать, какъ она перенесла эту встрѣчу. Марья Львовна помнила, что, когда она была дѣвочкой, они всѣ вмѣстѣ ходили въ церковь, ѣздили на кладбище и вмѣстѣ молились. Теперь они вмѣстѣ не молятся; каждый молится про себя. Марья Львовна не сомнѣвалась въ томъ, что отецъ отошелъ отъ церкви только потому, что увидѣлъ ея неправду. Она говорила: «Онъ пришелъ къ этому». И она такъ говорила это, что мнѣ было

ясно, что, куда бы, къ чему бы онъ ни пришелъ, ея любовь поидетъ за нимъ всюду, безъ колебаній и размышлений.

Она давала мнѣ читать его рукописи. Я прочла «О. Сергія». Въ 94 г. разсказъ этотъ кончался тѣмъ, что убивъ дѣвушку, о. Сергій сказалъ: «Нѣтъ Бога!..»

Мнѣ разсказъ не поправился и показался тенденціознымъ и выдуманымъ. Я сказала это Марьѣ Львовиѣ. Она кротко замѣтила:

— Однако, говорятъ, въ Москвѣ былъ такой случай съ архіереемъ.

— Ну, такъ и разсказывалъ бы Левъ Николаевичъ *объ архіерее*... А зачѣмъ же старецъ?..

Графиня была очень добра, равна и мила. Ее удручала только болѣзнь Льва Львовича, который жилъ теперь въ самомъ домѣ, гдѣ ему отвели двѣ прекрасныя комнаты. Онъ курилъ, посылъ европейское платье и былъ мрачно настроенъ, говорилъ о самоубійствѣ или о своей неизлечимости и большей частью лежалъ на диванахъ. Ваничка тоже похварывалъ то желудкомъ, то лихорадкой. Графиня переводила заботливый любящій взглядъ съ одного на другого, съ тревогой слѣдила за ними и усердно ихъ подкармливала. Безъ Льва Николаевича *темные* не показывались, и графинѣ не на кого было ворчать. Въ этотъ пріѣздъ я не слыхала отъ нея ни одного слова осужденія толстовцевъ. Разъ только, ужъ не помню, по какому поводу, она добродушно вымолвила:

— Ну, да вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ у насъ всѣ святыми стали, тутъ такія сплетни пошли...

Въ отсутствіе Льва Николаевича и Татьяны Львовны было еще замѣтиѣ, до какой степени ихъ любили всѣ въ семьѣ. Ихъ поминутно вспоминали, поминутно говорили: «Надо будетъ разсказать папа, надо написать Танѣ». Когда приходили ихъ письма, ихъ читали вслухъ по нѣскольку разъ, снова перечитывали ихъ для вновь прибывающихъ. И Левъ Николаевичъ писалъ такія хорошія, простыя и ласковыя письма добраго семьянина.

Маленькій Ваничка давно уже смотрѣлъ на меня, какъ на свою собственность. Марксъ прислалъ ему въ подарокъ роскошное изданіе сказокъ Гримма, и Ваничка очень увлекался этими сказками.

— Читайте, читайте,—твердилъ онъ, дѣлая несчастное лицо, если кто-нибудь прерывалъ чтеніе.

Наканунѣ моего отъѣзда онъ слегъ, ослабѣвъ отъ лихорадки. Я все утро сидѣла у его постели, вырѣзала и наклеивала ему картинки. Онъ сказалъ мнѣ, что слыхалъ отъ няни, будто всѣ дѣти, умирающія до семи лѣтъ, прямо дѣлаются ангелами. Сообщивъ мнѣ объ этомъ, онъ прибавилъ озабоченно:

— А мнѣ-то вѣдь скоро ужъ и восемь!

Я сказала ему, что бережно храню его ландыши.

Онъ спросилъ:

— А въ чемъ вы ихъ держите?

— Въ книгѣ, въ библіи.

Я ушла съ Марьей Львовной въ «Посредникъ», а когда вернулась къ Ваничкѣ, онъ поднесъ мнѣ сюрпризъ: маленькій розовый майоликовый кувшинчикъ и карточку, на которой онъ собственно ручно написалъ:

«Ваня дарить для первыхъ весеннихъ цвѣтовъ на память милой Л. И—виѣ. 3-го января 95 г.».

Не дождавшись Льва Николаевича, я уѣхала домой.

25-го января 1895 г. Письмо Марьи Львовны:

«Дорогая Л. И., пишу сама, а не переписываю съ Пошинаго (Павла Ивановича Бирюкова), брульона,—совсѣмъ сама. Сказка о звѣряхъ совсѣмъ не папашина, а неизвѣстно чья. Мы давно уже слышимъ объ этомъ, и ничего не понимаемъ, не понимаемъ даже, откуда могло пойти это.»

«У насъ Ваничка все хвораетъ. До сихъ поръ лихорадка и такая сильная и упорная, что ничему не поддается. Вотъ уже 18 дней жаръ. Мама очень о немъ тревожится, и дѣйствительно онъ, бѣдненькій, ужасно исхудалъ. Папа съ Таней вернулись веселые, отдохнувшіе и поздоровѣвшіе. Я ужасно за папа рада. Я, конечно, къ нимъ не ѣдила, нельзя было мама оставлять. Папа все еще поправляетъ свою «Метель», теперь уже въ корректурахъ. Она очень еще выросла съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ къ Олсуфьевымъ. Пишетъ тоже катехизисъ, и я ловлю себя на томъ, что мнѣ досадно, что не художественное. Мнѣ ужасно нравится,

что вы собираете матеріалы о благотворительности. У насъ весь московскій свѣтъ увлеченъ ею. Дѣвицы дѣлають спектакли въ пользу бѣдныхъ, собираются, чтобы раскрасить афиши, и ѣздятъ въ санихъ парой съ лаксемъ на запяткахъ осматривать свои участки. Можетъ быть, это хорошо, потому что, я думаю, имъ не можетъ не стать стыдно передъ тѣми, кого они благодѣтельствуютъ. На дняхъ съ нашей Зотовой, о которой я вамъ рассказывала, была исторія очень характерная. Благотворители привели къ ней оборванную старуху съ улицы и велѣли ей жить у Зотовой и помогать ей при дѣтяхъ. За это Зотова будетъ ее кормить, а они будутъ давать Зотовой два двугривенныхъ. Вышло то, что, конечно, и должно было случиться. Онѣ обѣ перессорились, старуха оказалась ни къ чему неспособной, Зотова боялась ей довѣрять дѣтей, и черезъ три дня онѣ уже умоляли все у нихъ отнять и освободить ихъ другъ отъ друга. Вчера въ «Посредникѣ» было засѣданіе, въ которомъ Клопскій защищался противъ обвиненій въ томъ, что онъ агентъ тайной полиціи. Миѣ жаль его, я понимаю, какъ ему должно быть тяжело общее отчужденіе и одиночество. Его и такъ никто не любитъ. Но это засѣданіе, конечно, ни къ чему, и ничѣмъ не поможетъ ему. Пока прощайте, милый другъ Л. И., цѣлую васъ и очень, очень люблю. Таня васъ цѣлуетъ. Лева проситъ писать ему. Вы пишете, что можете молиться за него, а я этого не понимаю. Я могу молиться только за себя или чтобы Богъ помогъ миѣ

помочь ему. Какъ мнѣ много еще хочется понять въ васъ, и меня беспокоитъ, что я не до конца понимаю васъ, что есть сторона мнѣ непонятная.

«Любящая васъ М. Т.

24-го февраля 1895 г.

«Дорогая Л. И., вчера вечеромъ умеръ нашъ Ванчикъ отъ скарлатины. Болѣлъ только два дня. Была очень злокачественная скарлатина съ осложненіемъ желудочнымъ: Вы понимаете, какое это для насъ всѣхъ горе, а главное для мама. Такое неожиданное страшное горе. Этотъ милый, дорогой намъ всѣмъ, чуткій, особенный мальчикъ. Я не знаю просто, какъ мама перенесетъ это, вѣдь ея жизнь была вся въ немъ. Помогли ей Богъ справиться съ этимъ и намъ помочь ей. Пана тоже плачетъ ужасно. Я знаю, какъ вы поймете наше горе и пожалѣете насъ. Простите, я не могу ничего писать. Цѣлую васъ, дорогая. Вы тоже любили его.

«Марія Толстая».

23-го февраля не стало Ваньки, а за два дня до него скончался и мой старикъ-сосѣдъ Н. С. Лѣсковъ. Въ то время, какъ онъ умиралъ,—я видѣла его во снѣ. Онъ много говорилъ мнѣ о петербургской жизни, сказалъ, что она не способствуетъ хорошимъ семейнымъ отношеніямъ и прибавилъ: «впрочемъ, мы живемъ не для этого, а для того, чтобъ передавать другъ другу...» Но что передавать?—какъ всегда бываетъ во снѣ, самого интереснаго не разслышала, не поняла и не за-

помнила. Я проснулась, взглянула на часы и опять заснула. И снова вижу Лѣскова. Онъ пока-

Ванюшка, младшій сынъ гр. Л. Н. Толстого,
скончавшійся семи лѣтъ.

зываетъ мнѣ на бѣлую церковь съ золотыми куполами и говоритъ:

— А это и есть настоящее.

И я во снѣ отвѣчаю:

— Я и сама всегда такъ думала.

Тутъ вошла горничная и разбудила меня, говоря, что пришли отъ Лѣскова, спрашиваютъ адресъ Толстыхъ. Лѣсковъ скончался.

На похоронахъ его я простудилась и заболѣла плевритомъ. Я все думала о графинѣ и не могла безъ слезъ вспомнить о ней. Говорили мнѣ, что она заболѣла. Мой отчимъ ослѣпъ. Вездѣ и у всѣхъ было такое грустное настроеніе.

Любя Толстыхъ, я сблизилась и съ толстовцами, изъ которыхъ больше всѣхъ по душѣ мнѣ пришелся добрый и умный Бирюковъ. Онъ, какъ и я, любилъ Льва Николаевича и Марію Львовну, и это насъ сближало. Чертковъ мнѣ меньше нравился, несмотря на свой ореолъ любимого ученика. Всѣ мои знакомые литераторы, между собой несходные и не всегда дружные, также были большими поклонниками Льва Николаевича, интересовались и его работами, и его жизнью и при встрѣчахъ мы непрестанно спрашивали другъ друга:—Ну, что въ Ясной?—Что въ Хамовникахъ?—Страховъ особенно усердно дѣлился со мной всякимъ извѣстіемъ изъ Ясной. Какъ-то я читала его письмо, приложенное къ книгамъ, которыя онъ посылалъ мнѣ.

«Вотъ какія новости. Сегодня былъ у меня Владимиръ Григорьевичъ Чертковъ, *чудеснѣйшій образчикъ человеческой природы*. Онъ цѣлый мѣсяцъ жилъ съ женой въ Москвѣ и рассказываетъ, что Левъ Николаевичъ хоть и похварываетъ, но бодръ и много работаетъ, пишетъ письма съ патріотизмъ, о розгѣ, отвѣчаетъ на запросы, кото-

рые ему шлютъ со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того, принимается и за разное художественное. Особенно его занимаетъ драма: молодой человѣкъ вступаетъ въ свѣтъ, но чувствуетъ такую фальшь и путаницу, что все порываетъ и бросаетъ.—Обѣ дочери здоровы. У нихъ бываютъ молодые гости, которыхъ Левъ Николаевичъ называетъ *сиднями* или *сѣдоками* за то, что долго сидятъ...»

Я читала это письмо, когда позвонили и ко мнѣ вошелъ самъ *чудеснѣйшій образецъ человѣческой природы*. Чертковъ сѣлъ, разсказалъ мнѣ, что жена его все хвораетъ и не можетъ сама пріѣхать ко мнѣ, но желала бы со мной познакомиться. Не могу ли я пріѣхать къ нимъ?—Съ удовольствіемъ.—Поговорили еще о томъ, о семъ. Затѣмъ онъ спрашиваетъ, дѣлая озабоченное лицо:

— А вы не знакомы съ Сибиряковой?

Я только что познакомилась съ ней у Половцовыхъ на лекціи князя Волконскаго. Сибирякова была у меня, и я собиралась отдавать ей визитъ.

— Вотъ какъ кстати,—сказалъ Чертковъ.—А вы не можете попросить у нея денегъ?

Я удивилась. Я знала, что Сибирякову и ея брата обираютъ всѣ, кому не лѣнь. Но не богачу же Черткову обращаться къ ней съ подобными просьбами. Я спросила, для кого ему нужны деньги.

Оказалось, что у него собранъ богатый матеріалъ относительно *гоненій на сектантовъ*. Было бы очень желательно издать его отдѣльной кни-

гой. Но для этого нужны средства. А о Сибиряковой всё говорятъ, какъ о человѣкѣ гуманномъ и отзывчивомъ.

Меня удивляло, что такой богатый сектантъ, какъ Чертковъ, не издастъ на свой счетъ книги, которая ему интересна и близка его сердцу. Мнѣ, конечно, очень не хотѣлось просить денегъ, но, съ другой стороны, не хотѣлось и огорчать отказомъ любимого ученика Льва Николаевича. И, колеблясь, я спросила:

— А сколько же вамъ нужно денегъ?

— Да рублей четырехста.

Я чуть не привскочила и отказалась просить. Не могъ онъ самъ дать 400 рублей.

Позже Чертковъ далъ мнѣ прочесть этотъ матеріалъ. Среди монотонныхъ рассказовъ о гонимыхъ властями сектантахъ я увидала четыре листочка, исписанные почеркомъ Маріи Львовны. Это была рубрика гоненій на Льва Николаевича (тогда еще не отлученнаго отъ церкви). На первомъ листочкѣ Марья Львовна рассказывала, какъ одна старуха въ ихъ деревнѣ назвала Льва Николаевича антихристомъ. На второмъ листочкѣ она же рассказывала, какъ одна голодающая семья отказалась идти въ столовую только потому, что се устраивалъ Левъ Николаевичъ. Двухъ остальныхъ рассказовъ не помню.

Читая далѣе, я дошла до описанія притѣсненнаго сектанта въ городѣ Бузулукѣ Самарской губерніи. Бузулукъ—нашъ городъ. Мой дѣдъ оставилъ и мнѣ съ сестрой, и двоюродному брату, и

сестрѣ земли въ этомъ уѣздѣ. Сестра моя нѣсколько лѣтъ прожила въ своей усадьбѣ вблизи Бузулука и подружилась съ дочерью воинскаго начальника, О. А. П—ой, умной, правдивой и образованной дѣвушкой. Вспомнивъ о ней, я переписала гоненіе и переслала ей свою копію, прося внимательно провѣрить на мѣстѣ эти сообщенія. Долго я не получала отвѣта, но въ концѣ концовъ узнала отъ нея, что разсказъ совершенно не соответствуетъ дѣйствительности. Я еще разъ порадовалась, что не просила денегъ у Сибиряковой.

Не откладывая, я съѣздила познакомиться съ женой Черткова, о которой слышала много хорошаго отъ Толстыхъ. Кроткая, хорошенькая Анна Константиновна съ болѣзненнымъ дѣтскимъ личикомъ и красивыми глазами мнѣ очень понравилась, понравился и ся мальчикъ Димочка, вегетарианецъ отъ рожденія и чудеснѣйшій образчикъ ребячей природы и породы. Чертковы жили въ Гавани, въ одномъ изъ многочисленныхъ домовъ его матери, сектантки Елизаветы Ивановны, усердно насаждавшей пашковство среди бѣднаго населенія Гавани. Прекрасная барская квартира ихъ была очень просто убрана. Мебели было немного, но все было дорогое и хорошее; а когда я случайно присѣла разъ на кровать Анны Константиновны, я думала, что утону, до того она была мягка. Анна Константиновна носила ботинки Вейса и скромныя сѣрыя платья строгаго покроя, но матерія ихъ была изъ Лондона.

Владимиръ Григорьевичъ одѣвался не то тол-

стовцемъ, не то лавочникомъ; но его гвардейскія и великосвѣтскія манеры свидѣтельствовали о томъ, что онъ одѣвается лавочникомъ *изъ принципа*. И мужъ, и жена казались мнѣ достойными и незаурядными людьми, но мнѣ не было у нихъ такъ тепло и хорошо, какъ у Толстыхъ, и даже, было что-то, что *schnürte mir das Inn're zu*. У Толстыхъ ни самъ Левъ Николаевичъ и никто изъ семьи никогда при мнѣ не бранилъ церкви. А Владимиръ Григорьевичъ не скрывалъ своего враждебнаго отношенія къ церкви и не пропускалъ случая заявлять о томъ, что онъ не солидаренъ съ учрежденіемъ, благословляющимъ убійство. И Анна Константиновна тоже спрашивала, склонивъ на бокъ хорошенькую кудрявую головку, не раздражаетъ ли меня этотъ ужасный звонъ колоколовъ? Ее онъ раздражалъ. Какъ хорошо говорить магометане, что звонъ этотъ пугаетъ и разгоняетъ ангеловъ! Какъ хорошо! какъ вѣрно!.. И сама Анна Константиновна ежилась и дѣлала испуганные глаза, какъ будто и она была однимъ изъ этихъ ангеловъ.

Пока я лежала въ плевритѣ, одна знакомая дѣвица, пописывающая въ журналахъ, услышавъ о томъ, что Чертковъ въ Петербургѣ, просила меня познакомить ее съ нимъ. Я переслала ей письмо Черткову. Онъ отвѣтилъ, что хотя онъ терпѣть не можетъ показываться въ роли представителя ученія, но если эта дѣвица моя хорошая знакомая, пусть пріѣзжаетъ тогда-то. Я переслала его письмо дѣвицѣ.

Поправившись, я поѣхала къ Чертковымъ. Владимиръ Григорьевичъ встрѣчаетъ меня словами:

— В. П. вамъ на меня не жаловался?

— И не думалъ. Я его и не видѣла. А что?

— Я грубо обошелся съ нимъ. Вы давно его знаете? Онъ не шпионъ?

— Господи, Твоя воля!..

— Такъ вы въ немъ увѣрены?

Оказалось, что мать дѣвнцы, тревожась о томъ, какъ ея дочь вернется въ темнотѣ изъ Гавани, попросила ихъ хорошаго знакомаго проводить дѣвицу, которая и представила Владимиру Григорьевичу своего провожатаго. Но Владимиръ Григорьевичъ, рѣшивъ, что это шпионъ, неслѣзливо выпроводилъ его.

Со мной и мужъ, и жена были вѣжливы и любезны и, повидимому, не принимали меня за шпионку; я надѣялась даже, что понемножку исчезнетъ и та легкая натянутость между нами, которую я ощущала.

Въ той же комнатѣ, гдѣ мы сидѣли у стола и разговаривали, Димочка игралъ подъ окномъ съ бѣднымъ мальчикомъ изъ пріюта бабушки. Подали чай; мать позвала къ столу Димочку, который неохотно оторвался отъ игрушекъ и товарища, оставшагося у окна. Меня удивило, отчего не позвали обоихъ мальчиковъ. Чертковъ замѣтилъ это и сказалъ:

— Васъ удивляетъ, что мы не даемъ ему чаю; но онъ уже пилъ чай въ пріютѣ.

Я подумала, что, навѣрное, и Димочка пьетъ сегодня не первый чай, но, конечно, промолчала. Не мое дѣло. Я заговорила о П., нашемъ общемъ другѣ, и стала хвалить его. Къ крайнему моему удивленію, фізіономіи супруговъ, оставаясь холодными, сдѣлались еще и нѣсколько кислыми. Они переглянулись, точно удивляясь моей наивности, и Владимиръ Григорьевичъ произнесъ немножко свысока:

— Онъ васъ удовлетворяетъ?

— Да,—сказала я:—я очень желала бы быть такой, какъ онъ.

Анна Константиловна улыбулась, говоря:

— Вотъ какъ вы высоко его ставите!

А Владимиръ Григорьевичъ уже съ большей благосклонностью промолвилъ:

— Впрочемъ, онъ еще растетъ. Онъ еще вырастетъ!..

Очевидно, и мужъ и жена считали себя далеко переросшими П—у. Я не спорила, но нѣсколько огорчилась. И, видя это, Анна Константиновна мягко сказала:

— Лучше всѣхъ Иванъ Ивановичъ Горбуновъ. Вотъ это свѣтлая личность! Я люблю его, какъ брата.

Я тоже любила Ивана Ивановича, какъ брата, и обрадовалась тому, что мы наконецъ сошлись на чемъ-нибудь. Мы стали хвалить Ивана Ивановича. Неожиданно Владимиръ Григорьевичъ перебилъ меня словами:

— Вы смотрите на піанино и осуждаете насъ за роскошь?..

Господи, Твоя воля!.. Я поспѣшила сказать, что обрадовалась, увидя піанино. Я такъ люблю музыку, что всякому музыкальному инструменту радуюсь, какъ другу.

Въ ту зиму я каждое воскресенье посѣщала собранія этическаго кружка, или «дружескаго союза» у Н. П. Вагнера. Старый профессоръ всю жизнь мечталъ о томъ, чтобъ объединить людей, ищущихъ добра и правды. Подъ старость онъ до нѣкоторой степени осуществилъ эту мечту. Первыми членами союза были его ближайшіе друзья: старикъ Якобій и г-жа Бестужева-Рюмина. Затѣмъ онъ пригласилъ М. О. Меншикова, меня, мою подругу, А. В. Половцова, его жену, В. Ф. Эпрольдъ, княгиню М. Н. Щербатову, В. Е. Заханевичъ и другихъ. Устава кружка не помню, но цѣлью членовъ, повидимому, было: уклоняться отъ зла и творить благо. Предсѣдатель нашъ былъ полонъ проектовъ и мечтаній, и надѣялся сдѣлать изъ кружка подобіе первой апостольской общины. Каждое воскресенье, позвонивъ у двери Вагнеровъ, мы проходили черезъ гостиную, въ которой стояла клѣтка съ попугаемъ, въ кабинетъ хозяина. Тамъ онъ читалъ намъ что-нибудь для начала, потомъ пили чай въ столовой, гдѣ добрая Екатерина Александровна неизмѣнно угощала насъ сладкимъ тортомъ. Уже здѣсь начинались пренія, которыя продолжались и заканчивались снова въ кабинетѣ Николая Петровича. Въ концѣ

концовъ, наговорившись досыта, и, конечно, ни на волосъ не подвинувъ этики, мы спокойно расходились до слѣдующаго воскресенья.

Когда Бирюковъ и Чертковъ пріѣхали въ Петербургъ, я сказала Вагнеру:

— Вотъ прекрасные люди!..

— Такъ пригласите ихъ,—сказалъ онъ.

Бирюковъ думалъ, что никакими собраніями и разговорами не сдѣлаешь людей добрѣе и нравственнѣе. Это сдѣлаешь только бессознательно, своимъ примѣромъ. Слѣдовательно, главное дѣло въ работѣ надъ собой и въ строгомъ отношеніи къ самому себѣ. Я вполне раздѣляла это мнѣніе, но думала, что, разъ старика радуешь и тѣшишь, что мы у него собираемся, отчего и не доставить ему этого удовольствія? Во всякомъ случаѣ мы не говоримъ и не дѣлаемъ ничего дурного. Оба толстовца пришли. Не помню, о чемъ говорили въ этотъ вечеръ, но помню, что въ столовой за чаемъ Чертковъ въ пылу проповѣдничества всталъ на стулъ, къ большому удивленію сидѣвшей противъ него хозяйки, и съ высоты этой импровизированной каеэды проповѣдывалъ ученіе Толстого.

Толстовцы внесли въ этический кружокъ нѣчто новое, и въ этотъ вечеръ пренія были особенно оживленными. Они ушли раньше другихъ. По уходѣ ихъ нашъ добрый Коть-Мурлыка окинулъ взглядомъ собраніе и произнесъ:

— Прекрасные люди, но... (глубокій вздохъ)—не любятъ спиритизма!—и онъ поникъ головой.

Тѣмъ не менѣе старый спиритъ былъ польщенъ посѣщеніемъ Черткова и предложилъ намъ въ слѣдующее воскресенье панести именитому толстовцу отвѣтный визитъ.

Черезъ недѣлю, собравшись у Вагнера, мы всѣ вмѣстѣ поплелись на конкѣ въ Гавань. Позволили у подъѣзда. Отворилъ лакей съ безупречной вѣжливостью человѣка *d'une maison bien montée*. Онъ впустилъ въ просторную прихожую весь комплектъ этики, отошелъ въ глубину комнаты и замеръ у стѣны, какъ придворный арапъ, ибо въ прихожую вышелъ самъ баринъ, одѣтый лапочникомъ, и съ серьезнымъ выраженіемъ лица сталъ собственноручно снимать съ гостей шубы и шинели. Анна Константиновна была больна, лежала въ постели, и у нея сидѣлъ Ярошенко. А мы всѣ прослѣдовали въ особенно скромно убранную горницу, гдѣ за столомъ, у самовара, сидѣли два мужика-сектанта и баронесса Клодтъ, достойная женщина, все искавшая христіанской дѣятельности и въ концѣ концовъ поступившая работницей въ крестьянскую семью. Говорили о сектантахъ и о претерпѣваемыхъ ими гоненіяхъ. Вагнеръ былъ православнымъ и большимъ почитателемъ отца Іоанна Кронштадтскаго, и ему трудно было стать на точку зрѣнія Черткова. Много спорили, но не ссорились. Чай въ это воскресенье пили уже не со сладкимъ тортомъ, а съ баранками. Мнѣнія раздѣлялись: одни считали церковь мертвой, а ереси живыми, другіе, наоборотъ, считали ученіе церкви вѣчно-живымъ, а

отпадающія отъ него ереси отмирающими и засыхающими. Какъ было прійти къ соглашенію?

— Позвольте,—говорилъ Вагнеръ:—все секты отдѣлились отъ церкви, какъ вѣтви отъ ствола. Отдѣляется ли живое отъ мертвого, вырастаетъ ли свѣжая вѣтка на сухомъ стволѣ?..

Но и Чертковъ твердо стоялъ на своемъ. Церковь отжила, церковь мертва, или въ параличѣ; жизнь только въ ерсяхъ,—такъ думаетъ «его другъ» Левъ Николаевичъ.

Итакъ, пошумѣвъ, поговоривъ и попивъ чаю съ баранками, мы снова въ безмолвномъ присутствіи челоуѣка d'une maison bien montée надѣли свои шубы и шинели и покатили на конкѣ обратно.

За время моего знакомства съ толстовцами я невольно заинтересовалась блудными сынами церкви и ознакомилась съ исторіей раскола и сектантства, со всеми разновидностями хлыстовщины, тайкомъ расплодившимися на святой Руси. Я узнала о существованіи немоляковъ, отрицанцевъ, Любушкина согласія, иѣтовщины, скопчества, узнала біографіи Кульмана, Тверитинова, Данилы Филиппова, Ивана Суслова, Савицкаго, Радаева, Селиванова, узнала и о новохлыстовствѣ, о шалопутахъ, молоканахъ, субботникахъ и воскресникахъ, о скакунахъ, штундистахъ, баптистахъ, бѣморизцахъ, серафимовцахъ, медальщикахъ, сѣкачахъ, варсонофцахъ, дыропекахъ, дырникахъ, никодимцахъ, обнищеванцахъ, адвен-

тистахъ, о Маликовѣ, о малевалщинѣ, и о сютаевщинѣ.

Мнѣ казалось, что религіозное ученіе Льва Николаевича было ближе всего къ послѣдней. Но сами толстовцы утверждали, что ближе всѣхъ къ нимъ молокане и духоборы. Поэтому исторія духоборовъ особенно меня заинтересовала. Я узнала, что около 1750 г. на югѣ Россіи появился отставной прусскій унтеръ-офицеръ, распространившій повое религіозное ученіе, быстро принятое крестьянами въ Харьковской губерніи, а оттуда перешедшее въ Екатеринославскую и Тамбовскую губерніи. Главой екатеринославскихъ духоборовъ былъ Силуанъ Колесниковъ, а главой тамбовскихъ—хлыстъ Побирохинъ, житель села Горѣлова. Оба не признавали православной церкви, ни обрядовъ ея, ни властей... Они отвергали и священныя книги, какъ испорченныя людскимъ вмѣшательствомъ. Дорогъ *духъ*, а не книги. Хлысты искали духа посредствомъ радѣній, духоборы называли духомъ *разумъ*, помогающій имъ раскрывать таинственный смыслъ писаній, закрытый людскими искаженіями.

Въ концѣ 80-хъ годовъ на смѣну Побирохину явился знаменитый Капустинъ, крестьянинъ, служившій въ военной службѣ. Онъ говорилъ, что сосудомъ Христа былъ раньше Силуанъ Колесниковъ, а теперь онъ, Капустинъ. «Я Христось ванъ Господь,—говорилъ онъ.—Падите ницъ, обожайте меня». Духоборы стали послушно обожать его. Онъ воспользовался ихъ обожаніемъ для

того, чтобъ утвердить еще и право преемственности за своими наслѣдниками. Послѣ его смерти сосудомъ Христа будетъ его сынъ, затѣмъ его внукъ и т. д. Проповѣдь Капустина подготовляла уже основы устройства будущей теократическо-коммунистической общины духоборовъ на Молочныхъ водахъ. Въ 1804 г. для разобщенія съ православными духоборовъ переселили на отведенныя имъ Молочныя Воды, пустошорожныя мѣста на рѣкѣ Молочной въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи. Они получили тамъ по 15 десятинъ на душу и на первые годы были освобождены отъ податей.

Въ 1805 году самъ Капустинъ прибылъ на Молочныя Воды и организовалъ общину. Поля и имущество были объявлены общими, по праву распоряжаться ими Капустинъ присвоилъ себѣ. Центромъ общины сдѣлалась слобода Терпѣніе, гдѣ въ волостномъ домѣ, называемомъ Сіономъ, поселился Капустинъ, окруженный поклоненіемъ вѣрующихъ. Отдѣльными колоніями завѣдывали наставники. Судъ совершалъ самъ Капустинъ вмѣстѣ съ совѣтомъ тридцати, помогавшимъ ему и въ другихъ дѣлахъ.

Пользуясь неограниченною властью и большими доходами, Капустинъ, однако, возбуждалъ недовольство бѣднѣйшихъ членовъ общины, но богатѣи поддерживали его. Послѣ смерти Капустина власть и званіе пророка перешли къ сыну его, Василию Калмыкову, и внуку, Иллариону Калмыкову. Оба уже совершенно открыто стали на

сторону богатѣевъ и съ помощью совѣта тридцати разрѣшали себѣ жестокія расправы съ недовольными и возстающими противъ нихъ.

Правительство воспользовалось слухами о несогласіяхъ среди духоборовъ и выслало ихъ съ Молочныхъ Водъ на Кавказъ, въ Ахалцыхскій

Гостиная Толстыхъ въ Москвѣ, въ Хамовникахъ.

округъ, уже безъ всякихъ льготъ по несенію податей и повинностей. Духоборы начали новую жизнь въ новыхъ условіяхъ, на новой землѣ, неблагоприятной для хлѣбопашества, что побудило ихъ искать другихъ заработковъ и не пренебрегать и торговлей. Они построили на новомъ мѣстѣ слободу Горѣлое и устроили Сіонъ. У нихъ

тѣмъ прошлаго.

!!

сохранилась общественная касса, которая быстро росла. Въ 1854—1855 гг. духоборы обслуживали обозъ арміи, и путемъ подрядовъ и поставокъ многіе изъ нихъ нажили огромные капиталы.

Управленіе общественной кассой было по прежнему въ рукахъ капиталистовъ, составлявшихъ совѣтъ тридцати при пророчицѣ Лукерьѣ Калмыковой, вдовѣ послѣдняго сосуда Христова. Лукерья, умирая, не назначила себѣ преемника, и управленіе капиталами захватилъ ся братъ. Но другъ и воспитанникъ ея, молодой Петръ Веригинъ, предъявилъ свои права на званіе пророка и Христа. Тогда община раскололась на двѣ партіи: горѣловцевъ и веригинцевъ. Правительство стало на сторону первыхъ, Левъ Николаевичъ и его друзья—на сторону вторыхъ. Веригинцы начали процессъ противъ горѣловцевъ изъ-за общественного капитала. На Кавказѣ среди духоборовъ жили въ то время князь Хилковъ, И. М. Трегубовъ, княжна Накашидзе и др. Левъ Николаевичъ и его друзья были въ личной перепискѣ съ Петромъ Веригинымъ. Послѣдній былъ арестованъ и сосланъ въ Шенкурскъ. Горѣловцы съ капиталомъ уѣхали въ среднюю Россію, а на Кавказѣ остались одни бѣдные веригинцы безъ капитала, безъ главы и Христа, возлагая уже всѣ дальнѣйшія надежды на заступничество друзей. Во главѣ послѣднихъ стоялъ Левъ Николаевичъ, дѣйствительно горячо принимавшій къ сердцу горькую участь гонимыхъ крестьянъ.

Только 5-го мая 1895 года я получила запоздавший отвѣтъ графини Софьи Андреевны на мое письмо, посланное ей послѣ смерти Ванички.

«Милая Л. И. Вы, вѣроятно, слышали, что я была очень больна, и поняли, что только поэтому я до сихъ поръ не отвѣчала на письмо ваше. Въ тотъ день, какъ вы мнѣ писали,—въ день рожденья Ванички и на другой день особенно,—я была при смерти, и я надѣялась, что Господь сжалятся надо мной и возьметъ меня туда же, куда взялъ моего маленькаго ангела. Но видно, Богъ велитъ нести свой крестъ и исполнить еще все то, что Имъ назначено. И вотъ я выздоровѣла, и сестра моя пріѣхала изъ Кіева и увезла меня и Машу къ себѣ. Теперь мы вернулись, здоровье лучше. Планы наши на лѣто до сихъ поръ неопредѣленны. Левъ Николаевичъ собираетъ свѣдѣнія о разныхъ такихъ уголкахъ Баваріи, гдѣ красива природа и мало людей. И ему, и мнѣ всеѣмъ безразлично, гдѣ и какъ жить. Думаемъ, что дѣтямъ это будетъ хорошо и здорово. Въ Ясную же Поляну до того всеѣмъ больно ѣхать и жить съ воспоминаніями о Ваничкѣ, что никто не рѣшается. Особенно меня боятся туда везти; а мнѣ больно и совѣстно бѣжать отъ воспоминаній самыхъ дорогихъ въ моей жизни. И вотъ мы въ нерѣшительности и стараемся понять, какъ лучше для всѣхъ.

«Вчера ѣздила на могилку Ванички и другого своего маленькаго Алеша, умершаго девять лѣтъ тому назадъ, четырехъ лѣтъ. Въ первый разъ я была тамъ послѣ смерти Ванички и, какъ тогда,

такъ и теперь я не могу соединить живого Ванички съ тѣмъ, котораго такъ жестоко пришлось зарыть зимою въ эту глубокую ледяную яму. Могилка мнѣ мало сказала, а говорить мнѣ о смерти Ванички вся моя жизнь, всякая минута моего душевнаго состоянія, всякое лицо въ домѣ, всѣ вещи, уголки и все то, что онъ любилъ и съ чѣмъ жилъ. Съ нимъ ушла и моя душа, точно онъ ее съ собой взялъ, а осталось одно томящееся тѣло, безъ энергій, безъ жизни, съ страданіемъ, которое я должна нести до конца, чтобъ искупить грѣхи свои. Хотя и тяжело, что съ жизнью Ванички исчезъ изъ дому весь дѣтскій міръ съ его радостями, съ милымъ безуміемъ игрушекъ, слокъ, катанья яицъ, собиранія грибовъ и проч. и проч., но все это и такъ бы кончилось, по ужасно мнѣ теперь жить безъ той безпредѣльной, иѣжной любви, участія, ласки, пониманія меня, которыми избаловалъ меня этотъ маленькій семилѣтній Ванюшка, худенькій, болѣзненный, но съ такой душой, любви которой хватало на весь міръ. Никто меня такъ не любилъ и никого я такъ не любила въ жизни. Какъ часто я вспоминала, какъ вы съ нимъ сидѣли въ вашъ пріѣздъ въ Москву, какъ ласково вы къ нему отнеслись, и какъ ему хорошо было съ вами! Всѣ тѣ, кого онъ особенно отмѣчалъ въ жизни,—всѣ остались для меня особенно дороги. Хотя онъ ко всѣмъ былъ ласковъ, но были у него любимые, ихъ было не очень много, и вы были въ ихъ числѣ. Простите меня, милая Л. И., что пишу вамъ только о томъ, что меня занимаетъ, но я такъ глубоко поранена,

что безъ слезъ не провела еще ни одного дня и жить не пачинала еще никакъ.

«Левъ Николаевичъ здоровъ, выучился кататься на велосипедъ, и это доставляетъ ему здоровое развлеченіе. Писать онъ ничего еще не можетъ. И его подкосило наше горе, столь тяжелое въ старые годы, какъ будто свѣтъ потухъ для насъ со смертью ребенка нашей старости. Таня уѣхала на недѣлю въ Ясную. Маша не совсѣмъ здорова. Леву мы проводили въ Финляндію, въ городокъ Ганге. Видѣли ли вы его въ Петербургѣ? Съ нимъ поѣхалъ Андриуша на неопредѣленное время. Миша держитъ экзамены, и мы для него сидимъ въ Москвѣ, не разлучаясь, всѣ вмѣстѣ. Сегодня уѣхали Толстые, семья брата Льва Николаевича; сегодня же уѣзжаетъ Павелъ Ивановичъ въ Кострому; всѣ разъѣзжаются и мнѣ жаль, что Левъ Николаевичъ проводить весну въ городѣ. Это ему очень тяжело, а уѣзжать отъ меня онъ не хочетъ. Въ прошломъ году онъ въ это время уже былъ въ Ясной, а сегодня, 5-го мая, я увезла Сашу и Ванюшку къ нему въ Ясную, а сама вернулась къ Андриушѣ и Мишѣ, которые держали экзамены. Какъ все измѣнилось! Главное, совсѣмъ измѣнилось мое отношеніе къ жизни и смерти. Это самое большое горе въ моей жизни и все то, что предстоитъ еще,—все будетъ бить на эту открытую рану. Къ счастью, есть предѣлъ и силамъ человѣческимъ и жизни. Когда увидимся мы съ вами? Если соберетесь, то спросите раньше, будетъ ли и Левъ Николаевичъ съ нами. А то теперь и Ва-

нички пѣтъ привѣтствовать васъ весело и нѣжно. Цѣлую васъ и за Ваничку, и отъ своего сердца. Дай Богъ вамъ радости жизни, успѣха въ вашемъ дѣлѣ и всего хорошаго.

«Душевно преданная вамъ С. Толстая».

Въ маѣ 1895 года Левъ Львовичъ съ сопровождавшимъ его братомъ Андреємъ Львовичемъ были у насъ проездомъ въ Гапге. Вскорѣ послѣ этого я заѣхала въ Москву, въ Хамовники, по пути въ деревню Московской губерніи, куда я ѣхала на лѣто.

Подѣхавъ къ воротамъ ихъ дома, я увидѣла на дворѣ Льва Николаевича, который дѣлалъ круги на велосипедѣ. Онъ уже лихо леталъ и съ увлеченіемъ предавался новому спорту. Татьяна Львовна была въ саду и сказала мнѣ съ упрекомъ:

— Что же вы не пріѣхали *тогда* горевать съ нами? Я васъ ждала; я была увѣрена, что вы пріѣдете. Бѣдная мама все еще не можетъ успокоиться. Онъ такъ много занималъ мѣста въ ея жизни.

Мы вошли въ домъ, и я увидѣла бѣдную измѣнившуюся графиню. Всѣ были грустно настроены и говорили, стараясь не касаться того, что ей было такъ больно. Она звала меня въ Ясную, и я намѣревалась изъ Московской губерніи проѣхать въ Тульскую; но неожиданная смерть отчима заставила меня ѣхать прямо домой въ Павловскъ.

14-го іюня 1895. Письмо графини.

«Дорогая Л. И. Левъ Николаевичъ, узнавъ о тяжелой болѣзни и операціи Н. Н. Страхова, страшно взволновался и огорчился. Онъ проситъ васъ сообщить намъ подробности о степени опасности его положенія. Считаютъ ли доктора его ракъ неизлечимымъ, или есть надежда на то, что послѣ операціи онъ поправится?

«Извините, что прошу о письмѣ. Вамъ не до насъ и у самой у васъ въ семьѣ горе и разстройство. Что же вы не написали ничего о себѣ, о матери вашей? Любя васъ, мы очень интересуемся и всѣмъ тѣмъ, что васъ касается. А кто же вамъ ближе, какъ не мать? Вотъ еще ближе бываютъ собственныя дѣти. И вотъ я, потерявъ теперь одного, конечно, самого любимого, утратила вдругъ всю радость жизни. Вы не можете себѣ представить, до чего мнѣ тяжело здѣсь, въ Ясной Полянѣ! Это маленькое, чуткое, утонченное существо въ связи съ впечатлѣніями природы до того врѣзалось въ мельчайшія подробности моихъ воспоминаній, что я совсѣмъ не выпущу ихъ, и только одно думаю, что долго жить съ камнемъ на душѣ и съ этимъ обиліемъ слезъ нельзя и Господь отзоветъ меня къ Ваничкѣ.

«Послѣднее время много и разнородно хворалъ Левъ Николаевичъ, и ужасъ потерять еще сго, послѣднюю мою земную державу, усложнилъ и усилилъ мое тяжелое душевное состояніе. Вотъ видите: я не какъ вы, я съ довѣріемъ рассказываю

вамъ свою душу, зная вашу отзывчивость. Напишите же и вы о себѣ, о семьѣ вашей и любите по старому, хотя пока и новыхъ, но искренно любящихъ васъ друзей. «С. Толстая».

«Дѣвочки и Левъ Николаевичъ вамъ очень сердечно кланяются. Сейчасъ пріѣхали мои три внука и моя невѣстка. Вчера былъ тутъ Сережа, мой старшій сынъ и его невѣста, Маня Рачинская. Она племянница того Рачинскаго, у котораго знаменитыя школы въ Тверской губерніи. Мы всѣ радуемся этой свадьбѣ, которая будетъ около 10-го іюля. Когда-то теперь мы увидимся съ вами?»

«С. Т.».

20-го іюня 1895 г. Письмо Марьи Львовны.

«Дорогая Л. И. Спасибо, что написали о Н. Н. Страховѣ, но не спасибо, что вы ни слова не пишете о себѣ. Мы еще въ Москвѣ узнали о смерти вашего отчима. Мнѣ ужасно жалко вашу матушку. Я знаю, что его смерть не столько больна вамъ, сколько ей, и не могу безъ боли думать о ней. Смерть всегда учить отношенію къ живымъ. Какъ хорошо бы всегда помнить, что всякій человѣкъ, съ которымъ общаешься, да и самъ, сейчасъ можешь умереть и унести съ собой существующія отношенія, и какъ мы это всегда забываемъ, надѣясь, что еще успѣешь поправить, точно можно поправить почувствованное зло. Напишите, какъ ваша мать переноситъ свое горе, есть ли у нея Богъ,

который Одинъ только можетъ помочь ей. Моя мама, бѣдная, плохо переносить свое житье здѣсь, тоскуетъ, уединяется. И я чувствую, что не въ нашихъ рукахъ помочь ей. Никто не придетъ къ Отцу, если Отецъ не позоветъ его. Пала все болѣетъ. Въ Москвѣ была инфлюэнца, лихорадка и его желчныя припадки. Приѣхавъ сюда, онъ опять заболѣлъ и пролежалъ нѣсколько дней съ желудочно-желчной болѣзью и съ жаромъ, доходившимъ до 40,1. Мы страшно перепугались, какъ всегда ожидая въ этихъ случаяхъ самаго ужаснаго. Но теперь онъ всталъ и поправляется, и опять жить можно. Знаю, что это только отсрочка, что придется, по всей вѣроятности, не ему меня, а мнѣ его пережить, и такая при этомъ на меня нападаетъ трусость, что я мечусь и ищу какого-нибудь другого выхода изъ этого. Ну, вотъ, дорогая Л. И., и я мрачно написала, хотя въ самой душѣ мнѣ хорошо, какъ давно не бывало: серьезно, «темно» и любовно. Цѣлую васъ крѣпко, мой милый другъ Л. И., я всегда чувствую васъ, люблю и, когда мнѣ очень хорошо или очень грустно, всегда вспоминаю васъ. Напишите же о себѣ, вы никогда этого не дѣлаете, и я всегда только догадываюсь, что въ васъ происходитъ. Всѣ наши васъ любятъ и велятъ вамъ это сказать.

«Ваша Маша Толстая».

Отъ 10-го іюля 1895 года я получила изъ Ясной письмо отъ Страхова и Льва Николаевича на одномъ листочкѣ.

«Душевноуважаемая Л. И. Къ вамъ первой хочу написать отсюда, зная, какъ васъ интересуеть все здѣшнее, и помня, какъ вы были добры ко мнѣ. Я засталъ хозяина Ясной Поляны въ такомъ состояніи, что не могу нарадоваться. Онъ бодръ тѣломъ, въ прекрасномъ духѣ и работаетъ каждый день надъ повѣстью на давнишній «сюжетъ Копи» (Воскресеніе). Софья Андреевна, какъ я увидѣлъ съ перваго раза, уже пережила жгучій періодъ горя. Переломъ случился, какъ говорилъ Л. Николаевичъ, недѣли за двѣ до моего пріѣзда. Всѣ здоровы. Татьяна Львовна особенно оживлена. Сегодня день свадьбы ¹⁾, и Толстыхъ въ Ясной Полянѣ нѣтъ ни души, кромѣ Льва Николаевича и меня. Всѣ на свадьбѣ въ Петровско-Разумовскомъ у К. Рачинскаго. Невѣста такъ любитъ всю семью, что, можно сказать, выходитъ замужъ за эту семью. Кажется, молодые заѣдутъ въ Ясную, и я ихъ увижу. Теперь о себѣ. Съ маленькими приключеніями я проѣхалъ благополучно и 4-го іюля, до захода солнца уже пилъ чай на балконѣ Толстыхъ. Радость свиданія, деревня, чистый воздухъ, все сразу охватило меня. Стоитъ чудная погода, настоящій іюль, и сегодня я почувствовалъ себя такъ бодро, какъ давно не чувствовалъ. Дай Богъ и вамъ здоровья и всего хорошаго. Простите нашего искренно преданнаго

«Н. Страхова».

¹⁾ Сергія Львовича и Мари Рачинской.

Продолжасть Левъ Николаевичъ:

«Николай Николаевичъ пишетъ вамъ и мнѣ захотѣлось написать вамъ хоть нѣсколько словъ, чтобы поблагодарить васъ за ваши хорошія письма и мнѣ, и дѣвочкамъ, и въ особенности женѣ. Николай Николаевичъ пишетъ вамъ про меня, такъ я же вамъ напишу про него. Я особенно радъ ему и мнѣ чрезвычайно хорошо съ нимъ. Радуюсь тоже тому, что здоровье его гораздо лучше, чѣмъ я думалъ. Онъ пишетъ вамъ про мою работу. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы про нее знали редакторы, а то не будетъ покоя и будетъ какой-нибудь грѣхъ. Вы, вѣрно, знаете стихотворсіе, кажется Фрейлиграта о томъ, что смерть напоминаетъ намъ о томъ, какъ мы пропускаемъ случай любить. Ваши сожалѣнія о томъ, что вы уѣхали отъ вашего отца, и еще многое другое напомнили мнѣ это. Какъ хорошо бы было, если бы мы всегда помнили это. Кажется, вся наша жизнь со своими бѣдствіями, болѣзнями достаточно напоминаетъ намъ это, а мы все забываемъ, хотимъ, чтобы на каждаго человека было наложено особое клеймо: этотъ человекъ непременно умретъ. Желаю, чтобы вамъ никогда не нужно было напоминать этого. Это самое лучшее, что могу пожелать.

«Искренно любящій васъ Л. Толстой».

Осенью 1895 года прямо изъ Ганге Левъ Львовичъ проѣхалъ въ Швецію, гдѣ и женился на дочери лѣчившаго его доктора Вестерлунда. Мать

моя, овдовѣвъ, переѣхала изъ Петербурга въ Царское Село. Въ первый же годъ нашего пребыванія здѣсь насъ посѣтила Татьяна Львовна, гостившая у родныхъ въ Петербургѣ. Она рассказала мнѣ всѣ яснополянскія новости. Я спросила о женѣ Льва Львовича. Очень милая, хорошенькая, со-всѣмъ молоденькая женщина; къ толстовству относится отрицательно, почти враждебно. Живутъ молодые въ Ясной Полянѣ вблизи стариковъ, но въ отдѣльномъ домѣ. Я спросила Татьяну Львовну, не собирается ли и она замужъ. Она отвѣтила:

— Если желаете мнѣ добра, не желайте мнѣ выходить замужъ.

— Почему?

— Потому что я знаю въ себѣ множество безобразныхъ женскихъ свойствъ, которые теперь у меня на привязи и дремлютъ, а замужество ихъ разбудитъ, и эти ужасные драконы въ видѣ ревности, женскаго деспотизма, требовательности, эгоистической любви всѣ выползли бы и испортили и мнѣ и всѣмъ окружающимъ меня жизнь.

Она еще столько наговорила о себѣ дурного, что я дала ей прочесть отзывъ о ней въ письмѣ Страхова:

«Татьяна Львовна очень для меня привлекательна, какъ и для многихъ. Подъ своей свѣтскостью она стыдливо скрываетъ горячую любовь къ своимъ и жажду какого-нибудь подвига».

Она прочла, засмѣялась и сказала, что она себя лучше знаетъ.

Татьянѣ Львовнѣ надо было зайти къ ея теткѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой. Я проводила ее до лица и ждала ее въ паркѣ. Татьяна Львовна вернулась отъ своей родственницы въ смущеніи и сказала:

— Ну, что мнѣ дѣлать? Чертковъ только что заставилъ меня снять всѣ золотыя украшенія, а тетушка подарила браслетъ, да еще съ графской короной. Не могла же я огорчить ее отказомъ?

— Строго же держать васъ Чертковъ,—сказала я:—за что Левъ Николаевичъ такъ любитъ его?

— Ахъ, онъ хорошъ, — убѣжденно сказала Татьяна Львовна, но больше ничего не прибавила, и я такъ и не узнала, чѣмъ онъ хорошъ.

Прошелъ еще годъ. Соскучившись по Толстымъ, я поѣхала къ нимъ въ Москву, предварительно списавшись съ графиней. Никогда еще я не видѣла Льва Николаевича такимъ оживленнымъ, жизнерадостнымъ, такимъ прежнимъ и веселымъ. Онъ кончилъ большую работу—«Воскресеніе»; онъ былъ радъ тому, что духоводы-веригицы сожгли свое оружіе и всей общиной отказались отъ участія въ военной службѣ. Всѣ друзья его съ интересомъ слѣдили за ихъ дальнѣйшей судьбой. Это былъ уже не Дрожжикъ, не единичный отказъ отъ военной службы. Цѣлая секта, цѣлая община вставала, какъ одинъ человекъ. Павелъ Ивановичъ Бирюковъ радовался тому, что духоводы сожгли свое оружіе 29-го іюня, въ день его именинъ.

Въ Москвѣ я остановилась въ гостиницѣ, но почти все время проводила у Толстыхъ. Въ первый

же вечеръ у нихъ было много гостей, все свѣтскихъ, но пріятныхъ и любящихъ Льва Николаевича. Былъ и старикъ Сергѣй Николаевичъ, его братъ. Какая-то дама очень хорошо пѣла. По желанію Льва Николаевича, она спѣла «Утреннюю серенаду» Шуберта, которою онъ очень восхищался. Она нѣсколько разъ повторяла ее, и каждый разъ онъ говорилъ: «Какъ хорошо!» Потомъ она пѣла Чайковского, но это уже меньше нравилось ему. Обѣ дочери были дома и милы по прежнему. Левъ Львовичъ съ молодой женой Дорой Ѳедоровной также гостилъ въ Хамовникахъ. Она училась по-русски, но говорить еще не рѣшалась и говорила только по-англійски. Графиня хлопотала, распоряжалась и, проволновавшись весь день, ложилась спать послѣдняя, долго еще передъ отходомъ ко сну совѣщаясь съ поваромъ о томъ, чѣмъ и на завтра накормить всѣхъ этихъ своихъ и чужихъ, темныхъ и свѣтскихъ, праведныхъ и неправедныхъ, благодарныхъ и неблагодарныхъ.

Очень хорошо было у Толстыхъ! Ихъ московская гостиная была немного наряднѣе деревенской, но и въ ней не было ничего лишняго. Помню, что когда отъ нихъ я приходила къ другимъ моимъ московскимъ роднымъ и знакомымъ, меня всегда непріятно поражало обиліе ковровъ, картинъ, портьеръ и прочей дребедени.

Окончивъ «Воскресеніе», Левъ Николаевичъ все же каждый день писалъ у себя въ кабинетѣ. Дочери переписывали, но не могли переписывать такъ много, какъ въ деревнѣ, гости мѣшались. Го-

сти смѣнялись гостями. Въ столовой, кромѣ гитары Марьи Львовны и балалаекъ ея братьевъ, теперь всегда лежали ракеты для волана. У Толстыхъ всегда была въ ходу какая-нибудь игра, и теперь была полоса волана. Вставая изъ-за стола, Левъ Николаевичъ бралъ ракету, кто-нибудь изъ дѣтей становился противъ него, иногда вытягивались два длинныхъ ряда играющихъ.

Младшіе сыновья, кажется, уже совсѣмъ доучились, Саша выросла. Няня по прежнему сидѣла въ дѣвичьей и вязала чулокъ, вспоминая Алешу и Ванючку. Я по прежнему любила всѣ комнаты, коридоры, ступеньки и пороги хамовпического дома. Кромѣ хозяйства и изданій, графиня усердно занималась музыкой и фотографіей.

Какъ-то мы сидѣли съ ней въ гостиной, и она показывала мнѣ свою коллекцію семейныхъ группъ и снимковъ. Вошелъ Левъ Николаевичъ и сѣлъ возлѣ меня. По поводу фотографіи его сестры монахини онъ сказалъ, что она, какъ и я, привыкла вѣрить церкви съ дѣтства, что въ насъ обѣихъ сильна привычка дѣтства. Если бы въ дѣтствѣ не было такого сильнаго внушенія, насъ не влекло бы къ этой вѣрѣ.

Ни графиня, ни я ничего не возражали ему на это. Онъ помолчалъ и, чувствуя, что въ душѣ мы съ нимъ не согласны, прибавилъ:

— Не знаю; по вотъ уже сколько лѣтъ я вѣрю такъ, какъ я теперь вѣрю и понимаю, и мнѣ кажется, я не ошибаюсь.

Графию зачѣмъ-то вызвали, и мы остались вдвоемъ. Онъ спросилъ:

— Вы пишете?

— Нѣтъ. И трудно, да и нечего.

— Хотите, я дамъ вамъ тему?

Я поблагодарила и сказала, что я и такъ уже выписала себѣ двѣ его темы и подумываю о нихъ. Я нашла ихъ въ его дневникѣ, который давалъ мнѣ читать Чертковъ.

Левъ Николаевичъ спросилъ, какія это темы.

Я сказала:

— Первая тема у васъ записана такъ: Написать романъ любви цѣломудренной, такой, для которой невозможенъ переходъ въ чувственность, которая служить лучшимъ защитникомъ отъ чувственности. Только съ женщиной можно потерять цѣломудріе, только съ женщиной можно соблюсти его. Цѣломудріе начинается при перемѣнѣ. Хорошо написать это.

«А вторая:—Хорошо бы написать исторію человека добраго, иѣжнаго, кроткаго, милаго, образованнаго, умнаго, но живущаго по-господски, т. е. жрущаго и с—щаго и потому требующаго, чтобы для него рѣзали цыплятъ, не спали кучера, рабочіе и чистили его.... Нельзя быть добрымъ человекомъ, неправильно живущему».

Я прибавила, что первая тема мнѣ не подъ силу, такъ какъ я не знаю мужской души. А вторая меня очень привлекаетъ. Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Я вамъ дамъ другую тему. Эту вы почувствуете, и у васъ выйдетъ хорошо. Вотъ что раз-

скажите: жили мужъ и жена. Между ними была такъ называемая любовь. Жили такъ себѣ, что называется, счастливо, ссорились, по мирились, измѣны не было (онъ остановился и сталъ думать, какъ бы что-то припоминая, затѣмъ твердо повторилъ),—измѣны не было ни съ той, ни съ другой

Видъ на усадьбу въ Ясной Полянѣ.

стороны. Было много дѣтей. Жизнь быстро прошла. Состарились. Дѣти выросли. И вотъ жена ѣдетъ провѣдать своихъ взрослыхъ дѣтей, обязана ихъ всѣхъ и видеть, что одинъ—жену обидѣлъ, другому вѣчно денегъ не хватаетъ, третій женился на иностранкѣ и привезъ ее сюда, гдѣ ей все чуждо и непонятно...

Мнѣ стало неловко; все это слишкомъ напоминало нѣчто близкое, и мнѣ хотѣлось сказать: «А дочери?» Но я не смѣла и молчала, глядя въ полъ.

Левъ Николаевичъ сказалъ что-то сухое и жесткое о двухъ младшихъ сыновьяхъ героини и закончилъ такъ:

— И вотъ, объѣхавъ всѣхъ своихъ дѣтей, она видитъ, что всѣ они живутъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и при этомъ и сами не удовлетворены. Но она не въ силахъ поправить это, видитъ, что жизнь прожита бесплодно и идетъ въ монастырь. Нанишите. Я бы самъ написалъ это, да боюсь, не успѣю.

Графиня вернулась и спросила:

— Что ты не успѣешь?

— Я далъ тему Л. И.

— Тему? Это хорошо. Пишите, пишите. Пора вамъ уже что-нибудь напечатать. Тема грустная или веселая?

— Грустная,—сказала я.

Левъ Николаевичъ всталъ и ушелъ. Я смотрѣла на графиню и думала: «Въ монастырь? Она только что говорила мнѣ, что хочетъ ѣхать въ Италію».

Графиня показала мнѣ всѣ свои семейные снимки. Потомъ Марья Львовна повела меня къ себѣ и стала показывать группы духоборовъ и духоборокъ въ безрукавкахъ, въ обшитыхъ кружевомъ передникахъ и отороченныхъ бархатомъ шапочкахъ. Всегда живущая интересами отца, Марья Львовна была полна сочувствія къ веригицамъ и—разказала мнѣ о гоненіяхъ и притѣсненіяхъ, которымъ они теперь подвергались.

За вмѣшательство въ дѣла духовоборовъ князь Д. А. Хилковъ былъ высланъ съ Кавказа въ Вейсенштейнъ, глухой и маленький городокъ Эстляндіи. Узнавъ объ этомъ, В. Г. Чертковъ и М. О. Меньшиковъ рѣшили съѣздить навѣстить его въ ссылкѣ. Чертковъ былъ знакомъ съ Хилковымъ. Меньшиковъ же не видалъ его въ глаза, но по рассказамъ друзей идеализировалъ его. Кажется, впрочемъ, онъ обмѣнялся съ нимъ письмами и получилъ портретъ князя въ мужицкой рубахѣ и золотомъ рипсе-лез. Чертковъ, однако, узналъ, что ихъ не допустятъ до свиданія съ изгнанникомъ, и рѣшилъ напрасно не ѣздить. Тогда мнѣ пришлось въ голову съѣздить въ Вейсенштейнъ вмѣсто нихъ, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что вейсенштейнскій воинскій начальникъ жепать на' родственницѣ моего отчима, которую я уже немножко знала. Бирюковъ сильно поддерживалъ меня въ моей затѣѣ, а Меньшиковъ, провожая меня на вокзалъ, говорилъ: «Я завидую вамъ!»

Я пріѣхала въ Вейсенштейнъ и познакоми-лась сначала съ моими родственниками. Они предупредили меня, что, когда придетъ изгнанникъ, придетъ по обязанности и начальникъ уѣзда, но что это очень милый человѣкъ и жена у него хорошая и т. д.

Пришелъ изгнанникъ, пришелъ и начальникъ уѣзда. Мы сыграли въ его присутствіи нѣсколько партій въ шахматы. Я рассказала, что Чертковъ, Трегубовъ и Бирюковъ написали воззваніе подѣ

заглавіемъ «Помогите!» въ защиту духоборовъ отъ властей и стараются этимъ воззваніемъ заинтересовать печать и общество. Князь Хилковъ разсказалъ мнѣ, какъ онъ убилъ турка, какъ познакомился съ духоборами, какъ у него отняли дѣтей. Потомъ мы говорили о Толстомъ и Генри Джорджѣ. Начальникъ уѣзда оказался любителемъ пѣнія. Помню, что я предложила ему аккомпанировать, и онъ съ чувствомъ пѣлъ:

«Прошу васъ, птички, объ одномъ...»

По уходѣ гостей жена воинскаго начальника разсказала мнѣ, что князя здѣсь носятъ на рукахъ. И дѣвицы и дамы влюбляются въ него.

— У насъ вѣдь всегда такъ,—прибавила она:— всегда весь городъ сразу въ одного влюбляется. Раньше тутъ зубной врачъ былъ изъ евреевъ, замѣчательно красивый. Всѣ въ него были влюблены. Теперь князь... Дѣвушки за нимъ бѣгаютъ, письма его пересылаютъ, на всякія хитрости пускаются, начальника уѣзда проводятъ. Ну, а дамы его обѣдами кормятъ. Прежде, когда у насъ за мировымъ ухаживали, онъ картофель въ мундирѣ любилъ. И весь городъ картофель ѣлъ. А теперь—вездѣ пельмени. Князь любить пельмени.

Воротаясь изъ Вейссенштейна, я нашла у себя на столѣ письмо Льва Николаевича по поводу одной рукописи, которую онъ поручилъ мнѣ пристроить.

«Дорогая Л. И. Очень вамъ благодаренъ за ходатайство передъ Стасюлевичемъ и за предложеніе

ніе отдать это въ «Ниву». Я совершенно несогласенъ съ Стасюлевичемъ и очень жалѣю, что онъ такъ непонятливъ. — Начали ли вы писать на мою тему? Если начали, то продолжайте! Если вы полюбите эту тему, то будетъ очень хорошо. Если же не начинали, то не начинайте. У меня жадность умирающаго скупца. Я знаю, что никогда не напишу этого, а все-таки хочется надѣяться. Въ послѣднее время пришлось живо опять почувствовать то, что хотѣлось бы выразить въ этомъ писаніи.

«Здоровы ли вы, бодры ли, довольны ли своей жизнью? Желаю вамъ радостнаго труда и дружески жму вашу руку. Не знаете ли что про Черткова и про успѣхъ или неуспѣхъ его дѣла?»

«Любящій васъ Л. Толстой».

Дѣло Черткова, какъ и можно было ожидать, увѣщчалось неуспѣхомъ. Всѣ три автора воззванія «Помогите!» были приговорены къ высылкѣ въ глухіе городки Прибалтійскаго края или за границу.

Какъ только разнеслась вѣсть объ этомъ, у Чертковыхъ сейчасъ же собрались всѣ друзья, всѣ сочувственники и просто знакомые, и темные и свѣтскіе. Настроеніе было веселое, точно праздничное и даже нѣсколько легкомысленное. У Анны Константиновны не сходила съ устъ улыбка, а Чертковъ имѣлъ гордый, побѣдоносный видъ. До сихъ поръ Горемыкинъ говорилъ: «Толстовцы неспосны, но не опасны». Теперь ихъ признали

опасными, съ ними вступали въ борьбу, ихъ преслѣдовали.

Въ комнатахъ, полныхъ гостей, стоялъ оживленный говоръ. Снялись грушой при вспышкѣ магнія. Меня много спрашивали о Хилковѣ, и я рассказывала все, что видѣла и слышала, умалчивая, конечно, о пельменяхъ. Много говорили о духоборахъ и ихъ горькой участи, но большого состраданія къ нимъ что-то не было замѣтно. Ихъ страданія отступали на второй планъ передъ такимъ крупнымъ событіемъ, какъ высылка Чертковыхъ въ Англію, Бирюкова въ Баускъ и Трегубова въ Феллингъ. Разговоры были несвязны и отрывочны. Помню, что Чертковъ съ довольной улыбкой неожиданно обратился къ Хирьякову и попросилъ его рассказать анекдотъ о пѣмцѣ на Кулербергѣ. Александръ Модестовичъ повиновался и, ни къ селу, ни къ городу рассказалъ анекдотъ, вызвавшій смѣхъ и улыбки. Почему-то этотъ Кулербергъ сдѣлалъ на меня сильное впечатлѣніе. Мнѣ стало больно при мысли о томъ довѣріи, съ которымъ бѣдные далекіе крестьяне относились къ своимъ заступникамъ. Безсознательно какъ будто стало стыдно чего-то, точно и я была не безъ вины въ томъ, что Кулербергъ былъ не Эльборусомъ, а Кулербергомъ. Помню, что хорошенькая Ольга Константиновна, сестра Чертковой, познакомила меня съ одной дамой, прося приласкать ее въ Царскомъ Селѣ, гдѣ она чувствуетъ себя одинокой. Это была бывшая гувернантка Анны, Ольги и Маріи Дитерихсъ, француженка, вышедшая замужъ

за русскаго дипломата, уѣхавшаго въ Японію. Не знаю, почему она очутилась въ Царскомъ Селѣ, но помню, что она въ тотъ же вечеръ разсказала мнѣ, какія славныя существа всѣ ея три воспитанницы и какъ она ихъ любить. Галя (Черткова) была очаровательной прелестной дѣвушкой и многимъ нравилась. Но она не только не тщеславилась своими успѣхами, а всегда глубоко горевала о тѣхъ, кто по ней страдалъ, и даже иной разъ плакала, говоря: «Ну, чѣмъ же я виновата? Чѣмъ я виновата? Что же я могу?..» Конечно, она сдѣлала блестящую партію, выйдя за Черткова. Онъ такъ богатъ; но... слѣдовали нѣкоторые *но*....

Пріѣзжали и родные Анны Константиновны проститься передъ отъѣздомъ. Хозяева переходили изъ одной комнаты въ другую, объясняли все случившееся и прощались съ друзьями.

Левъ Николаевичъ самъ пріѣхалъ въ Петербургъ, кто говорилъ—проститься съ Чертковымъ, кто говорилъ—хлопотать объ его помилованіи. Въ день его пріѣзда у Чертковыхъ собралось еще больше гостей. Двѣ большія комнаты были полны людей. Общество само собой кристаллизовалось. Сливки были въ первой комнатѣ, а что попроще—во второй. Тамъ собрались мужички-сектанты, женщины въ платочкахъ, двое рабочихъ съ Обуховскаго завода, дворникъ, который не крестилъ трехъ дѣтей и всѣмъ объ этомъ разсказывалъ. Былъ видѣсь даже и сынъ Сютаева (знаменитаго вѣроучителя Сютаева), молодой малый съ тупой фizioноміей и длинными волосами, раздѣлек-

ными прямымъ пробормъ. Помню, что мы всё спрашивали другъ друга:—А вы видѣли сына Сютаева?—Гдѣ сынъ Сютаева?—Это сынъ Сютаева?— Помню, что въ первый же вечеръ Левъ Николаевичъ сидѣлъ, тѣсно окруженный толпою почитателей и говорилъ намъ о духоворахъ, о томъ, какъ хороша и чиста ихъ жизнь. У нихъ нѣтъ ни пьянства, ни нарядовъ. Вѣдь наряды—это вещь ужасная. Это то же пьянство.

Всѣ слушали его съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, съ любовью и уваженіемъ. Его присутствіе невольно настраивало общество на болѣе высокій ладъ. Помню, что онъ разспрашивалъ рабочихъ объ ихъ жизни на заводѣ. Какъ имъ живется? Да ничего; ихъ не трогаютъ. Ихъ, толстовцевъ, мало: только они двое, да еще два есть; одинъ боленъ, а другой въ деревню уѣхалъ. Вотъ социаловъ у нихъ очень много. За тѣми наблюдаютъ, къ тѣмъ придираются; а имъ пока ничего.

Дворникъ, видимо, очень любившій поговорить, сталъ рассказывать о томъ, какъ онъ не крестилъ своихъ дѣтей. И что же? Растутъ, какъ Божьи злаки, преблагополучно. Говорятъ: какъ же можно, какъ же не крестить? А вотъ просто и можно. Онъ рассказалъ еще, что, выйдя сегодня вечеромъ на улицу, онъ увидалъ небесный сводъ, усыянный звѣздами, и подумалъ; «Вотъ твой храмъ, Господи, вотъ онъ истинный, нерукотворенный. Какого еще людямъ нужно? Вѣрно я говорю, Левъ Николаевичъ? Храмъ есть нерукотворенный. Все прочее выдумки».

Левъ Николаевичъ съ нимъ согласился и, въ свою очередь, разсказать, что вошелъ онъ сегодня въ гастрономическую лавку и видитъ: среди жестянокъ съ сардинами и банокъ съ солеными грибами живописное изображеніе Христа. Онъ подумалъ: зачѣмъ это?—И вотъ входитъ человѣкъ и, глядя на это изображеніе, начинаетъ молиться рукою. И такъ дико показалось Льву Николаевичу то, что онъ дѣлалъ. Какъ это молиться рукою?

Ольга Константиновна Дитерихсъ стояла у двери, соединяющей обѣ комнаты, и, углубившись въ свою записную книжку, что-то озабоченно писала въ ней. Я спросила:

— Что вы дѣлаете? Записываете слова Льва Николаевича?

— Нѣтъ, я считаю, сколько лицъ посѣтило Чертковыхъ за эти дни, и записываю ихъ имена.

Узнавъ, что Левъ Николаевичъ еще будетъ у Чертковыхъ, я рѣшила привезти изъ Царскаго Села моего маленькаго воспитанника Яшу, чтобы дать ему случай взглянуть на великаго писателя. Чертковъ и раньше приглашалъ Яшу, который былъ ровесникомъ его Димочки. Обоймъ, кажется, было тогда по восьми лѣтъ.

Я привезла Яшу съ утра, но комнаты были уже полны гостей. Дамы что-то шили. Оказалось, шили и мѣтили бѣлье отъѣзжающему Павлу Ивановичу Бирюкову. Мы съ Яшей пошли искать Димочку и нашли его въ отдаленной комнатѣ въ обществѣ прыщеватаго молодого человѣка, секретаря Чертова. Молодой человѣкъ разсказалъ

миѣ, что ночью у Чертковыхъ былъ обыскъ и что Димочка болѣе всего огорченъ тѣмъ, что увезли его любимую пишущую машину. Во время обыска приходила бабушка, Елизавета Ивановна, мать Черткова, и говорила дѣлающимъ обыскъ о Богѣ, о томъ, что дѣлу, которому они хотятъ помѣшать, ничто не помѣшаетъ, если оно отъ Бога, и т. п.

Поручивъ Яшу заботамъ и наблюденію молодого человѣка, я вернулась къ дамамъ и тоже взяла работу. Пріѣхала моя подруга, пріѣхало еще много знакомыхъ. Всѣ говорили шопотомъ. Оказалось, что Левъ Николаевичъ и Татьяна Львовна уже здѣсь, по почему-то спятъ, отдыхаютъ. Говорили, что графиня тоже пріѣхала въ Петербургъ, но у Чертковыхъ, повидимому, не была. Публика все прибывала. Кромѣ друзей и сочувствующихъ, являлись и любопытные, желающіе воспользоваться случаемъ взглянуть на Толстого. Всѣ ждали его выхода... Помню, что въ числѣ пріѣхавшихъ была жена художника Рѣпина съ двумя симпатичными дочерьми. Мнѣ особенно понравилась меньшая (не актриса) своимъ горячимъ, восторженнымъ выраженіемъ лица. Очень хорошо она ждала Толстого!

Наконецъ, выспавшись, Левъ Николаевичъ вышелъ къ собранію. Онъ былъ въ духѣ. Опъ присутствовалъ при зажиганіи поджожекъ и, можетъ быть, думалъ: дрова еще холодны, петронуты, но, несомнѣнно, загорятся всѣ. Духоборы соягли свое оружіе и отказались отъ воинской повинности.

Ихъ единомышленники, его ближайшіе ученики, радостно принимали семью за свои убѣжденія. И множество сочувствующихъ собралось, чтобы напутствовать ихъ. Очевидно, старое жизнепониманіе отмираетъ; новое всемірное Божеское вступаетъ въ свои права. Дрова уже тлѣютъ и загораются...

И, какъ полководецъ, Левъ Николаевичъ обходилъ ряды своей дружины, радостно вглядываясь въ знакомыя лица, пожимая дружескія руки. Я стояла съ работой въ рукахъ во второй комнатѣ рядомъ съ баронессой Клодъ и Эрифельтомъ, нарочно пріѣхавшимъ изъ Финляндіи. Недалеко отъ насъ у окна стояли Бирюковъ, Меньшиковъ и Шкарванъ, молодой врачъ-Словакъ, отказавшійся отъ военной повинности. Ласково поговоривъ съ ними, Левъ Николаевичъ подошелъ и къ намъ и, пожимая намъ руки, сказалъ, какъ бы про себя: «И какіе все люди! Какіе люди!..» Я чувствовала себя растроганной и въ эту минуту была на все готова для него. Любя его, я любила и Черткова, и духоборовъ, и готова была любить сына Сютаева и какихъ угодно сектантовъ, и дыропеконъ и дырниковъ, и всякихъ отрицанцевъ, не разсуждая. Нѣтъ, Толстой не научить дурному! Вѣдь чему онъ учить? Простотѣ жизни, умѣренности, справедливости, человѣчности... Все это и нужно. Онъ противъ войны, противъ убійства и казней. Но и я все это ненавижу. И я ненавижу войну... Я не хочу ея. Мы не волки, не шакалы, не гіены, мы люди, мы христіане... Мы не смѣемъ

не только убивать, мы не смѣемъ гнѣваться!.. Довольно звѣрства!.. Долой оружіе!..

Это былъ хорошій день. Пастроеніе у всѣхъ было серьезное, теплое, любовное, христіанское, и Левъ Николаевичъ не могъ не чувствовать этого. Я сказала Павлу Ивановичу, что, загадавъ о томъ, каково ему будетъ въ Баускѣ, открыла «Подражаніе Христу» и миѣ открылось: «Если бѣ Христосъ зналъ что-нибудь лучше страданій, онъ научилъ бы насъ этому и словомъ и примѣромъ».

Бирюковъ не былъ еще женатъ; но у него была невѣста, удивительно милая и хорошая дѣвушка, вполнѣ его достойная. Его звали Пошей, ее—Пашей. Она уже давно любила его, но Левъ Николаевичъ не совѣтовалъ ему жениться, говоря, что свободному человѣку легче прожить совершенной жизнью. Теперь, узнавъ, что Павла Николаевна поѣдетъ въ Баускъ со своей старшей сестрой и съ тремя крестьянскими сиротами, которыхъ она воспитывала,—Левъ Николаевичъ радовался этому и говорилъ ей:

— Какъ я радъ, что вы *есть*!

Слушая Льва Николаевича и разговаривая съ добрыми знакомыми, я не забывала и объ Яшѣ, и ходила посматривать на него. Онъ не скучалъ въ гостяхъ. Сначала мальчишки пускали въ ваннѣ кораблики, потомъ играли въ шахматы, потомъ смотрѣли картины. Я съ удовольствіемъ увидала въ ихъ комнатѣ подносъ съ пустыми тарелками и остатками творогу и каши и порадовалась, что

Яшу подкрѣпили завтракомъ, такъ какъ мнѣ было бы жалъ спѣшить съ отъѣздомъ домой.

Возвращаясь отъ мальчиковъ, я увидала въ проходной комнатѣ самого Черткова, который присѣлъ въ сторонкѣ съ большой чашкой и запивалъ что-то, только чтоимъ скушанное. Я привыкла къ тому, что въ свои положенные часы онъ кушалъ, не стѣсняясь присутствіемъ гостей, но при видѣ этой чашки я и сама ощутила голодь, взглянула на часы и рѣшила спросить все-таки для вѣрности Яшу, сѣтъ ли онъ и что скушалъ.

Яша былъ поглощенъ какой-то картиной.

— А ты знаешь, который часъ,—сказала я ему,—ты не голоденъ?

— Нѣтъ, не очень.

— Что ты кушалъ?

— Когда?—дома кофе пилъ.

— А здѣсь я видѣла тарелки.

— Это Дима завтракалъ.

— А тебѣ не дали?

— Нѣтъ. Онъ и молоко пилъ. Мнѣ не предлагали. Я пока почиталъ.

— Такъ ты голоденъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, я не хочу.

Я пошла къ Бирюкову и спросила, не знаетъ ли онъ, гдѣ тутъ кухня? Я надѣялась попросить кусокъ чернаго хлѣба съ солью и укоряла себя, что не догадалась захватить бутербродовъ для Яши. Бирюковъ привелъ меня въ прекрасную кухню, гдѣ хлопотали двѣ приличныя, франтоватыя особы, ругательски ругая собравшихся у нихъ гостей:

— Нашли время собираться передъ самымъ отъѣздомъ! Тутъ цѣлый домъ убирать нужно, а они придутъ и засядутъ. И что это, право, ко всѣмъ людямъ поѣвши приходятъ, а къ нашимъ непремѣнно лѣзутъ голодные! Вари имъ теперь картофель! И сколько ни свари, все будетъ мало. Что у нихъ своей кухни пѣтъ, своихъ денегъ пѣтъ?.. Безсовѣтные!..

Услышавъ такія основательныя рѣчи, я шепнула Бирюкову по-французски, что лучше не просить хлѣба, а уѣхать домой. Но онъ сталъ уговаривать меня остаться, ручаясь, что добудетъ-таки чего-нибудь для Яши.

Походъ нашъ на кухню возымѣлъ послѣдствія. Благообразный Евгений Ивановичъ съ какимъ-то помощникомъ изъ темныхъ сталъ похаживать съ тарелками, ножами и вилками, разставляя все это на длинномъ столѣ, который внесли въ комнату два толстовца. Деликатные гости удалились въ другія комнаты, отказываясь отъ угощенія, а неделикатные и голодные сѣли за столъ и принялись уплетать дымящійся картофель. Кажется, была еще и каша. Помню только, что Левъ Николаевичъ очень хвалилъ картофель.

По окончаніи этой трапезы мы съ Павломъ Ивановичемъ перешли въ комнату, гдѣ никого не было, сѣли къ окну, и онъ сталъ говорить мнѣ о томъ, какой хорошій человекъ Павла Николаевна и какъ его тревожить, что съ ней будетъ, случись съ нимъ что. Неожиданно къ намъ вошелъ Левъ Николаевичъ и сказалъ:

— Ага, накрылъ васъ!

Я засмѣялась, а Павелъ Ивановичъ совершенно серьезно началъ оправдываться и объяснять, что онъ говорилъ только то и то...

Я сказала:

— Павелъ Ивановичъ точно боится, чтобъ его не заподозрѣли въ чемъ-нибудь недолжномъ. А я нисколько не боюсь сказать, что я очень огорчена разлукой съ нимъ, потому что люблю его больше, чѣмъ всѣхъ другихъ толстовцевъ.

— Не надо,—сказалъ Левъ Николаевичъ:—такъ не надо. Любовь должна проливаться вездѣ, на всѣхъ, какъ вода.

— Я знаю,—сказала я:—но ужасно трудно отдѣлаться отъ симпатій и антипатій. Мнѣ вотъ Павелъ Ивановичъ по душѣ, а NN—не по душѣ.

— И мнѣ также,—неожиданно признался Левъ Николаевичъ и прибавилъ:—А я люблю больше всѣхъ Черткова.

И мы стали исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ, а потомъ снова заговорили о Баускѣ, о Павлѣ Николаевичѣ, и Левъ Николаевичъ еще разъ повторилъ, что онъ очень радъ тому, что она есть.

Въ этотъ вечеръ я окончательно простилась съ Чертковыми, которыхъ больше ужъ не встрѣчала. Черезъ нѣсколько дней друзья торжественно проводили ихъ на желѣзную дорогу, и они уѣхали въ Англію, захвативъ съ собой и доктора Шкарвана, которому нельзя было вернуться къ себѣ на родину. Они везли съ собой свою русскую

прислугу. Говорятъ, дорогой ихъ принимали за семью посланника.

Бирюковъ, Хилковъ и Трегубовъ, соскучившись въ своихъ прибалтійскихъ городкахъ, тоже понемножку отпросились и перебравлись за границу. Бирюковъ женился на Павлѣ Николаевнѣ, пожилъ вблизи Чертковыхъ и въ Purleigh, въ Англіи, затѣмъ перебрался въ Швейцарію. Около Женевы, въ Онех, на пути къ Лансу они купили себѣ домикъ съ садомъ и принялись воздѣлывать свой виноградникъ.

Я была еще два раза въ Вейссенштейнѣ у Хилкова, гдѣ познакомилась съ его женой и матерью, была два раза у Трегубова въ Гольдингенѣ и два раза у Бирюковыхъ въ Онех. За время своего пребыванія за границей Чертковъ и Бирюковъ издавали толстовскій органъ «Libre Pensée» и «Libre Parole», который я читала, не пропуская ни одного номера. Журналъ мнѣ не нравился. Онъ пополнялся знаменитымъ матеріаломъ о гоненіяхъ на сектантовъ и издавался отнюдь не на средства Черткова; нашли какого-то жертвователя. Направленіе журнала было узко-сектантское и меня отталкивало грубо-враждебное отношеніе къ церкви и православію. Въ каждомъ номерѣ помѣщалось какое-нибудь письмо самого Льва Николаевича. Здѣсь я прочла кощунственное «Письмо къ фельдфебелю».

Хилковъ изъ Вейссенштейна тоже уѣхалъ въ Англію, гдѣ жена его родила своего послѣдняго сына, англійскаго подданнаго. Самъ Хилковъ не-

медленно приступилъ къ помощи духовоборамъ и перевезъ ихъ сначала на Кипръ. Но климатъ этого острова оказался не подходящимъ. Надо было найти ихъ Хапаанъ. Левъ Николаевичъ пожертвовалъ имъ весь гонораръ за «Воскресеніе», London Society of friends и Philadelphia Society of friends также пришли имъ на помощь. Въ матеріальныхъ средствахъ не было недостатка. Но куда везти ихъ изъ Россіи? Князь Кропоткинъ, самъ побывавшій въ Канадѣ, напечаталъ въ «Nineteenth Century» статью о томъ, что сѣверо-западная Канада была бы подходящимъ мѣстомъ для духовоборовъ. Левъ Николаевичъ, прочитавъ эту статью, сейчасъ же обратился къ Кропоткину, прося устроить это дѣло. Кропоткинъ написалъ своему знакомому Мэвору, профессору университета въ Торпто. Мэворъ съѣздили въ Оттаву и переговорилъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Все уладилось, и вскорѣ Хилковъ, Модъ и два ходока отъ духовоборовъ, Иванъ Ивинъ и Петръ Махортовъ, поѣхали въ Канаду выбирать участки, по ихъ мнѣнію, наиболѣе удобные для русскихъ переселенцевъ, которымъ давали по 160 акровъ на (мужскую) душу. Имъ отвели земли на берегахъ Саскачевана, въ Манитобѣ и въблизи Іорктона. Левъ Николаевичъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что переселеніе 7,500 его единомышленниковъ было обезпечено. На двухъ большихъ пароходахъ «Lake Huron» и «Lake Superior» поплыли въ свой Хапаанъ русскіе крестьяне изъ Тифлисской и Елисаветпольской губерній. С—ій везъ 2.000 духовоборовъ на «Lake Huron»,

С. Л—ъ везъ 1,900 на «Lake Superior». Остальныхъ предполагали перевезти весною. Для оказанія медицинской помощи путникамъ къ С—у и С. Л—у присоединилось еще нѣсколько добровольцевъ-интеллигентовъ: Алексѣй Б—ъ, Марія и Александра З—ъ, добрыйша Явфросинія Дмитріевна Х—а и др.

Въ чудный солнечный день пароходъ «Lake Nigon» благополучно прибылъ въ Галифаксъ, гдѣ духовоборы торжественно встрѣтили представители администраціи и прессы Канады и князь Хилковъ. Канадцы съ любопытствомъ разглядывали здоровыхъ, рослыхъ и мужественныхъ чужестранцевъ, тепло одѣтыхъ въ тулумы и бараньи шапки, разглядывали и красивыхъ женщинъ въ ярко-красныхъ и синихъ юбкахъ, съ пестрыми платками на головахъ. Пароходъ приближался къ берегу, а духовоборы, стоя на палубѣ, пѣли псалмы. Ихъ встрѣтили привѣтственными рѣчами.

Мистеръ Бульмеръ сказалъ имъ:

— Я не знаю имени вашего императора. Но имя вашего друга и покровителя Льва Николаевича такъ же извѣстно въ Канадѣ, какъ и въ Россіи. И я пѣрю въ то, что одинъ изъ вашихъ мальчугановъ, слушающихъ меня здѣсь въ настоящую минуту, займетъ со временемъ, подобно Льву Толстому, міровой литературный престолъ съ честью для нашей страны!

Князь Хилковъ встрѣчалъ своихъ друзей и распоряжался отправкой ихъ по желѣзной дорогѣ къ новымъ мѣстамъ жительства. Переѣздъ былъ

совершенъ довольно благополучно. Десять человекъ (трое стариковъ и семеро дѣтей) въ дорогѣ умерло и пришлось бросить ихъ въ волны; въ пути было заключено шесть браковъ и родилась одна дѣвочка, которую называли *Канадой*. Это былъ первый ребенокъ, родившійся подъ англійскимъ флагомъ.

Духоборы немедленно принялись строить себѣ жилища въ своемъ Ханаанѣ. А тѣмъ временемъ въ Хамовникахъ и въ Ясной жизни текла своимъ порядкомъ. Тамъ тоже заключались браки. Сначала вышла замужъ Марія Львовна.

«О себѣ писать трудно и длинно,—гласило ей письмо ко мнѣ:—попробовала въ первомъ письмѣ, и ничего не вышло. Я выхожу замужъ за своего родственника Оболенскаго, котораго вы, кажется, видали у насъ. Лѣто мы проводимъ въ Овсянниковѣ, такъ что Танина дача не останется пустой, и это меня ужасно радуетъ. Еще одно лѣто около папѣ и рядомъ съ Марьей Александровной. Все это ужасно мнѣ улыбается. Все лѣто думаю употребить на приведеніе въ порядокъ всѣхъ бумагъ папѣ, чтобы осталось все послѣ меня ясно и аккуратно. Папа очень любитъ моего будущаго мужа. Мнѣ очень радостно и хорошо, хотя я пережила тяжелую зиму. Папа здоровъ и пишетъ статью объ искусствѣ. Скоро ѣдемъ въ Ясную. Цѣлую васъ, милая Л. И. Ваши Марія Т.»

Татьяна Львовна вышла за вдовца съ дѣтьми М. П. Сухотица, а Андрей Львовичъ женился на Ольгѣ Константиновнѣ Дитерихсъ, сестрѣ Чертовой.

Мнѣ очень хотѣлось видѣть Марью Львовну въ новомъ образѣ княгини Оболенской и, списавшись съ ней, я поѣхала въ Москву.

Прежде всего я зашла къ Анненковымъ. Леонила Ѳоминична Анненкова была большой почитательницей Льва Николаевича, который, въ свою очередь, питалъ къ ней большую симпатію и называлъ ее золотымъ человѣкомъ. Леонила Ѳоминична усвоила религіозные взгляды Толстого, что его радовало и располагало къ ней. Анненковы жили въ деревнѣ, но каждый годъ пріѣзжали въ Москву на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы пожить вблизи Льва Николаевича, *темный* кружокъ котораго составляли теперь Русановы, Дунаевы, Горбуновы, Страховы и др.

Вмѣстѣ съ Леониллой Ѳоминичной мы поѣхали въ Хамовники. Войдя въ переднюю, мы услышали звуки балалайки и пѣніе. Прислушавшись къ словамъ пѣсни, Леонила Ѳоминична покачала головой и наставительно произнесла:

— Казалось бы, что въ домѣ Льва Николаевича какъ будто и не пристало пѣть такіа пѣсни!

Совѣтъ ея, конечно, попусту пропалъ для поющего. А я взбѣжала наверхъ и уже на лѣстницѣ увидѣла свою княгиню, еще болѣе худенькую, еще болѣе блѣдную, но счастливую и довольную, съ доброй улыбкой и глубокими ясными глазами. Она очень жалѣла, что я сегодня мало увижу ея мужа. Онъ ушелъ въ театръ съ Андреемъ Львовичемъ. Но я должна его дожидаться, а завтра пообѣдать съ ними.

Обѣ молодые пары, и Оболенскіе и Толстые (Андрей и Ольга), гостили у родителей въ Хамовникахъ. Слабенькая и хрупкая Марья Львовна, хоть и нюхала Lavender Salts, выглядѣла безпредѣльно счастливой. Красивая Ольга Константиновна казалась не то слегка обиженной, не то желающей чего-то большаго. Впрочемъ, она замѣтно была довольна тѣмъ, что вошла въ знаменитую семью, и произносила: папѣ, мамѣ не безъ гордаго удовлетворенія.

Марія Львовна рассказала мнѣ, что она должна была обѣгать всю Москву въ поискахъ священника, который согласился бы обвѣнчать ее (Левъ Николаевичъ былъ уже отлученъ отъ церкви). Еле-еле набрела она наконецъ на такого, который удовлетворился тѣмъ, что она вѣритъ въ Бога и любитъ Христа и Евангеліе. Татьяна Львовна тоже вѣнчалась въ церкви. Папѣ, конечно, не былъ ни на той, ни на другой свадьбѣ.

Льву Николаевичу нездоровилось, и Марія Львовна по прежнему окружала его своими заботами. Полюбивъ всѣмъ сердцемъ мужа, она продолжала любить отца больше своей жизни. Когда подали самоваръ, Марія Львовна принялась варить для него яйца, а Левъ Николаевичъ попросилъ Анненкову прочесть ему вслухъ статью Меншикова въ «Недѣлѣ» о Неплюевѣ.

Когда она дочитала, Левъ Николаевичъ сказалъ, что Меншиковъ совершенно правъ. Ему тоже не нравилась дѣятельность Неплюева. Я рассказала, что встрѣтила Неплюева въ первый

разъ у Вагнера, куда его привезла княгиня М. Н. Щербатова. Онъ сразу не понравился мнѣ и своей накладкой на лысой головѣ, и брильянтовыми заплатами, и огромнымъ носомъ, и, главное, тономъ, которымъ онъ говорилъ объ Евангеліи. Потомъ онъ былъ у меня въ Царскомъ уже безъ накладки, а лысымъ, и опять очень не понравился, хотя былъ очень любезенъ и оставилъ мнѣ въ подарокъ ноты своего сочиненія. Особенно претило мнѣ то, что онъ пересыпалъ славянскіе тексты французскими словечками. Я его спросила: не мѣшаетъ ли ему его богатство? Христіанину не годится быть богатымъ.

Онъ отвѣтилъ, что оно не только не мѣшаетъ ему, но даетъ возможность осуществлять всѣ заветы Христа...

Позже мнѣ показали группу его братчиковъ и томикъ стихотвореній одного изъ нихъ. Молодой поэтъ Леляковъ воспѣвалъ въ своихъ стихотвореніяхъ то красоту голоса, то красоту наружности, то красоту добродѣтелей Николая Николаевича Неплюева. Послѣ чтенія этихъ стиховъ Неплюевъ окончательно мнѣ опротивѣлъ, и я думала: «Только бы намъ больше не встрѣчаться!..»

Мы болтали, время бѣжало. Анненкова начала уже выразительно поглядывать на меня. Пора было дать покой хозяевамъ. Но Марья Львовна не позволяла намъ уйти до возвращенія ея мужа изъ театра. Она и сама уже часто посматривала на свои часики и наконецъ значительно сказала мнѣ:

— Сейчас вы будете приятно поражены.

— Чѣмъ?

— Вы увидите моего мужа.

— Да вѣдь я его знаю. Сколько разъ я его у васъ видѣла.

— Да, но тогда онъ не былъ моимъ мужемъ.

— Это вѣрно.

Молодые мужья по пути изъ театра купили персиковь, грушъ и сливъ, и пришли къ молодымъ женамъ съ подарками. Левъ Николаевичъ тоже умѣренно вкусилъ отъ фруктовъ и удивлялся тому, что и не люблю ихъ.

Въ іюнѣ 1901 года Марья Львовна писала мнѣ:

«Хоть два слова хочется написать вамъ. Михаилъ Осиповичъ все расскажетъ вамъ о папѣ, слава Богу, теперь утѣшительное. Мы съ вами очень давно не видались, но я чувствую, что мы очень близки и увидаться съ вами было бы мнѣ большой радостью. Совѣтую пріѣхать къ намъ приблизительно черезъ недѣльку, когда папѣ будетъ на ногахъ. Писать сейчасъ совсѣмъ некогда. Цѣлую васъ крѣпко. Всегда, когда я слышу о васъ, и когда слышу, что и вы меня помните и немножко любите,—мнѣ это большая радость. Спасибо вамъ».

17-го іюля 1901 г.

«Ну, вотъ, Л. И. милая, какая вы немилая, что не пріѣхали къ намъ. Мама смѣется и говоритъ: «Л. И. всегда *se fait prier*, точно она и знаетъ, что всѣ мы были бы ей такъ рады». А

все поглядывала, какъ ѣдетъ извозчикъ,—не вы ли, и какъ несутъ телеграмму—не отъ васъ ли? У насъ теперь очень тихо, папѣ хорошо поправляется,—такъ бы хорошо, кабы вы были съ нами. Сейчасъ здѣсь только мы съ мужемъ, да два случайныхъ француза, которые завтра уѣзжаютъ. Я здѣсь сейчасъ еще, потому что ждала васъ, а теперь уѣду домой, если все будетъ хорошо, дня черезъ три. Надо кончить и отправить за границу статью папѣ о рабочемъ вопросѣ. А дальнѣйшіе планы у насъ вотъ какіе: въ концѣ августа (къ 28-му) сюда, а въ сентябрѣ всѣ, то есть папѣ, мамѣ, Саша, Таня et С-іе и мы съ мужемъ—всѣ ѣдемъ въ Крымъ для папѣ, отъ лихорадки. Можетъ быть, на всю зиму. Только это, конечно, если Богъ дастъ. Такъ теперь стало жутко загадывать для папѣ.—Л. И., а, можетъ быть, вы все-таки соберетесь въ Ясную, тогда напишите мнѣ, и я тоже приѣду, или, можетъ быть, мы вмѣстѣ отъ меня приѣдемъ, если вы, правда, приѣдете ко мнѣ. Это было бы очень весело и хорошо. Мнѣ всегда совѣстно, когда ко мнѣ приѣзжаютъ,—мнѣ все кажется, что такъ у меня скучно, что я не могу вознаградить приѣздъ ко мнѣ. Но я этого не буду думать, разъ вы приѣдете, и только буду очень, очень рада, благодарна и тронута. Любящая васъ очень

«Марія Оболенская».

«Сейчасъ ѣду навѣстить Мар. Алекс., которая хвораетъ бронхитомъ».

31-го іюня 1901 г.

«Дорогая Л. И. Пишу вамъ, чтобъ сказать, что я опять въ Ясной, куда вчера меня нарочнымъ вызвали изъ Пирогова по случаю болѣзни papà. Къ счастью, этотъ разъ болѣзнь легче, но это все та же противная лихорадка и съ ней выѣстъ ослабленіе сердца. Опять былъ маленькій жаръ, боли въ суставахъ, опять стѣсненіе въ груди и боли въ области сердца, и опять неправильный пульсъ съ переборами. Я пріѣхала вчера. Сегодня ему уже немного лучше, только онъ очень слабъ, и все еще пульсъ нехорошъ. Принималъ хину, можетъ быть, отъ этого жару не было. Сейчас пишу вамъ, сидя въ залѣ, а онъ тутъ же лежитъ на кушеткѣ и читаетъ. Узнавъ, что я пишу вамъ, онъ говоритъ: смотри же, получше поклонись ей отъ меня и скажи, что я радъ былъ видѣть ея портретъ въ сборникѣ писателей. Онъ очень много пишетъ все это время и духомъ, конечно, какъ всегда, хорошъ и бодръ. Я очень тороплю отъѣздъ въ Крымъ, думаю, что ему это будетъ полезно, тѣмъ болѣе, что ему хочется ѣхать. Мы будемъ всѣ жить въ Симеизѣ, на дачѣ Папиной. Я начала писать вамъ главнымъ образомъ, чтобы сказать, что я теперь уже не уѣду домой, а пробуду все время здѣсь, и если бы вы собрались сюда, это было бы очень хорошо. Я радовалась, какъ буду васъ у себя принимать, и теперь жалѣю, что это не выйдетъ теперь. Но вѣрю, что когда-нибудь вы ко мнѣ пріѣдете. Напишите о себѣ. Любящая васъ
«Марія Оболенская».

Въ слѣдующихъ письмахъ изъ Гаспры Марья Львовна сообщала о нѣкоторомъ улучшеніи въ здоровьѣ отца и звала меня въ Крымъ. Льву Николаевичу очень тамъ нравилось, и онъ всѣмъ наслаждался. Но 24-го января 1902 года она писала:

«Милая Л. И., все это время у насъ очень смутное, тревожное. Пала все нездоровъ, то одно, то другое,—а не выходитъ изъ болѣзней. То слабость сердца, то лихорадка, то животъ,—и, главное, общая слабость, какой прежде не было.

«Очень грустно и тревожно это видѣть и, главное, грустно, когда чувствую, что и ему это тяжело. Онъ говоритъ, что это очень хорошо, что такъ и должно быть, что если такъ подходит смерть, то это хорошо, потому что онъ въ полномъ обладаніи умственныхъ и духовныхъ способностей; но физически чувствую, что ему тяжело; онъ такъ не привыкъ жить хилымъ старикомъ и такъ несвойственно ему это состояніе. Онъ все приводитъ народный стихъ, приведенный Буренинымъ въ фельетонѣ:

«Зачалъ старинушка покашливать,
Зачалъ старинушка покряхтывать,
Пора старинушкѣ подъ холстинушку,
Подъ холстинушку, во могилушку».

и ему очень нравятся эти стихи и умиляютъ его.

«Сегодня уѣхали доктора: изъ Петербурга—Бертенсонъ и изъ Москвы—Щуровскій. Консильіумъ рѣшилъ, что запущенная малярія, очен-

плохое состояніе кишокъ и печени, ослабленная дѣятельность сердца (что знаемъ мы всѣ, живущіе съ Л. Н—чемъ). Предписалъ: діету, спокойствіе, отсутствіе движенія. Лѣкарства: каломель, строфантъ, масляные клистиры. Для этого положительно не стоило ѣхать тысячу верстъ. Все это, кромѣ каломеля, производилось и безъ нихъ. А то, что нужно дѣйствительно—спокойствіе, тихая жизнь, одиночество и отсутствіе излишней внутренней борьбы изъ-за мелочей и дразгъ жизни,—этого достигнуть нельзя или очень трудно. Такъ хотѣлось бы взять его и никѣмъ невидимо увезти его туда, гдѣ можно было бы окружить его одной любовью, спокойствіемъ, людьми только близкими и дать ему все, что можно лучшаго и любовнаго. Окружить его всѣмъ мягкимъ, тихимъ, радостнымъ. И я ручаюсь за десять лѣтъ его жизни. Я не хочу закрыть для него жизнь, весь міръ съ его волненьями, борьбой и зломъ, но къ нему близко, касаясь его, пусть будетъ одна любовь. Ну, да что говорить о томъ, чего нельзя. Надо по мѣрѣ силъ и такъ этого достигать, а тамъ—что Богъ дастъ. Таня уѣхала за своими въ деревню и привезетъ сюда всѣхъ дѣтей и мужа. Я тоже переѣхала въ Гаспру. Домой уѣдемъ не раньше мая, коли живы будемъ. Не хочется, жутко загадывать. Теперь очень будемъ васъ ждать.

«Я говорила papà о томъ, что вы пишете о Горькомъ, и онъ сказалъ, что это совершенно вѣрно. А Горькій здѣсь живетъ и постоянно къ намъ ходитъ. Онъ очень симпатиченъ, простъ, и, papà

говорить, очень хороший малый. Папа очень восхищался некоторыми вещами Вересаева, но на днях мы прочли въ «Мирѣ Божьемъ» начало его повѣсти,—и огорчились; очень слабо. Папа огорчается, что всѣмъ имъ, и Чехову въ томъ числѣ—ничего сказать. Таланты есть, а опредѣленныхъ взглядовъ нѣтъ, и поэтому—вода.—Ну, пока прощайте, дорогая. Вотъ и устала. Я все больна, все такъ же киспу физически, а внутренно мнѣ хорошо. Крѣпко цѣлую васъ, какъ люблю. Такъ пріѣзжайте же. Ваша Марія Оболенская».

14-го февраля 1902 г.

«Милая Л. И. Не судьба моимъ письмамъ кончаться и достигать васъ. Два раза начинала писать и не кончала. У насъ болѣзнь папѣ все затягивается. Въ день кризиса, который былъ такой страшный, жуткій и который, слава Богу, прошел благополучно, оказалось, что въ правой сторонѣ захватился новый фокусъ и кризисъ былъ не общій, а частичный, только для лѣвой стороны,—а въ правомъ все еще сидитъ воспаленіе и разрѣшается необыкновенно медленно и вяло. И поэтому все время подъемъ температуры, и нѣтъ конца этой болѣзни. Одно хорошо, что сердце теперь не угрожаетъ и поэтому больше надежды, что онъ вынесетъ. Слабъ онъ очень, такъ что съ трудомъ выговариваетъ слова. Двигаться на постели безъ посторонней помощи совсѣмъ не можетъ. Кормлю его съ ложки, какъ маленькаго. Духомъ очень хорошъ. Говорить, что чѣмъ физи-

чески слабѣе, тѣмъ духовно сильнѣе, чище и выше. И когда ему сказали, что опасность миновала,—онъ сказалъ мнѣ, что ему жаль разставаться съ готовностью смерти. Онъ теперь большею частью тихо, молча лежитъ и проситъ тишины. Меня мучило, что я не знаю его внутреннего состоянія, и я вчера у него спросила: что ты чувствуешь? Онъ говорить: «Физически такъ слабъ, что, кажется, дунуть и духъ вонъ».—«А душевно тебѣ не скучно?»—«О, мнѣ такъ хорошо, очень, очень хорошо».

«Ну, кончаю. А то отрываюсь и опять не помню. Сейчас утро, папа послѣ безсонной ночи спитъ. Мама наверху тоже, а я сижу и слушаю старика. Иногда пугаюсь его дыханіемъ,—считаю,—оказывается нормальнымъ болѣе или менѣе. Иногда злюсь на шумъ въ сосѣднихъ комнатахъ и бѣгу укрощать. Иногда подхожу и считаю пульсъ. Иногда онъ во снѣ что-нибудь скажетъ—тихо подойдешь, а онъ спитъ. И такъ, сидя, карауля его, мнѣ такъ хорошо, въ такомъ я хорошемъ, тихомъ, значительномъ мірѣ, что когда выйдешь ко всѣмъ,—такъ все дико и скучно и хочется опять скорѣе въ его темную комнату. Прощайте, всего вамъ хорошаго. Мужъ садится на мое мѣсто и гонитъ пить кофе. Цѣлую васъ крѣпко. Привѣтъ Михаилу Осиповичу. Его слова не пришлось еще передать папѣ. Ваша М. Оболенская».

Мое близкое знакомство съ толстовцами и другими сектантами все болѣе и болѣе утверждало

меня въ православіи. Немало способствовали тому и религіозно-философскія собранія, открывшіяся въ Петербургѣ въ 1902 году по инициативѣ Виленкина и супругов Мережковскихъ.

На одномъ изъ этихъ собраній я встрѣтила Льва Львовича Толстого. Онъ разсказалъ мнѣ, что отецъ его совсѣмъ поправился, ѣздитъ верхомъ, пишетъ, какъ прежде. Левъ Львовичъ прибавилъ, что я совершенно напрасно стѣсняясь ѣхать къ нимъ, думая, что имъ не до гостей; все равно у нихъ постоянно гости. Я рѣшила воспользоваться промежуткомъ между болѣзнями, съѣздить взглянуть на Льва Николаевича на прощанье и больше ужъ не беспокоить ихъ.

Не останавливаясь въ Тулѣ, прямо съ вокзала я поѣхала на извозчикѣ въ Ясную. Въ домѣ горѣли уже вечерніе огни, когда я подъѣхала къ крыльцу. Поднявшись, я увидѣла въ первой комнатѣ палѣво отъ лѣстницы группу незнакомой мнѣ молодежи около пишущей машины. Единственнымъ знакомымъ мнѣ лицомъ оказалась Юлія Ивановна Игумнова, художница и другъ Толстыхъ. Она сказала мнѣ, что графиня внизу и занимается музыкой, а Левъ Николаевичъ у себя, то есть въ бывшемъ кабинетѣ или гостиной графини, куда его перевели, боясь для него сырости внизу. Сейчас онъ не спитъ и не работаетъ. И она провела меня къ нему.

Левъ Николаевичъ сидѣлъ въ покойномъ комфортабельномъ креслѣ, хорошо и тепло одѣтый. Ноги его были бережно укутаны дорогимъ пла-

домъ, и въ этой позѣ, съ чистенькой книжкой «Русской Старины» въ рукахъ онъ выглядѣлъ совсѣмъ графомъ, а не пахаремъ.

Онъ ласково привѣтствовалъ меня и сказалъ, что можетъ теперь похвалиться здоровьемъ. Но и хворать было хорошо, очень хорошо... Онъ спросилъ, хворала ли я когда-нибудь серьезно? «Да, и въ дѣтствѣ я была при смерти и помню объ этомъ, и позже, по выходѣ замужъ». Левъ Николаевичъ сталъ говорить (точныхъ словъ не помню) о томъ, что болѣзнь лучше учить, чѣмъ здоровье, что полезно настолько приблизиться къ смерти, чтобъ въ виду ея ясно увидѣть и свою жизнь, и свои отношенія къ Богу и къ людямъ. Не пугаться надо болѣзней, а радоваться имъ.

Я совершенно съ этимъ согласилась, по прибавила:

— А вы все-таки не хворайте!

— Да вотъ и пересталъ,—сказалъ онъ. Потомъ онъ сообщилъ, что у нихъ только что были Розановы, мужъ и жена. Если бъ я пріѣхала немножко раньше, я застала бы ихъ здѣсь.

И мы заговорили о религіозно-философскихъ собраніяхъ, о которыхъ Левъ Николаевичъ уже слышалъ и отъ Розанова, и отъ Льва Львовича. Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ показалось, что Льва Николаевича непріятно удивляло, что въ такомъ собраніи не говорили о немъ и о его проповѣди. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, собирався огромное количество невѣрующихъ и отошедшихъ отъ церкви интеллигентовъ, твердить о необходи-

мости новой религіи и не вспоминають о проповѣди Толстого. Нѣтъ, каждый усердно тащитъ свой собственный кирпичикъ для этой новой вавилонской церкви, пренебрегая готовымъ зданіемъ толстовскаго ученія. Вообще Левъ Николаевичъ недоумѣвалъ, для чего эти собранія устраиваются совместно съ духовенствомъ, и думалъ, что долго продолжаться они во всякомъ случаѣ не будутъ.

Вошла графиня, сіяющая избыткомъ силъ и здоровья, и заговорила о Тапѣ и Машѣ, объ ихъ жизни и обстановкѣ, объ ихъ заботахъ и надеждахъ. Мнѣ очень недоставало обѣихъ старшихъ дочерей. Ихъ присутствіе въ домѣ всегда вносило атмосферу свѣжести, сердечности, веселости и поэзіи. И отсутствіе ихъ было очень замѣтно. Точно лучшее украшеніе комнаты, въ ней разросшіяся и долго всѣмъ на радость стоявшія дорогія оранжерейныя растенія, куда-то вынесли и остались голыя стѣны.

Передъ чаемъ я увидѣла въ залѣ раскрытый ломберный столъ съ мѣлками и картами.

— Васъ это удивляетъ?—сказала графиня.— Что дѣлать? Онъ уже не можетъ заниматься умственной работой такъ много, какъ прежде. Нужно какое-нибудь развлеченіе. Прежде онъ очень любилъ карты. А теперь это ему отрухъ.

Не помню, кто изъ дѣтей игралъ съ нимъ въ винтъ: Левъ Львовичъ или Саша, или оба вмѣстѣ и еще кто-то четвертый, но помню, что графиня называла это семейнымъ винтомъ.

Гостей было много, и всё, повидимому, здѣсь жили. Я сказала графинѣ, что Чеховъ стѣсняется ѣздить къ нимъ въ деревню, зная по опыту, сколько всегда хлопотъ его сестрѣ и матери съ простынями для гостей. Графиня возмутилась этимъ и сказала:

— Ну, вотъ: Чеховъ (!) стѣсняется, а Богъ знаетъ кто ѣдетъ безъ стѣсненія.

И за чаемъ, и послѣ чаю мы все время говорили о нашихъ заграничныхъ друзьяхъ.

Говорили и о Канадѣ, о духоборахъ. Теперь надѣялись выхлопотать Веригину разрѣшеніе уѣхать къ нимъ. Конечно, съ нимъ у нихъ лучше все наладится.

Пока мы бесѣдовали, изъ отдаленной комнаты доносились взрывы неистоваго хохота. Левъ Николаевичъ прислушался и сказалъ:

— Это докторъ. Вѣрно, почту привезли.

И онъ разсказалъ мнѣ, что какой-то субъектъ, изъ православныхъ, осыпаетъ его наставительными и ругательными письмами. Левъ Николаевичъ ихъ не читаетъ, но докторъ очень ими потѣшается и даже вступилъ съ авторомъ писемъ въ полемику, конечно, отъ своего имени. Дѣйствительно, черезъ минуту докторъ вошелъ къ намъ и, захлебываясь отъ смѣха, сталъ читать отдѣльныя фразы изъ длиннаго письма, очень мало интересовавшаго Льва Николаевича.

Вечеромъ графиня сказала мнѣ съ улыбкой.

— Хотите испытать полное блаженство?

— Въ какомъ видѣ?

— Переночевать на кровати Льва Николаевича. Я велѣла постлать вамъ тамъ. Поживите у него.

И она привела меня въ бѣлый сводчатый кабинетъ, увѣковѣченный Рѣпинымъ.

Когда графиня ушла, мнѣ что-то показалось, что здѣсь ужасно грустно. Отчего? Можетъ быть, отъ мысли, что Левъ Николаевичъ уже ушелъ изъ своей рабочей комнаты, въ которой столько потрудились? Но вѣдь онъ вернется сюда съ тепломъ? Я вспомнила, какъ по поводу болѣзни Льва Львовича онъ говорилъ: «Отъ страданій, старости и смерти не уѣдешь».

И вотъ—

Началь старинушка покашливати,
Началь старинушка покряхтывати».

Старость и лихорадка ополчаются на него, гонять, преслѣдуютъ его, заставляя отступать и укрываться, перекочевывать...

Я легла и погасила свѣчку. Но и въ темнотѣ я все видѣла знакомую по картинѣ Рѣпина комнату и рабочій столъ, и платье, и сапоги на стѣнѣ. Мнѣ казалось, что и самъ Левъ Николаевичъ сидитъ здѣсь за своимъ столомъ и пишетъ. Я вспомнила, какимъ недосыгаемымъ, высокимъ и далекимъ казался онъ мнѣ, когда я въ первый разъ видѣла эту картину! И вотъ я у него въ домѣ, среди близкихъ ему лицъ, въ его повседневной обстановкѣ. Измѣнило ли это мое отношеніе къ нему? Нѣтъ, въ моихъ глазахъ онъ все на той же высотѣ.

Я вспоминаю другую картину Рѣпина: «Толстой пахарь». Я люблю Льва Николаевича за то, что онъ надѣлъ крестьянское платье и пахалъ. Я мечтаю о томъ, что вслѣдъ за нимъ всѣ князья и графы, всѣ Рюриковичи и всѣ, что тянутся за ними, тоже надѣнуть крестьянское платье и пойдутъ на тяжелую честную работу, будутъ пахать, боронить, копать, разбивать камни на дорогахъ, спустятся въ шахты и штольни, въ рудники и честнымъ тяжелымъ трудомъ искупятъ свою вину передъ людьми, которые такъ долго за нихъ и на нихъ работали. Я не стала бы ни убивать, ни вѣшать лѣнливыхъ, считая это грѣхомъ и большой и ни къ чему не ведущей глупостью, но я и думаю, и чувствую, что необходимо заставить всѣхъ трудиться. И неужели не интереснѣе разбивать камни, копать гряды, чѣмъ играть въ рулетку, заниматься спиритизмомъ или, какъ мнѣ рассказывали объ одномъ молодомъ и богатомъ князѣ, разстрѣливать отъ скуки изъ револьвера дорогія произведенія искусства? Какая гадость!

Я мечтаю о томъ, что доживу до времени, когда всякій тяжелый трудъ будетъ въ должномъ почетѣ, а всякое уклоненіе отъ него—въ должномъ презрѣніи.

Я люблю Толстого за то, что онъ надѣлъ крестьянское платье и пахалъ. Говорятъ, онъ пахалъ недолго, далъ написать свой портретъ и бросилъ пахать. Нѣтъ, онъ пахалъ, копалъ, косилъ, тачалъ сапоги; а если все это оставлялъ, то для того, чтобы писать. Работа тоже и честная и не

легкая. И я вспоминаю все, что онъ написалъ; все, что онъ писалъ вотъ здѣсь, въ этой самой комнатѣ, очертанія которой я смутно вижу и въ темнотѣ. Его знаменитые большіе романы и «Поликушку», и «Три смерти», и мои любимые христіанскіе рассказы въ родѣ «Чѣмъ люди живы», и все послѣднія его статьи о жизни, о религіи, о нравственности. Катехизиса онъ не кончилъ. Онъ не только не кончилъ его, но въ своемъ указаніи «Какъ читать Евангеліе?» онъ прямо сказалъ слѣдующее:

«Когда у меня спрашиваютъ, въ чемъ состоитъ мое ученіе, я отвѣчаю: *У меня нѣтъ никакого ученія*».

«Я понимаю христіанское ученіе такъ, какъ оно изложено въ Евангеліи». И онъ прибавляетъ:

«Если я писалъ книги о христіанскомъ ученіи, то только для того, чтобъ доказать невѣрность тѣхъ объясненій, которыя дѣлають толкователи Евангелій».

Хорошо. У него нѣтъ своего ученія. Онъ предлагаетъ только ученіе Евангелія. Онъ нашелъ это Евангеліе въ церкви и сказалъ:

— Я нашелъ въ тинѣ жемчужину.

Онъ оцѣнилъ жемчужину и, по его мнѣнію, сталъ отчищать ее отъ тины. Онъ оцѣнилъ евангельское ученіе, какъ ученіе, дающее смыслъ жизни. И онъ сказалъ: *Вотъ ученіе, которому надо слѣдовать*. Только это и нужно. Церкви не нужно. Долой ее! А если въ церкви—Христосъ?

Но вѣдь этому Левъ Николаевичъ не вѣрить. И какъ онъ относится къ Христу?

Онъ говоритъ: «Христовъ, можетъ быть, лучше того, котораго мы знаемъ, было много». Онъ говоритъ: «Было и есть много миллионовъ Христовъ, Буддъ, дѣлавшихъ дѣло жизни. Они остались намъ неизвѣстны, но дѣломъ жизни они дошли до насъ и сдѣлали насъ».

Онъ говоритъ: «Надо и можно, и должно жить такъ, чтобы быть Христомъ неизвѣстнымъ».

Онъ говоритъ: «Изъ Христа не сдѣлали бы религіи, если бъ не выдумка воскресенія. Главный выдумщикъ—Павель» и т. д.

Я вспоминаю еще многое, что онъ говорилъ о Христѣ, вспоминаю книгу нѣмецкаго теолога Веруса, которую Левъ Николаевичъ рекомендовалъ прочесть моему хорошему знакомому. Я прочла ее съ начала до конца, хотя она ни на волосъ не поколебала моей вѣры въ церковь. Верусъ доказывалъ, что *никогда никакого Христа и не было*, что ни у одного изъ достойныхъ довѣрія историковъ не находится точныхъ свидѣтельствъ о существованіи такого лица... Я вспоминаю еще нѣкоторые отзывы Льва Николаевича о Христѣ и прихожу къ выводу, что надо идти или за Христомъ, или за Толстымъ. И вижу ясно, что идти за Толстымъ значитъ не идти за Христомъ. Мнѣ становится грустно. Тогда я спѣшу мысленно перенестись къ маленькому Николенкѣ Иртеневу, засыпающему въ слезахъ въ дѣтской кроваткѣ, сжимая въ ручонкѣ любимую игрушку,

фарфоровую собачку... Это тоже былъ Левъ Николаевичъ! Какъ хорошо тогда было у него на сердцѣ! Онъ былъ счастливъ, милый мальчуганчикъ, похожій на дорогого Ваничку. А теперь?... Какъ ему спится тамъ сейчасъ, наверху? Хорошо ли ему тамъ съ его великой душой, съ его благороднымъ сердцемъ и неукротимымъ умомъ?

Несомнѣнно, онъ вѣритъ въ Бога, помнить о Богѣ, стремится къ нему, какъ къ свѣту. Но почему онъ сдружился не съ Амвросіемъ Оптинскимъ, а со старикомъ Сютасевымъ? Онъ видѣлъ и зналъ обоихъ. *Неужели задоръ Сютасева выше глубокаго смиренія Амвросія...* Оба они знали Евангеліе наизусть. Оба знали стихъ девятнадцатый пятой главы Маттея:

«Кто нарушитъ одну изъ заповѣдей сихъ малѣйшихъ и научить такъ людей, тотъ малѣйшимъ наречется въ царствѣ небесномъ; а кто сотворитъ и научить, тотъ великимъ наречется въ царствѣ небесномъ». Кто же изъ нихъ сотворилъ, кто нарушилъ?—Время покажетъ.

Проснувшись утромъ, снова вижу картину Рѣпина, только безъ Льва Николаевича, который еще мирно поживаетъ этажомъ выше. Одѣвшись, я иду къ нянѣ, съ которой не удалось поболтать наканунѣ. У нея сидитъ уже гостя, бывшая Саша, нынѣ Александра Львовна. Меня принимаютъ въ компанію, и няня угощаетъ насъ у себя чаемъ. Александра Львовна еще не одѣта и сидитъ съ распущенными волосами, въ бѣлой ночной кофточкѣ, положивъ оба локтя на столъ.

Ниня усердно пробираетъ ее за неблагоразуміе. Ну, какъ же? Здоровья не бережетъ. Большая дѣвица, а сама какъ маленькая. Вчера нездоровилось, а она въ снѣгъ по колѣно лѣзетъ. Ноги промочила. Потомъ лѣчиться придется. Хорошо это развѣ?

Я смотрю на нихъ и говорю:

— Точно сцена изъ «Онѣгина» — Татьяна и няня.

Александра Львовна поднимаетъ на меня свои хорошіе, честные глаза и мычитъ:

— Ну, ужъ и Татьяна!

А няня, не разобравъ, въ чемъ дѣло, съ удвоенной строгостью подхватываетъ:

— Да, да, и будешь, какъ Татьяна Львовна! Та тоже долго разбирала.

Сама качаетъ головой и смѣется. А мы съ плечей, вздохнувъ объ ея молодомъ легкомысліи, принимаемся вспоминать Ваничку. Сколько бы ему теперь лѣтъ было?.. Потомъ, поблагодаривъ за чай, поднимаемся съ Александрой Львовной по знакомой мнѣ внутренней лѣсенкѣ въ ея комнату, далеко не похожую на комнатки ея старшихъ сестеръ въ ихъ молодости. У нея большая просторная комната, перегороженная надвѣсомъ кретоновой драпировкой, уставленная кретоновыми диванами и креслами. Впрочемъ, Александра Львовна тутъ же заявляетъ мнѣ, что ей ничего этого не нужно, и стоитъ это все такъ, неизвѣстно для чего. Причесавшись и одѣвшись, она идетъ въ бывшую дѣтскую, гдѣ уже набралось изрядное количество

деревенскихъ ребятшекъ съ букварями и тетрадями. Вмѣстѣ съ молодой княжной Оболенской Александра Львовна приступаетъ къ обученію яснополянскихъ ребятъ. Учитъ по азбукѣ отца, и дѣло идетъ успѣшно... Звонятъ къ завтраку, дѣти отправляются домой. Но одного мальчуганчика оставляютъ, поятъ въ столовой чаемъ и даютъ еще чего-то съѣстного на дорогу.

Послѣ завтрака Левъ Николаевичъ идетъ одинъ гулять. Графиня очень тревожится и твердитъ съ беспокойствомъ:

— Какъ я боюсь! какъ я боюсь!.. Конечно, онъ привыкъ ходить одинъ. Но непременно надо, чтобъ кто-нибудь слѣдилъ за нимъ издали. Маша это какъ-то умѣетъ. Я очень боюсь! Разъ ужъ онъ упалъ. Да, упалъ и расшибся. Вѣдь онъ слабѣетъ. Онъ не хочетъ сознаться, но онъ очень ослабѣлъ. Надо Сашѣ сказать, чтобъ она смотрѣла хоть издали. Случись что!.. Конечно, если онъ увидитъ, что слѣдятъ, онъ будетъ недоволенъ. А какъ же не бояться.

Потомъ графиня рассказываетъ мнѣ, что они переживали въ Крыму, когда онъ такъ заболѣлъ. Вообще тамъ было трудно. Дача на юру, вѣтеръ, было холодно, натопить трудно. Огромное роскошное помѣщеніе; нужно было много прислуги. Всѣхъ ихъ накормить надо. А провизію приходилось по телефону заказывать въ Ялтѣ; присылали мерзлую и страшно дорого.

Левъ Николаевичъ возвращается со своей прогулки совершенно благополучно, и графиня успо-

каивается. Александра Львовна предлагаетъ мнѣ пройтись съ ней до конюшни, гдѣ ей выводить и показываютъ какую-то лошадь. И по позѣ молодой графини, и по тону ея разговора и съ лошадью, и съ кучеромъ, по тому, какъ она говорить: «типру...» я вижу, что здѣсь она въ своей стихіи.

Послѣ обѣда я сижу въ комнатѣ у Льва Николаевича. При каждой встрѣчѣ одинъ изъ его первыхъ вопросовъ:

— Что вы читали?

Самъ онъ читаетъ поразительно много и умѣетъ находить цѣнныя новинки въ литературѣ всѣхъ народовъ. Толстовцы читаютъ все, понравившееся ему. У меня съ собой маленькая дорожная книжка рассказовъ Анатоля Франса, которой Левъ Николаевичъ еще не видѣлъ; онъ беретъ ее почитать. Мы говоримъ о Чеховѣ и его пьесахъ. Левъ Николаевичъ высоко цѣнитъ Чехова, и его удивительный талантъ, и его юмористическія нотки. Ему нравится «Моя жизнь». Онъ восхищается «Душечкой» и особенно телеграммой со словомъ *сючала*... Левъ Николаевичъ нѣсколько разъ повторяетъ это *сючала*, прибавляя: «Какъ онъ это схватилъ удачно. Какъ вы думаете: какое это слово?» Но пьесы ему не нравятся. О «Чайкѣ» онъ говоритъ: «Это Богъ знаетъ что. Сплетеніе сумбурныхъ положеній, въ которыхъ не разберешься». А мнѣ «Чайка» нравится. Я рассказываю ему о письмѣ, которое Чеховъ написалъ Меншикову, встревожившись болѣзнію Льва Николаевича. Онъ пи-

сать, что, когда мы останемся безъ Толстого, мы останемся и безъ литературы, такъ какъ съ нимъ окончательно исчезнетъ вкусъ, пониманіе, строгое отношеніе къ дѣлу, и останется какое-то безпашное стадо.

Входитъ Левъ Львовичъ. Онъ снова вегетарианецъ, какъ и отецъ. Живя въ Петербургѣ, онъ вступилъ въ вегетарианское общество. Онъ говоритъ что-то о роли орѣховъ въ питаніи и собирается даже ѣхать въ Тулу за орѣхами, такъ какъ ближе ихъ не достанешь. Затѣмъ онъ вспоминаетъ, что общалъ предсѣдательницѣ вегетарианскаго общества карточку отца съ его подписью; онъ проситъ отца дать таковую, а меня—передать ее этой госпожѣ, когда я ее увижу. Левъ Николаевичъ открываетъ ящикъ стола и достаетъ изрядный запасъ фотографій, снятыхъ съ него въ Крыму. Я прошу карточку и для себя и выбираю очень похожую, въ бѣломъ халатѣ, въ родѣ больничнаго. Но Левъ Николаевичъ, взглянувъ на нее, морщится и говоритъ: «Ну, нѣтъ, ужъ только не такую». «Такъ выберите сами!» Онъ выбираетъ себя въ профиль, въ пальто и въ шапкѣ, сидящимъ на балконѣ, среди цвѣтовъ, и, подписавъ ее, говоритъ: «Ужъ лучше эту; все-таки покорективѣе».

За чаемъ Левъ Николаевичъ возвращаетъ мнѣ книжку Анатоля Франса: онъ прочелъ всю, по понравились только два разсказа: о маленькомъ трубочистѣ и «Crainquebille». Тутъ же за столомъ

Левъ Николаевичъ самъ читаетъ вслухъ всѣмъ присутствующимъ первый разсказъ, а миѣ даетъ прочесть второй. Затѣмъ онъ приноситъ изъ своей комнаты «Стрѣлы» Буренина, и кто-то изъ гостей начинаетъ читать одну пародію за другой при всеобщемъ хохотѣ.

На слѣдующій день пріѣзжаютъ еще новые гости: утромъ симпатичная Нагорпова, а къ обѣду—Гольденвейзеръ. На смѣну литературному получается музыкальный вечеръ. Покойное кресло Льва Николаевича переносятъ въ залу и, сидя въ немъ, онъ слушаетъ игру артиста вмѣстѣ со всѣми. Гольденвейзеръ играетъ и классиковъ, и Рахманинова, и Аренскаго. Я вспоминаю, что когда въ первый мой пріѣздъ говорили о музыкѣ и я сказала, что больше всѣхъ люблю Моцарта, графиня сказала: «И Левъ Николаевичъ тоже любитъ Моцарта больше всѣхъ». И пока Гольденвейзеръ играетъ, я смотрю на Льва Николаевича и чувствую, и угадываю, что ему нравится больше, что меньше... И чувствую, что, несмотря на всю пріятность музыки, онъ думаетъ и помнитъ, какъ и я, что хотя музыка и прекрасная вещь, но все же хорошій музыкантъ немногимъ больше хорошаго повара.

Концертъ кончается. Всѣ понемножку начинаютъ говорить о музыкѣ. Левъ Николаевичъ говоритъ миѣ, что теперь лучшимъ композиторомъ будетъ тотъ, кто совершенно незнакомъ съ творческими своими предшественниками, такой, который

не будетъ знать ничего изъ того, что играли до него.

— Снова первый портной?

— Да.—И Левъ Николаевичъ развиваеъ эту мысль.—Не только въ музыкѣ, но и во всемъ, и во всѣхъ другихъ искусствахъ важно не быть связаннымъ внушеніями своихъ предшественниковъ, надо быть вполне свободнымъ и творить смѣло, не оглядываясь на эти загромождающіе образцы. Старое только мѣшаетъ.

Я думаю, что большой талантъ всегда будетъ сильнѣе внушеній и какихъ-либо посягательствъ на свою свободу. И мнѣ кажется что-то искусственное въ такомъ рѣзкомъ отстаиваніи своей свободы. Пусть все будетъ просто и естественно. Мѣшаютъ ли на любомъ деревѣ старыя вѣтки распускаться новымъ? Однѣ крѣпче, другія свѣжѣе и душистѣе, по всѣмъ свое мѣсто, всѣмъ свое время жить и зеленѣть.

На другой день я уѣхала изъ Ясной вмѣстѣ съ Гольденвейзеромъ. Левъ Николаевичъ вышелъ проводить насъ на лѣстницу и сверху посылалъ еще поклоны знакомымъ. А я снизу смотрѣла на него и думала, что прощаюсь съ нимъ навсегда. Я находила, что его слишкомъ тормозятъ посѣтители, и отнюдь не хотѣла на себя брать того же грѣха. Притомъ я чувствовала, что, еслибъ я была такой толстовкой, какъ Анненкова, какъ М. А. Шмидтъ, я могла бы быть ему пріятной гостьей, а разъ этого нѣтъ, что даромъ мозолить ему глаза?..

Тѣмъ не менѣе уже въ началѣ войны, проѣзжая изъ Воронежа мимо Ясной, я не утерпѣла и заѣхала еще разъ къ Толстымъ.

Я снова ночевала въ знаменитомъ кабинетѣ, а все утро провела у графини въ ея комнатѣ. Она дала мнѣ прочесть свой рассказъ, а потомъ ту тетрадь дневника Льва Николаевича, въ которой онъ изливалъ свои ощущенія въ то время, какъ былъ женихомъ графини. Она показала мнѣ и свою карточку певѣстой.

За обѣдомъ говорили о Веригинѣ, который уже благополучно проѣхалъ въ Канаду, о томъ, что женеvские толстовцы, поотдавшіе своихъ дѣтей въ школы въ Швейцаріи, были въ нихъ очень разочарованы, и вообще о томъ, какъ живутъ въ Опех и въ Tucktonhouse.

Послѣ обѣда пріѣхалъ еще гость изъ Петербурга, Тотоміанцъ, изъ «Сѣвернаго Курьера». Онъ сѣлъ съ Львомъ Николаевичемъ на угольный диванъ, за столъ, на которомъ весь день лежали три портрета румынской королевы (Sagmen Silva) съ лестными для Льва Николаевича подписями, и принялся интервьюировать хозяина.

Помню, что въ концѣ вечера былъ почему-то ужинъ, вѣроятно, въ честь не обѣдаvшаго гостя. За ужиномъ графиня сидѣла на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ, направо отъ нея Тотоміанцъ, налѣво я; подлѣ Тотоміанца Левъ Николаевичъ. Услыхавъ, что Левъ Николаевичъ

говорить своему интервьюеру: «мои друзья—анархисты», графиня перебила мужа словами: «Твои друзья, которых ты въ глаза никогда не видалъ».

— Это ничего не значить, — сказала Тотоміанцъ.— Можно считать своими друзьями единомышленниковъ, хотя бы и не приходилось съ ними встрѣчаться.

— Можетъ быть, — согласилась графиня:— но я думаю, что если бъ онъ ихъ увидѣлъ, едва ли бы онъ назвалъ ихъ своими друзьями.

Левъ Николаевичъ не отвѣчалъ на замѣчанія графини и продолжалъ говорить Тотоміанцу начатое, а графиня стала рассказывать мнѣ, какъ къ нимъ пріѣзжала въ Москвѣ Яворская.

И еще разъ мы простились, и еще разъ Левъ Николаевичъ вышелъ на лѣстницу проводить гостей. Я уѣхала съ Тотоміанцемъ. Дорогой онъ сказалъ мнѣ:

— Вы замѣтили, что онъ сказалъ: «Мои друзья—анархисты...»

— Замѣтила.

— Ну, вотъ. А вѣдь какъ сынъ его въ Петербургѣ спорилъ, доказывая, что онъ совсѣмъ не анархистъ.

— Онъ и не сказалъ, что онъ—анархистъ. Онъ сказалъ: «Мои друзья—анархисты».

— Однако, онъ отрицаетъ государство, онъ разрушаетъ его и сочувствуетъ анархистамъ.

— Онъ говоритъ, что анархисты правы во всемъ, кромѣ насилія. Они неправы, думая, что анархію можно установить революціонными приемами. Она установится только тѣмъ, что все болѣе и болѣе будетъ людей, которымъ не нужна защита правительства и которые будутъ стыдиться прилагать эту власть.

— Ну, да, конечная цѣль его—все-таки анархія. Онъ—религіозный анархистъ.

— Онъ великій писатель... и великій мечтатель.

— А вы слышали, что графиня говорила о своихъ расчетахъ съ работниками. Какъ это не вяжется!... И потомъ, что это она сказала: «Если бъ я была богата...» Развѣ она не богата?

— Она сказала, что любить все бѣлое, и что если бъ она была богата, то всѣ въ домѣ у нея ходили бы въ бѣломъ.

— Развѣ она не богата? Развѣ они не богаты? Они богаты!

Начались ужасы войны. При такомъ горѣ было уже не до развѣздовъ. Я получала отъ времени до времени сообщенія о здоровьѣ Льва Николаевича и Марьи Львовны, о болѣзни графини, о перенесенной ею операциі. А въ 1906 г. я получила сообщеніе о смерти дорогой Марьи Львовны. Она умерла въ Ясной, и, узнавъ объ этомъ, я сейчас же написала графинѣ, которую любила, уважала и цѣнила по прежнему.

Письмо графини 7-го декабря 1906 г.

«Дорогая Л. И. Какъ вы хорошо отнеслись къ нашему горю и какую вѣрную, нѣжную оцѣнку сдѣлали памяти нашей Маши. Это лучшее участіе и лучшее утѣшеніе намъ. Только что я перенесла жестокия физическія страданія, и вотъ опять приходится мучиться, но уже худшими, душевными болями. Мучительно возникаетъ мысль, что, оживъ послѣ опасной операціи, я точно отпала жизнь у Маши. Въ одну недѣлю унесло ее сильнѣйшее крупозное воспаленіе легкаго, не уступавшее ни на минуту никакому лѣченію. Жаръ отъ 40 и 5 до 41,3, буквально сжегъ ее слабенькое, хилое тѣло. Она бредила невнятно, рѣдко опоминалась и тотчасъ же кого-нибудь приласкаетъ, скажетъ: «Милый папаша!» или «Какъ поживаете, мамаша? Сядьте около меня; дайте руку». А то просила отца: «Не уходи!» Въ день смерти она вдругъ горько начала плакать, обняла мужа и черезъ нѣкоторое время едва понято сказала: «Умираю!»

«Ей, повидимому, не хотѣлось умирать: она еще недавно говорила, что такъ счастлива! И все что-нибудь ее отклоняло отъ возвращенія домой, въ ея имѣніе. То получили записку, что мужики хотятъ убить ея мужа, то пути не было, то нездоровилось, и такъ она прожила у насъ три мѣсяца и кончила жизнь тамъ, гдѣ ее начала. И хорошо. Народъ такъ трогательно жалѣлъ ее; она съ на-

шими крестьянами и работала, и лѣчила ихъ, вообще дружила.

«Послѣднія минуты ея были необыкновенно трогательны. Ее посадили, потому что ей трудно было дышать. Левъ Николаевичъ все время держалъ ея руку. Голову Маша склонила немного набокъ, глаза были закрыты, но выраженіе ея лица и весь обликъ ея были такъ прелестны и умилительны! Точно она кротко покорилась смерти и тихо ее приняла. Ея исхудалое лицо такъ живо напомнило мнѣ похожаго на нее Ваничку. Тѣ же духовные задатки, которые такъ сильно проявлялись въ Машѣ, когда она была дѣвушкой, и такъ видны были въ Ваничкѣ уже съ дѣтства. Мы лишились въ Машѣ того неутомимаго участія въ нашей жизни, которое она всегда проявляла, и той опоры отцу, котораго она такъ безгранично любила, безъ разсужденія, безъ критики, всецѣло. Идя на смерть, передъ операціей, я поручала Машѣ Льва Николаевича, прося ее никогда не оставлять его. Могла ли я думать, что она насъ оставитъ? Левъ Николаевичъ спокойно и мудро переноситъ это горе. Онъ смотритъ на смерть, какъ на нѣчто обыденное, не то, что мы, слабые люди, которымъ потеря близкихъ кажется чѣмъ-то особеннымъ, тяжелымъ!

«Никогда не зажила во мнѣ рана, нанесенная смертью моихъ дѣтей, особенно Ванички, и теперь до конца дней придется нести новое бремя горя потери взрослой дочери. Но видно, это всегда такъ

у насъ, матерей. Спасибо вамъ, милая Л. И., что раздѣлили горе съ нами. Не забывайте насъ, посѣтите насъ и знайте, что неизмѣнно, съ любовью всегда относилась къ вамъ прежде и буду относиться всегда и впредь.

Преданная вамъ Софья Толстая».

Но больше мнѣ не довелось быть въ Ясной.

